

Издатель:
ООО «Артофвар»

Учредители ООО «Артофвар»:
Аркадий Бабченко
Илья Плеханов

Главный редактор:
Илья Плеханов

Директор по распространению
Анна Кунарева

Дизайн и верстка:
Александр Гуров

Корректоры:
Анна Кунарева,
Иван Николаев

Адрес для корреспонденции:
115573, г.Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
www.navoine.ru
E-mail: almanax-war@mail.ru
Тел.: 8 903 524 16 19

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77 26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
ОАО «Дом печати — Вятка»

Подписано в печать:
14.09.2008

Номер издан при поддержке:

Компания
“Ланит”
www.lanit.ru

Региональная
общественная
организация
ветеранов
подразделений
специального
назначения
“ЗАЩИТА-Р”

Тел.: 981-04-00
760-93-95

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

В последнее время август считается проклятым месяцем в России. И август 2008 года не стал исключением. Началась война в Южной Осетии.

Казалось бы, безумные 80-90-е годы и времена распада Союза уже канули в Лету, и бывшие граждане когда-то одной страны насытились кровью, всё поделили, разбежались по своим углам и больше никогда не поднимут друг на друга оружие. Но нет. Политики решили по-другому. И началась новая война, снова полилась кровь.

Это была странная война. Не прослеживается ни логических, ни экономических, ни политических выгод ни для одной из сторон. Результат только один, ощутимый здесь и сейчас. Опять массово погибли люди. Сотни и сотни людей. Мирных и военных. Осетин, грузин и русских. Стариков, женщин и детей. Опять мы увидели разрушенные города, сожженную технику, обгорелые трупы, испуганных пленных и убитых горем матерей. Всё повторяется. Проклятая война не уходит с земель бывшего Союза.

Кто и когда в здравом уме мог представить себе, что русские будут вместе с чеченцами убивать грузин? Мир не стал лучше, хотя мы нахлебались войны. Кому-то всё мало.

И это была новая война. Новая в том плане, что впервые у людей появилась возможность не слушать и не читать привычно лгушие СМИ, а получать информацию из первых рук, от очевидцев и участников событий. Они выходили на связь по своим мобильным телефонам, они писали в свои электронные дневники, они запускали в Интернет фотографии с мест событий.

В этом номере мы собрали именно такие свидетельства. Наш номер — не официальная точка зрения и не попытка всё объяснить и разжевать, вписать войну в хитрые геополитические планы. Мы не собираемся анализировать произошедшее. Пусть этим занимаются «умные» люди в Москве, Тбилиси, Вашингтоне и в центральных СМИ. Их много. У них в ноздрях не стоит запах человеческого горелого мяса. Они всё знают. И разложат по полочкам.

Как всегда, мы лишь попытаемся донести правду о том, какой эта война была — из первых рук. Со всех сторон. Что бы ни говорили политики тогда и потом.

Читайте.

В Москве журнал можно приобрести:
Магазин «Фаланстер».
М. Гнездиковский переулок,
д. 12/27, стр. 3.
Тел. 629-88-21, 504-47-95
falanster@mail.ru

Магазин «Книжный Торговый
Дом Москва».
Тверская ул., д. 8.

Магазин «Новой Газеты».
Страстной бульвар, д. 4.

В С.—Петербурге журнал можно приобрести:
WWW.7-62.RU («7,62»)
ул. Львовская д. 8.
Т/ф. (812) 541-02-07, 541-25-94

Магазин Военно-туристское снаряжение
Кронверкский пр. д.31.
Т/ф. (812) 232-26-82

Архангельск, «Дом книги», пл.Ленина 3.

Интернет-магазин «Центрмаг»
www.centrmag.ru, тел. 754-33-22

4

Война в Южной Осетии

**АРКАДИЙ БАБЧЕНКО:
ГОД ПРИДНЕСТРОВЬЯ
В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ**

14

**ДМИТРИЙ СТЕШИН:
С ИХ СТОРОНЫ**

17

**ВАДИМ РЕЧКАЛОВ:
КАРТОЧКИ С ВОЙНЫ**

19

**ВЯЧЕСЛАВ НЕМЫШЕВ:
МОРДА**

28

**ЕГОР ЛОСЕВ:
"ОБЫЧНЫЕ" ГРУЗИНЫ**

29

**ИВАН НИКОЛАЕВ:
"НИЧЕГО НЕ КОНЧИЛОСЬ"**

По периметру

35

**АЛЕКСАНДР КЛИМОВ:
ДЕВОЧКА
ЕЛЕНА ПАВЛОВНА**

Чечня

42

**ИЛЬЯ АНПИЛОВ:
ЧЕЧЕНСКИЙ СЛЕД**

47

**ВИКТОР ПЕТРОВ:
ДЕВЯТЬ ДНЕЙ НА ВОЙНЕ**

9:23
9. 4. 1995

**ВЯЧЕСЛАВ МИРОНОВ:
ПРОСТИ, ВИКТОР** 56

**ИЛЬЯ ПЛЕХАНОВ:
ПЬЮШКИН,
ФУГАСИК И "ЫЦ"** 58

Перевод

**СТИВЕН УИЛБЭНС,
ДЖЕЙ ДЖАЙА:
ПОЧЕМУ Я
ПОШЕЛ НА ВОЙНУ** 64

Интервью

**РАЯН ФАРУКШИН:
"ПИКНИК В ЗАЗЕРКАЛЬЕ"
ИНТЕРВЬЮ С ВЯЧЕСЛАВОМ ЯКОВЕНКО** 66

Памятники

**ИРИНА ТАНАНАЙКО:
ОСКОЛОК** 69

Поэзия

**ВЛАДИСЛАВ ИСМАГИЛОВ,
МИХАИЛ КОШКОШ,
АЛЕКСАНДР АНАПКИН,
ЯРОСЛАВ КРОК** 70

Байки

**ПАВЕЛ САЕНКО:
ИНСТРУКЦИЯ** 72

Аркадий
БАБЧЕНКО

<http://www.navoine.ru/authors/babchenko-arkadiy>

ГОД ПРИДНЕСТРОВЬЯ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Южно-Осетинская война началась не в ночь с 7 на 8 августа, как принято считать, а примерно за неделю до этого. Обоюдные обстрелы сел были уже первого-второго числа, поначалу, правда, только из стрелкового оружия. Надо отметить, что Грузия проявляла тактику сдерживания и старалась, по возможности, не отвечать на провокации. Эскалация пошла шестого августа с подрыва грузинского броневика с шестью полицейскими. Осетинская сторона уверяет, что броневик подорвался на mine — за день до этого там же взорвались осетинские «Жигули», которые точно так же разворачивались в поле. Грузины уверяют, что броневик был подбит — скорее всего, в отместку за «Жигули».

Как бы там ни было, седьмого числа Грузия двинула свои танковые колонны на Цхинвали. Как рассказывал мне потом журналист Дмитрий Стешин, который был в тот день на грузинской стороне, он снимал эти колонны до тех пор, пока у него не закончилась флэшка.

Очевидно, что Москва, в свою очередь, тоже только и ждала повода для введения войск в Южную Осетию и Абхазию. Прежде всего, в Абхазию. Но и Цхинвали не сбрасывался со счетов — с нашей стороны танковые части были стянуты в Назрань еще в 2007 году. И Михаил Саакашвили этот повод Москве, безусловно, дал.

По словам заместителя начальника Генерального штаба Анатолия Ноговицына, потери российской армии составили 74 человека погибшими, 171 ранеными и 19 пропавшими без вести. Цифры, на мой взгляд, близки к точным.

Ночной Владикавказ спокоен. Людей мало, солдат почти нет, хотя блокпосты на перекрестках выставлены. Беженцев тоже не видно. О том, что за перевалом идет война, говорят лишь непомерно взлетевшие цены на билеты — попасть на самолет оказалось чрезвычайно трудно. Да и летели почти четыре часа вместо обычных двух — уже над самим Бесланом пропускали военные борта.

Алан, который встретил меня в аэропорту, рассказывает по дороге, что сегодня из Цхинвали вернулся его отец. Ездил туда со снайперской винтовкой. Привез тринадцать ушей. Я ему не очень верю. Перевал вроде еще не взорван и не занят, но в воздухе господствует грузинская авиация — штурмовики гоняются за машинами с ополченцами. До Джавы добраться можно, но дальше дорога перекрыта.

На площади у дома правительства митинг. Человек пятьсот. Все женщины. Что-то кричат. Спрашиваю Алана, чего они хотят. Хотят войны.

Ловлю советника зампреда парламента Северной Осетии Израила Тотоонти. Он обрисовывает ситуацию:

— Идет сбор призывников. Можно говорить о мобилизации резервистов, но не принудительной, а добровольной. Собираем их через военкоматы. Берут далеко не всех. Стихийное движение стараемся пресекать. Есть возрастной ценз — 20-45 лет, у человека обязательно должен быть военный билет и военно-учетная специальность. Если он подходит, то издается приказ о его призыве на сборы. Указание о сбо-

рах пришло из Минобороны России. Сам я этого приказа не видел, но, думаю, это так. Делается это для обеспечения согарантий, если с человеком, не дай Бог, что случится, семья сможет получить все выплаты и льготы. Во Владикавказе этим людям дают форму, а оружие они получают уже в Джаве. По состоянию на утро субботы отправлено примерно полторы тысячи человек. Сейчас туда везут боеприпасы и стрелковое вооружение — пулеметы, автоматы, гранатометы. Что касается числа погибших, то точные цифры нам не известны — думаю, несколько сотен. Кроме официально призванных резервистов, есть и добровольцы. Они не включаются в осетинские части. Выехало около 300 чеченцев, возможно, нам удастся приписать их к североос-

етинскому военкомату. Есть добровольцы из Волгограда, ветераны-афганцы. Ждут официального решения около 3000 дагестанцев — их представитель сейчас здесь, в правительстве. Насколько граница прозрачна, сказать не могу, но резервистов пока пропускают без проблем.

Утром 10 августа на пункте сбора царит обычная неразбериха. Добровольцев меньше, чем можно было бы ожидать, человек двести всего. Выезжаем уже во второй половине дня. Автобусов пять-семь. Они курсируют постоянно, туда везут добровольцев, хлеб и главное — воду, отсюда — женщин и детей. Для нашего водила сегодня это уже второй рейс и точно не последний.

На границе пропускают всех подряд, ни о чем не спрашивая — лишь бы был паспорт. В

фото: Аркадий Бабченко

фото: Аркадий Бабченко

нашем автобусе находится гражданин без паспорта — из числа забудлыг. Его заворачивают. Единственный вопрос — есть ли оружие. Но задается он не для того, чтобы отобрать: просто обратно с оружием уже не впустят.

Начиная от Алагтира, дорога забита военной техникой. Идет 58-я армия. По-моему, вся. Колонна растянулась километров на шестьдесят, если не больше. Много поломавшихся машин, несколько десятков. Все как обычно — техника в говенном состоянии. Насчитал и штук десять перевернувшихся. Два «Урала» свалились с обрыва вместе. Кабины расплюснены. То есть, небоевые потери уже есть.

Перед Чертовым мостом стоит ракетная часть. Машин пять. Издалека не видно — «Искандер» это или «Точка-У», или что-то в этом роде. Но ракеты серьезные.

Рокский тоннель забит. Пробки в обе стороны. Движение гражданских машин приостановлено. Впрочем, нашу колонну пропускают без проблем. Трехкилометровый тоннель практически не проветривается. Дышать совершенно нечем. Пыль и угар такие, что дороги не видно даже с фарами. В тоннеле стоят и два сломавшихся танка. Экипажи ковыряются в моторах. Долго они здесь не выдержат, это точно. Трагедия на Саланге, когда от выхлопов задохнулись более двухсот человек, ничему не научила.

За перевалом дорога забита совсем. Больше стоим, чем едем. Для аланов правил дорожного движения не существует. Каждый лезет в образовавшуюся щель и забивает дорогу совсем намертво. Какой-то офицер с матами разгоняет машины по обочинам — навстречу идет колонна «Скорых». Раненые и беженцы. Двадцать пять машин. Все под завязку. Но, насколько мне было видно, в основном, все же беженцы. Их вывозят на чем только можно. Машины почти все без

стекол, пробиты осколками. С грузовиков люди свешиваются гроздьями, как виноград.

В Джаве очередное столпотворение. Это первое крупное село после тоннеля, перевалочная база. Все пространство забито людьми, тюками, телевизорами, танками, диванами, солдатами, таксистами, простынями... Шанхай. Все орут, бегают, хотят уехать — туда и отсюда, лезут в автобусы и на броню — туда и отсюда, договариваются, сидят обреченно, спят или просто смотрят в одну точку.

Здесь добровольцев останавливают. Транскам — единственная дорога, соединяющая Южную Осетию с Северной, — перед самым Цхинвалом проходит по грузинским селам, и они все еще заняты противником. Проехать нельзя — обстреливают. Грузины сидят на высотах и жгут все, что движется. Сегодня утром подбили БМП и две «шишиги» пятьдесят восьмой армии — после третьего сбитого нашего самолета авиаподдержка колонн прекратилась.

Ловлю Жорика на прострелянной медицинской «таблетке» без лобового стекла.

Двинули по объездной Зарской дороге. Здесь ее называют почему-то «через лес», хотя идет она по горам. Дорога — обычный проселок, измочаленный танками совсем уж в муку. Вся эта мелкая взвесь столбом встает из-под колес и валит прямо в салон. Рот, нос, глаза, уши сразу забиваются сантиметровой пробкой пыли.

Жорику лет пятьдесят. По пути он сказал не больше десяти слов. Да я и не лез к нему особо. Автомат на коленях, лицо мрачное, в кузове — шмотки. Гонит, как может, — надо успеть до темноты. Камикадзе чертов. Люблю таких.

Около одной из деревень двое солдат. Один с пулеметом. Выходит на дорогу и поднимает руку. Как-то слишком хорошо экипированы

для ополченцев — те все больше в обычном камуфляже или горках, а у этих броники, каски, разгрузки, пластиковые фляжки. Грузины? Смотрю на Жорика.

— Все в порядке. Наши.

Молодые парни, лет по двадцать пять. Веселые. Воевали в городе, съездили домой, сейчас обратно на передовую. Настроение победное — город только что взяли обратно под контроль. Показывают снятых на мобильный телефон грузинских пленных — в подвале сидят человек 10-15, из-за пыли не разглядел. Но рассказывают, что их больше.

Уже на подъезде к Цхинвалу стоит обелиск. В прошлую войну грузины расстреляли здесь автобус с детьми. Около тридцати человек. Каждый год на этом месте проходит панихида. Такие вот дела.

Цхинвал лежит в чаше между гор темным мертвым пятном. Даже издалека видно, насколько он разрушен. Работала авиация, артиллерия, «Град». Говорят, вчера горело все. Кое-где чадит до сих пор.

Периодически долбят САУ и работают снайперы. САУ, вроде, наши, стреляют по окружающим город высоткам. Снайперы, вроде, не наши — обрабатывают город с высоток.

Только доехали до подбитых танков, как опять заработала артиллерия. Снаряды прощелестили через головы и упали километрах в полутора, на окраине. Началась интенсивная стрельба.

— На хер, сваливаем отсюда, — это Жорик.

Запрыгнули в таблетку. Свалили... на соседнюю улицу. К нему домой.

Дом более-менее цел. Правда, без окон и осколками побит, но не рухнул. Хотя Жорик в нем не живет, ночует у соседа наискосок через улицу — у того подвал есть.

У соседа только подвал и остался. Две ракеты: одна во дворик, вторая точно в дом. Во дворе сгоревшая десятка, в доме до сих пор тлеет — жар от потолка пригибает к земле, заворачивает ноздри, как в хорошей сауне. При свете зажигалки спускаемся по ступеням. Подвал — так, не подвал, — кладовка. Мелкая и маленькая. Все заставлено банками с компотом — по местным меркам, богатство. Нет ничего — ни воды, ни света, ни продуктов. Люди питаются только гуманитаркой, которую привозят как добровольцы — каждый, кто едет в Цхинвал, загружает машину по средствам и возможностям — так и Российская армия. Гуманитарку раздают около вокзала, перед гостиницей. Обратно грузовики набивают беженцами.

Хуже всего без воды. Трубопровод перебит в ущелье и из него ровным мощным водопадом льет вода. Холодная вода, вкусная... Хочется пить уже.

У танков взвод ополченцев. Танков не два — три. Один подбил лично Секретарь Совбеза Южной Осетии Анатолий Баранкевич. От танка не осталось ничего кроме гусеницы, куска днища с двумя катками, башни, отброшенной взрывом метров на 20 и пробившей козырек дома, и воронки. Остальное разлетелось мелкими кусками по окружности метров в триста. Два других сдетонировали уже от этого, первого взрыва.

— Эй, Аркан, вот грузинский танкист! — показывают ногой. — Их тут собаки жрут. Будешь снимать?

Никогда не любил охотников за трупами. Не надо изгаляться над смертью. Я не пережил всего этого. Имею ли право? Но, в итоге, решаю все же снимать. В конце концов, я приехал именно за этим. Морализировать можно и в Москве. Делаю несколько кадров. В свете вспышки еще можно различить человеческую грудину без ничего. Красная прожаренная кожа обтягивает ребра.

Дальше в город идти не советуют — взяли-то его взяли, но окончательной зачистки еще не было.

Отводят в столовую. Подсаживаюсь за столик к майору, такому же измотанному вдребезги. Он рассказывает, как их обстреливали два дня.

— Много погибших?

— Много.

— Сколько?

Он жмется:

— Батальона больше нет...

— Ну, сколько? Десятки? Сотни?

— Десятки. Две БМП стояли на улице. У них был приказ огня не открывать. Сожгли. Там человек двадцать пять было. И потом еще...

Грузинская армия заходила в город с трех сторон. Вроде бы три танковых батальона и от 600 до 2000 человек пехоты. Город не брали — зашли, покатались на улицах десятку танками, их пожгли, пехота откатилась в рощи. А когда подошли головные части 58-ой армии, то и вовсе отступила на высоты. Так что никаких боев по освобождению не было. Единственный именно бой был за батальон российских миротворцев. Остальное, скорее, локальные стычки. Хотя и весьма интенсивные.

Около выезда из города, на остановке, опять подбитые танки — еще два. Чуть дальше, на повороте, два ополченца жгут труп убитого грузина. Жара стоит тяжелая, трупы никто не

Тибилова Залима и Каджоева Дина. И фотографии сверху. Все. Больше ничего не осталось. Пытались уехать из города на легковушках, были расстреляны и сожжены.

Этот район обрабатывали сначала «Градом», затем зашла пехота — женщины рассказывают, как они сидели в подвале, над головами ходили грузины, а они молились только об одном — чтобы не заплакал грудной ребенок. Здесь погибло восемь человек.

Думаю, что это средний показатель. «Град» дает не столько фугасный, сколько осколочный эффект — дома повреждены сильно, но ни один настолько, чтобы можно было говорить о десятках трупов под завалами. Так что ни о каких тысячах погибших речи быть не может. По моим ощущениям — сто пятьдесят, двести, триста человек. Но никак не тысячи.

А, пошло все к черту... У вас свои дела, у меня свои. Это надо видеть всем. Залезаю на бордюр и снимаю в упор. Крупно. С лицом и всеми подробностями. Красное поджаренное мясо лезет в объектив.

хоронит, и по улицам уже пополз запах. Мышцы-сгибатели сильнее мышц-разгибателей и, сокращаясь, они выгибают тело дугой. От огня живот убитого раздулся как шар. Человек горит неохотно, и они подкладывают в огонь ветки. Пока не сожжены даже ноги. Фотографировать? Нет?

А, пошло все к черту... У вас свои дела, у меня свои. Это надо видеть всем. Залезаю на бордюр и снимаю в упор. Крупно. С лицом и всеми подробностями. Красное поджаренное мясо лезет в объектив.

Как-то притупились во мне моральные запреты. Не чувствую абсолютно ничего. Это самое паскудное — относиться к смерти как к работе. В Чечне бы я, пожалуй, уже слегка тронулся.

Разрушения едем снимать в район 12 школы. Пять-шесть многоподъездных домов на окраине. В двух квартирах три завязанных узлом простыни. Гаглов Эдуард, Гаглова-

Я не пытаюсь никого оправдать или выродить. Расстрел города оружием массового уничтожения это, безусловно, преступление. Но я стараюсь быть объективным. Не надо спекулировать погибшими.

Никаких массовых казней и этнической чистки тоже не было. На мирных жителей просто наплевали — сколько погибнет, столько и погибнет, и, даже скорее, чем больше погибнет, тем лучше.

Как не было массовых казней и резни грузин на следующий день на Транскаме. Возможно, тоже только потому, что они все ушли. Но и это — факт. Хотя разграбили и сожгли там все подчистую.

Притом, да — три завязанных узлом простыни с сожженными женщинами. Да, подвал, где прятались мирные, и в который сверху, со ступенек, стреляли грузины. Да, труп 18-летнего парня в гараже, застреленного снайпером — он не мог не видеть, в кого стрелял. Да, раздав-

фото: Аркадий Бабченко

ленная танком в лепешку «девятка». Да, метровые осколки «Града» рассыпью.

На обратном пути едем мимо расположения батальона миротворцев. Казарма практически снесена. Те сожженные БМП так и стоят — не две — три. И еще одна внутри. И танк у казармы. Грузины долбили прямой наводкой, сумели прорваться даже в расположение части — зашли со стороны автопарка, и били танком уже в упор. Выжгли все дотла. Бой здесь был жуткий. Миротворцы поднимали на крышу снайперов и отстреливали пехоту. Когда сидеть в раскаленном подвале стало невозможно, пошли на прорыв. Только прорвали первую цепь атакующих, как сразу наткнулись на вторую. Прорвали и её. Погиб, говорят, всего один человек. Ушли в рощу и держали круговую оборону, пока не подошла армия.

Миротворцам остаться именно миротворцами не дали — им просто пришлось принять одну из сторон. Хотя огня они не открывали до последнего.

Корреспондентов «Первого канала» интересуют склады с трупами мирных жителей. Лучше — детей. Это желание спекуляции настолько очевидно, что даже сопровождающая нас осетинская журналистка взрывается: «Перестаньте нести чушь! Какие трупы? Всех забирают к себе родственники и хоронят! Не смейте больше говорить про трупы!»

Под стеной школы лежит грузинский солдат. Тело вздулось, голова, грудь и плечи от жары стали совсем черные. Запах уже очень тяжел. Хорошо, что сегодня еще ничего не ел.

На соседней улице еще один — рядом с очередным сожженным танком. Голова расколота и на неё надет целлофановый пакет — чтобы не смотреть. В лежащей рядом каске — серое с красным. Неподалеку еще тел пять — их по очереди обыскивает какой-то человек, отвернув голову и зажав нос рукой. Достает документы.

Дальше еще один. А потом сожженные танкисты на площади. Там уже много народу, как солдат, так и ополченцев. Фотографируются. Снимаю, уже не церемонясь, с разных ракурсов. Грудину распознать уже невозможно, за ночь собаки догрызли её окончательно. Не чувствую уже вообще ничего. Плевать.

На столбе табличка: «Современный Гуманитарный Университет. Москва. Цхинвальское представительство». В Современном Гуманитарном я учился. Образование — бакалавр юриспруденции по международному праву.

Смешно, правда?

Всего в этот день насчитал семь подбитых грузинских танков и около тридцати трупов. Судя по запаху, в роще лежит еще столько же.

Раскуроченная техника. Сожженные дома.

Больница забита людьми. Дети в грузовиках. Жорик в подвале. Труп в гараже. Сожженные женщины в кульках. Сожженный труп в танке. Горящий труп грузина. Двадцать пять сгоревших заживо в бэхах солдат. Черт, ну почему все время — сгоревшие? Жара. Пыль. Воды бы... Россия воюет с Грузией. В каком страшном сне это вообще когда-нибудь могло присниться? Нашлись три полдурка на наши головы.

Прыгаю на броню к ямадаевцам и еду на зачистку.

«Восток» уже был в Цхинвале три месяца назад. В этот раз прибыл девятого числа, участвовал в зачистке. Сейчас, вроде бы, собираются чистить грузинские села на Транскаме, выбивать засевшие там остатки грузинской армии.

Выходим большой колонной. Псковские десантники, шестьсот девяносто третий полк, самоходная артиллерия, танки. Городе уже забит российской техникой, она рассредоточивается по позициям. Но большая часть все еще на марше.

Убитого грузина так и не сожгли — труп до сих пор валяется на повороте. Из рощи пахнет уже совсем тошнотворно. Там грузин накрыла наша авиация. Над головами летают два штурмовика. Против солнца их плохо видно, но все

же замечаю, как темно-серый силуэт отрабатывает по предгорьям в Грузии. По нему тут же отвечают ракетами — две, три, четыре штуки. Что-то серьезное, дымные следы чертят через полнеба. Наверное, те самые «Буки». Не попадают. Но ракеты с этого момента взлетают постоянно.

Долго стоим, пропускаем танки — штук тридцать, не меньше. Они выползают из рощи и идут в голову колонны.

— Есть! Сбили! — на соседней мотолыге все вскакивают, смотрят в небо, задрав головы. Тоже смотрю. Ни черта не видно.

— Что там?

— Сбили! Рядом с хвостом разорвалась! Летчики катапультировались — оба...

В той стороне, откуда взлетали ракеты, поднимается столб белесого дыма. Упал... Ожидая, что сейчас пойдем за летчиками, но это только в американском кино так — спасательные операции и «Черные ястребы». В российской действительности — упал и упал.

На дороге — сожженные и разбитые легковушки. Одна раздавлена танком в лепешку. Потом пошли сгоревшие БМП. Наши. Те самые, из 58-ой, попавшие в засаду. Говорят, что из тридцати бэх здесь остались 25. Я насчитал всего четыре.

Время от времени въезжаем в пятна труп-

Фото: Аркадий Бабченко

ного запаха. Если останавливаемся в таком пятне, то липкая субстанция заполняет рот, нос и легкие. В кустах еще два тела. Не наши.

«Восток» идет на трех БМП, трех мотолыгах и двух «Камазах». Мотолыги вместе с водителями приданы Российской армией. БМП трофейные — грузины бросили их во время зачистки. На бортах надписи белой краской — «чеченцы», «ямадаевцы», «Восток».

Рядом сидят Ваха — лет тридцати пяти с бородой и в зеленой исламской шапочке, Артур с золотыми фиксами вместо передних зубов, Ибрагим — угрюмый снайпер с лицом бандита и Хитрый — веселый шаристый парень. Все молодые, не больше тридцати, все пришли в батальон в 2003 и войну не застали. С Хитрым мы сходимся особенно легко. С остальными не знакомлюсь.

Ехать на броне с ямадаевцами, мягко говоря, непривычно. Стараюсь поменьше разговаривать. По виду — чистые головорезы: бородастые лица, зеленые повязки. Идем под крики: «Аллаху Акбар!»

Чеченцев аланы встречают как освободителей. Один дед притащил пятидесятилитровую бутылку вина. Российская армия, наоборот, смотрит неприветливо. На отклики не отзывается. В лучшем случае провожает равнодушно, чаще — недружелюбно. Очень редко кто-нибудь из срочников улыбнется.

Нас обгоняют две машины. Там тоже бородастые люди с зелеными повязками. Чеченцы приветствуют друг друга весьма прохладно.

— Кто это? — спрашиваю Ваху.

— Кадыровцы. «Запад». Тоже здесь...

Видно, что отношения напряжены. Больше о «Западе» ничего не слышно. Потом один из замов Ямадаева рассказал, что кадыровцы в

Грузию не пошли: плюнули на все и со словами «Это не наша война» развернулись и ушли назад.

До Хетагурово — большого осетинского села, последнего перед грузинским анклавом — доходит без проблем. Село брошено, все дома заперты, жители ушли. Хетагурово сначала обстреляли грузины из минометов, а потом херакнули «Градом» наши — уже по грузинам. Видимо, все по окраинам — центральная улица абсолютно целая. Разрушений не видно. И церковь стоит. Шаримся по дворам, ищем исключительно колодцы. В дома никто не заходит, не мародерствует. Колодец находим дальше на центральной улице. Быстро набираю воды — наша мотолыга уже на ходу. Получается всего грамм семьсот. На всех — меньше, чем по глотку.

Когда уже почти выезжаем из села, появляется разведка — с хвоста. Вовремя. Уже всех, кого можно было, сожгли бы.

По дороге какой-то мужик на мотолыге

маршруты движения, отсутствие данных о противнике или даже о том, через какие села едем. Хетагурово — это где вообще? Это грузинское село или осетинское? Здесь есть противник или нет противника? Здесь есть наши или нет наших? Да хрен его знает, товарищ прапорщик.

Впереди какое-то село. За чинарами, километрах в двух, длинные белые постройки коровника. На повороте видно, как колонна вползает в село. Тут же раздается взрыв, над деревьями вырастают жирные клубы черного дыма. У коровника замечаю вторую мощную вспышку — не гранатомет, что-то посерьезнее. Второй взрыв. Дым становится жирнее.

Мать твою! Неужели подбили?

Мчимся в село. Из него в спешном порядке выходит наша техника и пехота. На поле уже развернута батарея саушек, долбят по двум кирпичным домам слева. Хорошо так долбят. Над домами вовсю развевается грузинский флаг. Но пока оттуда никто не отвечает, вроде. Перед самым въездом дорога трамбуется — одна улица идет прямо, одна налево и одна направо, мимо водонапорной башни. Горит справа. Там начинается бой, заработали танки.

Спешиваемся, бежим вдоль канала. Там, где горит, уже во всю стрельба. Понеслась война. Даешь буги-вуги! Don't you want somebody to love? Давай, журналиста, пора за работу. Делаю несколько кадров.

Почти весь батальон «Восток» вошел в село, и их там попржижали. Осталась только наша группа. По перекрестку начинают бить танки. Огонь сильный. Замечаю летящий на меня осколок. Шаг в сторону:

— Внимание, осколок!

Он шлепается по земле, пару раз подпрыгивает и тормозит о берег Руслана. В режиме «лежим-бежим» продвигаемся к водокачке. Чуть задерживаюсь, снимая стреляющие саушки. Группа уходит вперед. Бегу за ними.

Чеченцев аланы встречают как освободителей. Один дед притащил пятидесятилитровую бутылку вина. Российская армия, наоборот, смотрит неприветливо. На отклики не отзывается. В лучшем случае провожает равнодушно, чаще — недружелюбно.

носится взад-вперед и ищет артиллеристов.

— Мужики, САУшки где?

— Да хрен его знает. Были где-то...

— Бл...ь, я ж говорил, что это не наша колонна!

Все как обычно, в общем. Ни связи, ни карт, ни ориентации на местности, ни понимания обстановки и задач, неясно обозначенные

Заходим в зону обстрела. То ли обстрел, то ли танковое сражение, не поймешь. Огонь очень плотный. Осколки сыплются как град. Продвигаемся по канавке. Войти в село нам не дают — около водокачки накрывает уже прямую. Снаряды ложатся метрах в двадцати, не больше. Головы не поднять. Под таким огнем я еще никогда не был. Спасает насыпь вдоль

канавки. В правое бедро на излете попадает осколком. Удар сильный. Но не ранило, покапало. Зачем-то фотографирую свою пробитую штанину. Правая. Это уж как водится. Правая нога у меня невезучая. Не было еще случая, чтобы я куда-то съездил и не заработал в неё дырку.

Делаю еще пару кадров. Больше не получается, через каждые 10 секунд приходится нырять лицом в землю.

Коровник прямо перед нами. Стрелковое оружие пока вроде не работает, но чуть дальше в селе бой сильный. Чеченцы обрабатывают коровник и «зеленку» из подствольников. Ползком пытаемся пробраться к перекрестку. Нет, все-таки нас видят — огонь прицельный. Черт, почему у меня нет каски? Квартиру за каску! Пытаюсь закрывать голову руками, но прям-таки физически ощущаю, насколько человеческая плоть мягче железа. Пробьет. И голову тоже. Становится страшно. Воздух напичкан металлом. Рев от разрывов дикий.

Слышим крики — раненый. Двое тащат третьего. Очередной залп. Земля в рот. Шлепанье осколков. Вскрываю и перебегаю к ним. Терек. Пробило ногу. Дырка с два пятака. Жгут уже наложен, но кровь все равно идет ровными сильными толчками.

— Бинт сможешь наложить? — то ли Артур, то ли Ваха.

— Да! Смогу! Давай бинт!

Под огнем перевязать получается плохо — опять накрывает, то ли «Град», то ли кассетный миномет, то ли одновременно вдарили стволов из десяти. Здесь насыпи уже нет, лежим в открытом поле. Не знаю, что закрывать: фотоаппарат, голову или Терека. Плещаюсь слева от него, ближе к разрывам, фотоаппарат под себя. Хреново. Так я совсем высокий получаюсь. Кое-как накладываю бинт, примотав и траву. Нога сломана, ранение, кажется, сквозное.

— Надо выносить! — опять, то ли Артур, то ли Ваха.

— Давай, грузи на меня! Накидывай на спину!

Не получилось. Опять мордой в землю. В этот раз совсем уж как-то сильно. Рвется один за другим секунд двадцать. Все, п...ц. Черт. Это последняя война для меня. Хорош. Точно. Ну, его на хрен.

Полуползком тащим Терека за руки. Он тяжелый. Пытается помогать здоровой ногой. Потом тащим бросками метров по пять-десять, между залпами больше не получается.

Мотолыга рядом, метрах в пятидесяти.

— Тоха! Тоха! Водила! Мотолыжник, ты где? Мотолыжник!!!

Видимо, под гусеницей прятался. Мотолыга взрывается, разворачивается, и мчится на нас задом. Когда до Терека остается метра два, истошно орем. Стой, стой, сука, раздавишь! Вскрываю и упираюсь сначала руками, а затем плечом в корму. Терек лежит под ногами, не могу найти точки опоры. Как будто смог бы остановить иначе... Мотолыга сдвигает меня назад, начинаю заваливаться под гусеницы.

— Стой! Стой, б...ь! Стой, сука!!!!

Все-таки Тоха хороший водитель. Отлично чувствует машину. Гусеница останавливается сантиметрах в восьмидесяти от головы Терека. Не знаю, что он пережил — не смотрю на него.

В отсеке навалены ящики с боеприпасами и зипами — как всегда кое-как. Одни острые углы. Ну, почему нельзя уложить по-человечески? Выкидываю несколько штук, поднимаем Терека, закидываем в десант. Перебитая нога подламывается в голени, он стонет. Опять разрывы. Бляха-муха, только бы сейчас не накрыло. Как на ладони все. Только бы дали выйти из-под огня. Сожгут ведь, сука. Не доедем же. Сожгут.

Прыгаю пузом на броню, распластываюсь:

Фото: Аркадий Бабченко

давай, давай, обороты! Медики стоят в полукилометре. Проезжаем группу журналистов, машу рукой. Руки по локоть в кровище.

Сразу за нами из боя начинают таскать раненых. Привозят еще полную бэху, шесть человек. Все восемнадцатилетние пацаны, пехота. Один обожжен. Называет фамилию — рядовой Савелин из Рязани. Просит курить и пить. Прикуриваю сигарету и вставляю ему в губы. С водой сложнее. У второго в руке тонкая щель сантиметров семь длиной. Перебита артерия. Кровь идет стуктами. Запах у неё такой... Как в мясной лавке, свежатины. Третьего несут — ноги перебиты. Четвертый... Четвертому здоровый осколок ударил в грудь, рассек ткани и чуть не дошел до легкого. Огромная зияющая дыра. Красное мясо. Но парень идет сам — в шоке еще — и легкое, кажется, не задето. Повезло.

Фотографирую. Фотоаппарат заляпан Терекской кровью.

Подхожу:

— Ты как?

Он вдруг расплывается в улыбке:

— Нормально. Болит.

Захорошело от промедола.

Смотрю, как его грузят в «шишигу». Странная война. Я, русский, ветеран двух чеченских кампаний, в Грузии, в Южной Осетии, в грузинском селе, вытаскиваю из-под огня грузинских танков командира взвода чеченского спецназа — офицера российского ГРУ. Сказал бы кто в 99-ом...

— Ну что, Тоха, назад надо. Ничего не поделаешь. Поехали.

— Поехали, — соглашается он легко. Молодец парень.

Возвращаемся к перекрестку. Село, оказывается, называется Земо-Никози. Батальон уже выходит. С собой ведут двух каких-то помятых мужиков. Пленные. Грузинские резервисты. В селе остались еще пехота и корреспонденты — Орхан Джемаль из «Русского Newsweek» и съемочная группа РЕН ТВ во главе с Андреем Кузьминовым. Чуть позже выходят и они. Дают расклад — в Земо-Никози заскочили дуриком, задачи чистить грузинские села, оказывается, никто и не ставил. Шли сразу в Гори. Заблудились просто. Потому и вошли походной колонной. В середине села колонну разрезали надвое — подбили два танка, БМП и «Урал». Головная часть осталась в селе, еще часть ушла по другой улице и тоже осталась там. «Восток» дошел до танков, но дальше продвинуться не смог — саушки. Плюс стрелковое оружие. За танками сидел грузинский корректировщик. Когда его убили, огонь сразу прекратился.

Артиллерия так и не начинает работать по селу. Грузины тоже молчат. Над казармами по-прежнему развевается грузинский флаг. Блин,

¹ Глеб Бобров «Порванные души»

его чего, не видно что ли было? Отходим на полкилометра и становимся лагерем у канала.

Восемь раненых: двое чеченцев — Терек и Ибрагим, оба в ноги — и шестеро солдат. Все с пехоты. И девять убитых. Два завернутых в плащ-палатки трупы вывозят на броне.

Пленных кладут лицом вниз и связывают руки. Подхожу.

— Ребят, что с ними делать будете?

— В «Камаз» грузить будем! Груз 200 делать будем!

Черт... Только этого не хватало. Иду к Ямадаеву.

— Сулим, прошу тебя, не режь их...

— Ты что, с ума сошел? Кто их резать собирается? — видно, что он ошарашен моей просьбой.

Возвращаюсь к пленным. Те смотрят, как затравленные собаки:

— Что, умирать будем?

— Нет.

— Что, поживем еще?

— Да. Поживете.

Пленные — обычные крестьяне. Одного взяли около убитого корректировщика — вроде как охранник, но охранник из него никакой, сразу видно. Второй вообще шел в дрова пьяный по селу с гранатой, и орал, что Саакашвили дурак. Ополченцы пытаются попинать пленных, но чеченцы мягко отводят их в сторону — не надо. Дают им еду, сигареты, воду. Сдавать их собираются кому угодно, только не осетинам — застрелят сразу.

Пропаганда насчет того, что русские мародерничают, а чеченцы режут головы всем подряд — такое же вранье, но уже с другой стороны. Российская армия по отношению к мирным жителям ведет себя крайне корректно. Орхан рассказывает, что в селе, когда их совсем уж прижали, рассыпались по подвалам. В подвалах банки с компотом. Вскрыли одну. На её место чеченец положил сто рублей: «Чтоб ни одна сволочь не сказала, что я мародер».

Отношение к пленным — точно такое же, как в самом начале первой Чечни. Живут с нами, едят то же, что и мы, имеют все то же, что и мы. Ненависти еще нет. Надо заканчивать всю эту бодягу, пока она не пришла.

Ночь проводим в поле. Я заснуть не могу. Штурмовики постоянно бомбят что-то в Грузии. Вспышки разрывов освещают небо сериями мощных долгих всполохов. Похоже, Гори — звук не доходит, далековато. Представляю, что чувствуют там сейчас дети. Представляю, что они чувствовали в Цхинвале. Слева, со стороны Цхинвала, при свете фар идет колонна. Кто-то говорит, что это 71-ый

полк — вроде, в штабе о нас все-таки знают и выслали подкрепление.

А справа, со стороны Грузии, в Земо-Никози стягиваются танки. Судя по звуку — дивизия, не меньше. Гул не прекращается ни на минуту уже часа четыре. Бляха-муха, что ж здесь будет-то завтра? Курская Дуга? Из села по пролетающим «сушкам» бьют из НСВТ. Сдуру, не иначе. Самолетов вообще не видно, они проходят на большой высоте. Но бьют совсем рядом. Метрах в пятистах. В самом селе раза три-четыре вспыхивают то ли краткосрочные перестрелки, то ли просто стороны обрабатывают огнем пространство перед собой. Прямо на перекрестке загорается какой-то дом. В нем рвутся боеприпасы. Совсем уж под боком.

В «Камаз» залезает еще один парень. Чеченец. Парень перебирает вещмешки, пытается найти свой. И вдруг начинает говорить.

— Я у Сулима был командиром взвода. У меня в подчинении было пятьдесят четыре человека. Когда начались все эти терки с Кадыровым, пятьдесят один человек тут же перешел к нему. Я остался с тремя. Мне предлагали новую «десятку» и сто тысяч, чтобы тоже перешел. Я отказался. Тогда они взяли мою жену. Потом взяли и меня. Две недели держали. Привезли куда-то. Завели во дворик. Там на столе уже инструменты разложены. Наручники, дубинки. Палка такая, с набитыми в неё гвоздями. Требовали сказать, куда я отвез Сулиму трупы. Оружие я отвозил, а про трупы ничего не знаю. Тогда, говорят, мы тебе сейчас эту палку в зад засунем. Засовывайте, не знаю я ничего ни про какие трупы. Приковали наручниками, стали бить дубинкой по почкам. Потом отпустили, дали сутки, чтобы я пришел и показал место. Мне удалось освободить жену — у неё дядя в ОМОНе работает. Отвез её в Дагестан, спрятал. Сам теперь живу на базе в Гудермесе, за ворота не выхожу. Я детдомовец, у меня тейпа нету. Но они адрес жены все равно вычислили. Заставили её написать отказ от дачи показаний. Я тоже

написал отказ. Вот так вот...

Говорил он долго, со всеми подробностями. Мы сидели, слушали, открыв рты. Когда он выпрыгнул из кузова, крикнул ему в спину:

— Зовут-то тебя как?

— Иса.

Мнение о ямадаевцах я изменил. Это не армия, это семья. Остались только те, кто не ушел к Кадырову. Все воюют великолепно, хотя и много молодых, для которых это был первый бой. Подрастерялись чуть-чуть, но все равно — по ним танками долбят, а они вперед прут.

В батальоне не только чеченцы. Есть калмыки, кумыки, русские и даже грузины. Переводчики.

Танки в селе по-прежнему гудят. Но по «сушкам» больше не стреляют. Видимо, не хотят демаскироваться. С нашей стороны время от времени взлетают осветительные ракеты. Пытаюсь разобрать что-то в их мерцании, но ничего, кроме мертвого села не видно. Дом на перекрестке дотлевает.

Часа в четыре танки идут на нас. Свет прожекторов, дергаясь, ползет по улице к перекрестку и выползает на мост. А на самом перекрестке какая-то сволочь стоит и машет танкам фонариком. Сраные резервисты! Какую подлянку затеяли!

Вскакиваем и бежим куда-то. Навстречу бегут ямадаевцы. Разворачиваюсь и бегу с ними. Кто-то залегает и берет оборону. С автоматом. Кто-то разворачивается и бежит обратно. Я тоже бегу обратно к «Камазу». Потом опять к реке. Броуновское движение нарастает. Оружия нет. Про танкистов как-то не вспоминается.

Первый танк, ревя всеми своими движениями и гусеницами, поворачивается в нашу сторону. Все, п...ц.

Руки сами тянутся к «мухам». Хватаю сразу две. Тут же бросаю. Нельзя мне, нельзя, я ж,

фото: Аркадий Бабченко

б...ь, дитя света, я не могу брать оружие! Нельзя мне воевать! Где Юра? Он может!

Второй и, кажется, третий танки ломают через сады прямо на батальон. В штабе Ямадаева все тихо — залегли.

Между арыком и дорогой метров двадцать земли. Подают все гусеницами на хрен. Даже стрелять не надо. За дорогу нельзя, там уже наверняка резервисты со своими гранатометами.

Залегая в какой-то ямке. Рядом Артур с пулеметом. Лицо растеряно, но не в ужасе. Становится чуть полегче — все-таки пулемет, все-таки хоть что-то... хоть что-то...

Второй танк выезжает из садов, вползает на бровку арыка и останавливается.

Первый тоже стоит на перекрестке. Пржектор светит вовсю. За ним выстраиваются остальные. Целью что ли пойдут? В психическую? Или, правда, гусеницами давить будут?

Почему-то никто не стреляет.

На перекрестке раздаются маты. Откидывается люк, кто-то прыгивает на землю. К нему идет человек с фонариком. Русская речь.

— Танкисты?

— Да, да...

Обнимаются. Свои. Руки расслабляются, тепло оплывает, сигарету срочно...

Эти пять танков, оказывается, из той, первой части колонны, которую вчера отрезали в селе. Это они обозначали себя из НСВТ, а наши светили им ракетами и выводили по радиации. Первый вывел сержант Савранский. Остальные — майор Виктор Баранов. Село пустое, грузинская армия ушла, если кто и остался, то только резервисты, но и те не показываются. Десантников тоже нет — тоже куда-то ушли. Но где-то в селе еще гуляют пять наших БМП.

Баранов рассказывает:

— Нашли нашу колонну. Пристроились в хвост. Едем. Колонна вдруг останавливается, с головного танка прыгивает командир и идет ко мне. Смотрю, а он в натовской форме. Даю команду навести на головной танк, сам вскидываю автомат и беру его на прицел. Тот все понял. Стал на колени, автомат положил и крестится. Я понимаю, что один выстрел успеваю сделать, а дальше — Герой Советского Союза посмертно. «Значит так, — говорю. — Ты направо, я налево, и мы друг друга не видели».

С рассветом выходят и бэхи. Переправляются через арык по броду.

Утром, как только взошло солнце, приехала разведка 71-го полка и сразу ушла в село. Значит, все по новой. Пока они там, завтра-

каем. Крайний раз я ел... А у миротворцев и ел. Позавчера вечером — тарелку гречки и яйцо. Впрочем, есть почти не хочется, а вот пить...

Повторного штурма не было. Колонна развернулась и пошла обратно на Цхинвал. Наконец-то. Домой! На бэхах трофеи из села — натовские пластиковые каски нацеплены на фары-искатели.

Километра через два развернулись и пошли обратно. Оказалось, опять поворот проскочили. Нашли. Повернули в поле и попылили на Гори. Черт... И главное, опять походной колонной. Без разведки. Без авиации. Без связи. Без них...а.

Ямадаев вперед колонны не лезет. Предоставляет федералам самим своими солдатами вскрывать огневые точки. А федералам тоже по фиг. Мяс у нас вагон, бабы еще нарожают.

Авиация все же появляется и начинает обрабатывать Земо-Никози за спинами. В районе коровника опять что-то задымил. Артиллерия бьет по высоте километрах в двадцати. Это уже Гори. В бинокль видно вышку сотовой связи и капоныры под ней. Вот откуда саушки вчера лупили. Теперь жирный дым поднимается уже там. Попали!

По дороге останавливаемся у каждой лужи. Пехота, как муравьи, сыплется с брони и припадает к водопою. В лужах вода такая же — смесь глины и земли.

Марш на Гори прошел без единого выстрела. Хотя первая часть колонны пришла сюда с боем, выбив на подступах батальон грузин. Те пытались обойти с тыла на нескольких джипах, но были расстреляны выдвинувшимися им на перехват БМП и подтянувшимися «крокодилами». Сожженные грузовики чадят на дороге. Кругом валяются трупы. Опять горелая человечина. Один совсем молодой, года двадцать два — двадцать три. Руки подтянуты к груди. Детская поза какая-то. В натовской форме он напоминает игрушечного солдата. Другой в канаве лицом вниз. Третий — из обугленного тела торчат раздробленные ноги. Развороченное красное поджаренное мясо.

Два джипа еще на ходу. Ямадаевцы забирают их себе.

В сам Гори армия не заходит. Становится километрах в двух-трех в садах, около какого-то селения. В селе еще остались мирные — немного, правда. Дома никто не грабит, людей не терроризирует. Вообще в село никто не суется.

Около станции склад брошенной техники и амуниции. Еще два грузовика в копилку трофеев. На земле гора шмотья. Беру себе рюкзак, коврик и две теплые куртки. Когда все это закончится неизвестно, а спать в чем-то надо.

фото: Аркадий Бабченко

В этих же садах вчера накрыли большую колонну с резервистами. Говорят, машин пятьдесят. Сколько людей — не знаю. Фотографировать уже не иду. Хватит с меня. Перебор трупов за эти три дня.

Армия ждет дальнейшего приказа. Подхожу к Ямадаеву:

— Сулим, небольшое интервью, если можно.

— Давай.

Достаю диктофон:

— Сулим, как Вы считаете, Россия правильно ввела войска или нет?

— Россия правильно ввела войска, короче. Более того — не надо было ждать сутки, когда начали город бомбить, короче. Пока перебьют гражданских. Пока перебьют миротворцев. Но командование поступило правильно. Вы сами видите, короче, со вчерашнего дня находимся в Грузии. Цхинвал не бомбят больше. Сейчас мы получили приказ пока остановить огонь, ждем дальнейшие указания.

— За что «Восток» здесь сражается?

— Мы здесь как миротворцы. «Восток» уже полтора года в миротворческих миссиях участвует. До этого мы были в Ливане. Я сам восьмого в госпитале был, должен был потом две недели отдыхать. Но сейчас среди ребят своих, все нормально, короче. Никаких проблем не будет. Если придет приказ брать Тбилиси — возьмем.

— Надо было входить на территорию

Грузии, как считаете?

— Надо было. Нашему президенту так легче будет с ними разговаривать. А то они сами бомбят... Надо заставлять их прекращать огонь, короче. Мы заставляем их прекратить войну. Выполняем приказ Министра обороны и Верховного Главнокомандующего.

На следующий день Сулим Ямадаев узнал, что он уволен. Если Ямадаев преступник, на котором висит «Самсон» и Бородинская — то, как он мог быть отправлен в составе действующей армии воевать за Россию? А если он воюет за Россию, как он может быть в федеральном розыске? Чего его искать-то, вот он, под Гори стоит. Придите и возьмите. И дайте четкий однозначный ответ. Пока же все это выглядит так, что Россия опять сдает своих, аж пыль столбом.

В Гори приходит приказ о приостановлении боевых действий. Говорят о капитуляции и отставке Саакашвили. Ощущение того, что война закончилась, абсолютное. Настроение победное — в этом уже никто не сомневается. Уйдет Саакашвили или не уйдет — уже не важно. До главной военной базы Грузии десять минут ходу и при необходимости она будет взята без проблем. Грузины хороши в техническом оснащении, но в моральном плане они проигрывают. Видимо потому, что цели этой войны и сами понимают не до конца. А может, просто не хотят воевать. Если бы колонна прошла мимо Земо-Никози, её бы не тронули, это очевидно. Но и пускать нас на свою землю они тоже не желали. Вообще, если бы в Земо-Никози стояли чеченцы — даже с одними автоматами, без танков — до утра мы не дожили бы. Девять погибших за такую ошибку — везение, как бы цинично это ни звучало. В любом случае, победа России очевидна. Точно так же очевидно, что Россия избрала новую тактику — тактику прямой жесткой силы. Как в Афгане. На выстрел из села по нему начинает работать авиация и артиллерия. С такой политикой Грузию мы теряем все больше. Как Грузия все больше теряет Осетию и Абхазию. С каждым новым президентом у нас начинается новая маленькая победоносная война. Может и впрямь — ну их на фиг, эти выборы?

В вертолете человек пять раненных. Это плюс к тем восьмерым, что отправили вчера. Итого уже тринадцать. Танкисты привезли с собой на броне сожженный экипаж — два трупа, укрытые плащ-палатками. Потом уже, от журналиста Вадима Речкалова, я узнаю, что их звали Максим Пасько и Михаил Молчан.

Экипаж танка номер 321.

Из-под плащ-палаток торчат берцы. Они колышутся в такт движениям машины. Не могу больше смотреть на берцы. Еще троих приносит пехота. Поток воздуха от винта срывает покрывала. Черт... Опять горелая человечина. Из неё торчат кости рук и ног. На руках даже не кости, скорее косточки — они, оказывается, маленькие такие. У одного лучевая вывернута из сустава. Этих троих сожгли из «мухи». Они успели выскочить из подбитой БМП и уже отбегали в сады, когда их накрыло прямым попаданием. Первый сохранился лучше всего, хоть руки и ноги различимы. На черном комке угля до одури ярко блестят белые зубы. От второго осталось метра полтора — спекшийся комок, из которого торчат пять культей. Где рука, где голова — различить невозможно. Третий вообще завернут в кулек.

Вместе с трупами в вертушку залетает рой мух. Одна все время крутится перед объективом и мешает фотографировать горящие грузинские села на Транскеме.

И запах... Жаль, что его нельзя передать в газете. Сейчас, когда я пишу эти строки,

фото: Аркадий Бабченко

штаны мои заляпаны кровью раненных, а от горки разит горелой человечинной. Этот запах невероятно въедлив — в гражданском самолете на меня смотрели. Но описать его я не смогу. Хотя и хотел бы, чтобы его почувствовали все те, кто говорит о величии России. Чтобы чувствовали его потом везде — в заваренном чае, в сигарете, в пальцах, которые её держат, в стакане водки, в зубной пасте, в волосах своего ребенка...

Я всегда мечтал писать детские сказки, но уже девятый год пишу о том, как пахнут вздувшиеся трупы в жару на улицах разрушенного города. Вам нужна великая Россия? Вот она. Нюхайте.

Армия заявляет, что в Осетию вошли одни контрактники. Вранье! Две трети контрактников — отслужившие по полгода сопляки-душарики. А треть примерно — вообще просто срочники. Что они могут? Почему в Земо-Никози был захвачен прибор лазерного наведения, почему у грузинской армии стоят глушилки мобильной связи, почему у корректировщика был пеленгатор мобильных телефонов, почему у них были инициаторы — даже выключенные мобильники включались сами собой, и по этому месту тут же начинала бить артиллерия — а мы опять воюем одним восемнадцатилетним мясом? Почему из двух шишиг в медсанбате на ходу была только одна, а вторую таскали на тросе? Раненных не могли отправить шесть часов! Шесть часов! Все это время они парились при плюсе тридцати в шишигах без воды — до тех пор, пока дело в свои руки не взяли ямадаевцы. При том, что ехать-то всего семьдесят километров!

Почему не было разведки? Почему не было авиации? Почему в это Земо-Никози заскочили дуриком, походной колонной, как Майкопская бригада 13 лет назад на привокзальную площадь — заблудились просто? Четвертый раз на одни и

те же грабли! Почему не было связи между частями? Почему не было общего командования? Почему?

Где обещанная масштабная программа перевооружения? Где профессиональная армия? Где нанотехнологии? Где информационные системы, где РЭБ, где пеленгаторы, где супергетеродинный тепловизор, уже лет пять как разработанный в МВТУ, способный различать цели за бетонной стеной метровой толщины и изначально (!) предназначенный на экспорт? Где этот ваш сраный «Глонасс», на котором поворот на Земо-Никози указан правильно, а не как по звездам? Где БТР-90, где танк «Черный орел», где вертолет «Черная

Акула», где штурмовик «Беркут», где БМД-4, где «Тигр», где «Водник», где «Мста-С», которыми вы так хвастаетесь на параде? Где пулемет «Корд», где автомат, «Абакан», где комплекс «Винторез», где комплекс защиты танков «Арена», разработанный 16 лет назад и за шестнадцать лет не закупленный Минобороны ни в едином (!) экземпляре — при том что американцы берут её у нас пароходами? «Арена» предназначена как раз для защиты танков от ПТУРСов. Если бы она была на вооружении, то, по крайней мере, три мальчишеские жизни в этом Земо-Никози были бы спасены! Где она? Где новые гранатометы, про которые все уши прожужжали по РТР? Где беспилотники, ночники, РЛС? Где не ломающиеся мотолыги? Почему последний раненый, которого мне пришлось выводить, был лейтеха, разбившийся под Джавой — у мотолыги просто отказали на спуске изношенные тормоза! Где бинты, где жгуты, где промедол? Где хотя бы просто каски? И где деньги, ушедшие на все это?

Где генералы? Где командиры всех мастей, раз здесь вершится история? Где Медведев на белом коне? Где Ноговицын с шашкой в руке? Где хоть кто-то? И где, б...ь, вода?

У России был только один вариант — войти, разблокировать своих миротворцев, стать миротворческими силами по границе и на этом остановиться. Да, не входить нельзя было — там наши миротворцы погибали. Но за каким пошли в Грузию? За каким бомбили Гори? И самое главное — за каким на эту войну опять понагнали пацанов? Грузия решила, что Осетия должна быть в составе Грузии. Грузинские мужики взяли автоматы и пошли

Я всегда мечтал писать детские сказки, но уже девятый год пишу о том, как пахнут вздувшиеся трупы в жару на улицах разрушенного города. Вам нужна великая Россия? Вот она. Нюхайте.

воевать за свою Родину.

Осетия решила, что она не должна быть в составе Грузии. Осетинские мужики взяли автоматы и пошли воевать за свою Родину. И только Россия послала на войну своих мальчишек. Все как всегда. Весь мир воюет русским оружием, одна Россия — своими пацанами. Вся Южная Осетия — километров сто в длину и полтора в ширину. В России своих территорий не заселено процентов семьдесят. Без Осетии нам, безусловно, не прожить. За эти сто километров отдано 74 жизни. Задолбало государство, которое трупы укладывает, как шпалы

Смотрю на эти трупы — наши трупы,

фото: Аркадий Бабченко

наших мальчишек, и вдруг ловлю себя на мысли, что это не такая уж большая цена за победу. Ведь мы же победили. Парни дрались героически. Самое страшное, что я действительно так думаю! Мне не страшно. Я не схожу с ума. Не посыпаю голову пеплом. Да, не повезло... Что ж поделать. Но зато мы победили. Нет, ну, правда, девять горелых комков в день — это же не много за то, чтобы стать с колен? Не пустить подлых американцев в Грузию. Вы согласны? Слава Богу, я не видел их лиц. У них не было лиц.

Из Джавы еду обратно в Цхинвал. Дорога свободна. Грузины ушли — все, до последнего жителя. На Транскеме горит все. Пустые дома грабят подчистую. Ответная реакция всегда жестче. Все, что не могут вывезти, жгут. Дома вспыхивают один за другим. Дым застилает

Эта война из серии тех, в которой правых не бывает по определению. Все четыре стороны оказались достойны друг друга. И Осетия, и Грузия, и Россия, и Запад.

Не прослеживается ни логических, ни экономических, ни политических выгод ни для одной из сторон. Какие-то выигрыши получили только политики. Это была война их амбиций. В итоге Грузия теперь влетит в НАТО как фауст-патрон на крыльях любви, и вместо инструкторов-афроамериканцев мы поймеем на Кавказе «Томагавки» и «Брэдли», в Черном море линкоры, а в Крыму базы. Более дальновидного политика я не знаю. Наполеон, их мать.

Теперь сюда еще и деньги вбужают миллиардные. Почему в Европе в каждой деревне есть наш газ, а деду моей жены, инвалиду войны, в нашу же деревню наш же газ не могут провести уже 10 лет? Почему на Цхинвал нашлись бюджеты, а Диме Лахину, потерявшему в Чечне обе ноги, пенсию положили в 2300 рублей, при том, что у него на одни каттеры уходило минимум 4600?

Ребят, а может вы, в следующий раз возьмете линейку да просто померяетесь в туалете, а?

Интересно, кто-нибудь из 140 миллионов россиян когда-нибудь побывает в благополучном Проросийском теперь эдеме Земо-Никози, за который отдано девять русских жизней? <ИВ>

Дмитрий
СТЕШИН

С ИХ СТОРОНЫ

По материалам ЖЖ Дмитрия и его публикации
“Конец времен пришел, дальше – только тьма...” КР.RU — 10.08.2008

8–10 августа

Война и ложь

Каждая война начинается с большой лжи, и нынешняя бойня – не исключение. Так получилось, что в воюющей Грузии я оказался единственным российским корреспондентом. От того, именно на меня одного вывалился весь припасенный загодя ушат горского коварства. Теймур Якобашвили, министр реинтеграции и Полномочный представитель Президента Грузии по решению межнациональных конфликтов расположил меня всего одной фразой:

– Ну, займем мы Цхвиали. Займем, в этом никто не сомневается, недаром в армию вложили пять миллиардов. Ну, а дальше что, после победы?

И сам ответил на свой вопрос. Мол, есть умная методика урегулирования подобных конфликтов, обкатанная на Аланских островах. Называется она «европейская автономия». Грузинский и осетинский языки получают статус государственных, будет сформирован парламент... Сейчас, после трех суток бойни, все это звучит дико. Но тогда выглядело здраво.

Чужая война – Гори

Этот городок, родина Сталина, оказался ближайшим к пылающему Цхинвали. По прямой – чуть больше 20 километров. И именно здесь я почуял, как на глазах стало меняться отношение к журналисту из России. Еще сутки назад меня, заблудившегося в старом Тбилиси, подобрал таксист и бесплатно отвез в гостиницу. А в Гори мне просто не захотели сдать номер. Женщина за стойкой в холле сказала мне: «Номеров нет», – и как-то осеклась. Странно прозвучала эта фраза в вымершей гостинице прифронтового города, из которого разбегаются люди. Но я не уходил – идти было некуда. Смутившись, администратор кому-то позвонила. В холл пришел молодой мужчина, хозяин отеля. Рассмотрел меня внимательно и выдал вместе с ключом от номе-

ра: «Русские – наши братья! Добро пожаловать в Гори!» Администратор Нана виновато улыбнулась:

– Вы понимаете, вы из России приехали, а у нас тут такое... Ваши бомбили утром. Нас. И сын у меня где-то под Цхинвали воюет, что с ним – не знаю. – Нана заплакала, и я не нашел слов, которыми мог бы ее утешить.

У новенького госпиталя Гори, с новеньким моргом, как специально отстроенным накануне войны, стояла толпа грузинских военных. Все в «трехмерных» камуфляжах, в ярко-желтых ботинках времен «Бури в пустыне» (американцы освобождали затоваренные склады), с пластиковыми натовскими флягами и потертыми русскими «калашами». Гражданские и военные рассматривали списки то ли убитых, то ли раненых – 150 фамилий к полудню первого дня войны. Списки были на грузинском языке, и когда я попытался уточнить – кто это, убитые или раненые – у меня, как говорится, начались проблемы. Я забыл, что нахожусь на чужой войне, что я журналист из вражеской страны, но мне это быстро объяснили. Хорошо что фотоаппарат успел спрятать в карман... А там было что снимать. Убитых в морг Гори, привозили на грузовиках, завалив сверху пустыми картон-

ными коробками и деревянными ящиками. Из-под этой убогой маскировки предательски торчали ноги мертвецов в ярко-желтых американских ботинках.

Мне удалось растолковать грузинским военным, что я, единственный журналист из России, освещающий грузино-осетинский конфликт с их стороны. Еще минуту назад эти люди были готовы прислонить меня к забору госпиталя, а сейчас уже готовы отвезти меня в пресс-центр на машине или проводить.

ВПЕРЕДИ – ТОЛЬКО ТЬМА?

Из города выехать было невозможно – все перекрыто постами. И меня, так удачно сюда просочившегося утром, обратно никто бы не пустил. Развеселил американский инструктор украинского происхождения. Я повстречал его в магазине. Он долго пытался объяснить продавщице по-английски, что хочет мятную жвачку, но, в конце концов, не выдержал:

– Шо вы мне сэмэчки суваєте, жувачку дайте!

Инструктор убежал от меня с криком «Ноу комментс!», и я посчитал это хорошим знаком.

Меня, сидящего на газоне возле пресс-центра, буквально подобрал Давид, грузин-

фото: Дмитрий Стешин

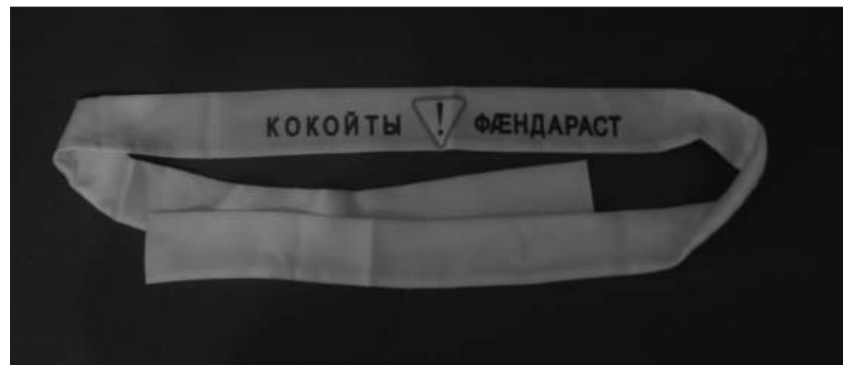

фото: Дмитрий Стешин

ский близнец боксера Валуева. Взял и увел к себе, во дворик своего 118-летнего дома. Вынес мне кресло-качалку, отнес в дом мой пыльный рюкзак. Мы пили компот из кизилового варенья и смотрели, как над нами, огибая холм со старой крепостью, заходят на бомбежку грузинской военной базы российские штурмовики. На четвертом заходе самолеты попали в заградогонь зениток, прямо в красивые и смертельные блестящие салюта. Один штурмовик задымил и ушел со снижением на север.

– Дожили, – горестно сказал мне Давид, – русские с грузинами воюют. Конец времен пришел, дальше – только тьма.

Давид полностью соответствовал своему имени, он оказался строителем, объездившим весь мир. Сутки назад Давид примчался из Салоник, чтобы увезти родителей. Но, как это бывает во всех гражданских войнах, старенькие родители никуда уезжать не захотели, и этот огромный человек, в одну секунду стал растерян и беспомощен, как ребенок. Я не удержался:

– Давид, а ведь получается, что мы враги!

– Нет. Не то говоришь. Мы не там все время врагов ищем, нам в себе их надо поискать. Я... (Давид на секунду задумался) на 10 процентов осетин. Чуть-чуть абхаз, немного грек. И при этом я грузин. Поэтому я уехал отсюда очень давно. И зря, наверное, вернулся.

Прямо за воротами дома Давида толпились сумрачные немолодые мужчины. Тихо переговаривались, прислушиваясь к происходящему в небе. В Гори открылся пункт призыва ветеранов всех войн последних пятнадцати лет. Пожилой мужчина стоял у входа, опираясь на костыли, одна штанина у него была подвернута и заколота булавкой. На плечи инвалида был наброшен грузинский флаг, завязанный под горлом.

ГОРЯЩИЙ ГОРИ

Вечером во всем Гори погас свет – светомаскировка. На проспекте Сталина встало полсотни одинаковых желтых автобусов. В городе началась эвакуация. Путь от пресс-центра до гостиницы превратился для меня в какое-

то восхождение на Голгофу. Не знаю, почему меня не избили. Может, я не похож на человека которого можно просто так взять и избить, ничего не получив в ответ. Может, меня спасли остатки русско-грузинской любви. Меня что-то спрашивали по-грузински, я отвечал по-русски. В ответ я слышал многое. И что Родина моя – продажная девка, и... Пересказывать все не хочется, и нет в том нужды.

Часа в три ночи, дверь моего номера распахнулась – ее открыли ключом двое мужчин в форме. Показали удостоверения, заполненные на грузинском языке. Я, разумеется, спал одетый, и дискомфорта при общении (на который явно рассчитывали гости) не испы-

– Ну, займем мы Цхвиали. Займем, в этом никто не сомневается, недаром в армию вложили пять миллиардов. Ну, а дальше что, после победы?

тывал. Впрочем, говорили предельно вежливо. Заглянули в компьютер, вынули редакционное удостоверение из обложки и долго рассматривали его, светя каким-то хитрым фонарем. Так же внимательно изучили грузинскую визу.

Узнав, что у меня нет аккредитации Министерства обороны Грузии, посоветовали не позже шести утра покинуть зону боевых действий. На основании? На том основании, что я гражданин государства, с которым Грузия ведет боевые действия. Я напомнил им, что в России проживает ровно миллион граждан Грузии, на что спецслужбы, как менты всех стран, посоветовали «не умничать, иначе вы будете задержаны». Я цинично обманул спецслужбы Грузии.

Утром в Гори начался ад. Рев самолета за облаками, глухой удар, потом осыпь сухого гороха – зенитки. В паре километров от гостиницы бомбили выездную стрелку. Правда, бомбили неточно – через полчаса через нее прошел пассажирский поезд. Во дворах заревели моторы – оказывается, в городе пряталась бронетехника. На холме за гостиницей начали окапываться какие-то

военные. Когда от очередного гулко-го удара посыпались стекла в соседних домах, и распахнулось окно-стеклопакет в моем номере, я понял, что из Гори пора уезжать.

Город вымер. Вдоль улиц под стенами домов лежали и сидели грузинские солдаты. Трогуары были завалены отбросами войны – вскрытыми цинками, ящиками, полиэтиленовыми упаковками от одноразовых гранатометов и выпотрошенными пакетами от натовских пайков с надписями на грузинском языке. Солдаты спрашивали меня что-то, но я молчал, лишь прибавляя и прибавляя шаг, не в силах ни изображать из себя иностранца, ни отвечать по-русски. Грохот обстрела или бомбежки смешался к выезду из Гори, и получалось, что я бегу вслед за ним. На улицах не было ни автобусов, ни такси, всегда толпившихся в центре рядом с памятником Сталину. Все давным-давно уехали. Что делать?

У пустого пресс-центра стоял Давид. Он все понял с полуслова и встал перед бешено мчавшейся «маршруткой». Наверное, она была последней... Давид буквально вбил меня в переполненный салон своими ручищами, и с лягом захлопнул дверь. Если это была точка в русско-грузинской дружбе, то впредь у нас, действительно, – только тьма. Все, кто мог,

уехали еще ночью на «комфортабельных автобусах типа «Икарус». На выезде из Гори пережидали обстрел в какой-то подворотне. Две пятиэтажки горят. Горит декоративный пластик, которым в Грузии любят отделывать блочные коробки. Плавают несколько квартир. Сильных разрушений нет. На выезде из Гори к маршрутке кидаются толпы людей. Вся трасса от Тбилиси на Гори перекрыта в десятке мест. Пропускают только пожарные машины и медицину. В другую сторону – езжай свободно. Мне показалось, что у грузинской армии большие проблемы.

фото: Дмитрий Стешин

12 августа

Уезжая из Грузии

НА ГРУЗИНО-АРМЯНСКОЙ
ГРАНИЦЕ ТИХАЯ ПАНИКА

Просто фильм “Бег” или, как пелось в одной хорошей песне: “Врангель в Крыму — хаты в огне ... последний миноносец уйдет без меня?” Мне опять повезло, я оказался в голове очереди на таможенном посту. Назад оглядываться было страшно — караван машин уходил куда-то за поворот шоссе, и сейчас, наверное, достиг окраин Тбилиси. По пустой встречной полосе, прочь из Грузии, без затора перли: ооновские джипы с синими номерами, лексусы, БМВ-х5 и даже какой-то Хаммер смело бежал от “трусливо наступающего, наголову разбитого врага”. Ехали набитые женщинами и детьми дипломатические машины с красными номерами и большой латинской “D”. Навстречу, в Грузию, транспорта не было. Мой водила, которому предстояло посетить это шипито на обратном пути, кивнул на набитые иностранными машинами и выдал перл:

— Уроды, построили нам демократию, а теперь сваливают!

На таможне со мной общались хамовато, но это единственное, что они могли сделать. Я их пожалел, по-братски, по-православному. С другой стороны границы, в Армении, на площадке таможенного поста маялась сотня молодых иностранцев приехавших в Грузию заниматься туризмом. Туризм, судя по всему, накрылся... Билетов на самолеты в Россию в Ереванском аэропорту не было. Вообще. Ни на день вылета, ни на все последующие дни. Остался только бизнес-класс, чем я цинично воспользовался. Видать, основные колонны беженцев еще были на подходе... Чутко передохну и уеду в Цхинвали.

фото: Дмитрий Сешин

13 августа

ЛАГЕРЬ БЕЖЕНЦЕВ

Гуманитарная катастрофа, накрывшая Южную Осетию, со вчерашнего дня приобрела зримые очертания: под Владикавказом, один за другим, появляются лагеря беженцев. Вот только «Врачи без границ» и всевозможные благотворительные миссии ОБСЕ и ООН в эти лагеря почему-то не спешат. Наверное, трагедия осетинского народа мешает западным планам построения демократии на Кавказе, и от того, она совсем неинтересна заграничным бюрократам от благотворительности. Иначе, давным-давно, каждая слезинка осетинского ребенка была б уже сосчитана и превратилась бы чудесным образом в экономические санкции и грозные политические заявления. Чувствуется, что Запад колеблется, плохо понимает, как вести себя в подобной ситуации, и, сохраняя остатки лица, просто молчит, как будто ничего ужасного не случилось.

фото: Дмитрий Сешин

От палатки, в которой разместился медпункт, просто несет по ветру корвалолом — и это не журналистская метафора. Мы с фотографом, даже остановились на секунду, учуяв знакомый приторно-ментоловый запах, сопровождающий любые человеческие несчастья. Девушка с малышом на руках убегает от нашего фотографа — у ребенка жуткая ссадина во все лицо и мать не хочет, чтобы весь мир увидел его таким. С трудом выясняю, что их завалило обломками в подвале. Ракета попала прямо в окно дома. Отец ребенка воюет, что с ним — неизвестно. Вообще, в этом лагере нет мужчин — они либо погибли, защищая свою землю, либо остаются на позициях в Южной Осетии.

Бежала их семья из Цхинвала, кто как мог и порознь. Мать ехала в «жигуленке» на заднем сиденье, вместе с мертвой соседской девушкой. Похоронить ее под обстрелом было невозможно, только во дворе или на огороде, и тогда родители решил увезти из города погибшую дочь. Главу семьи Баглыевых, седого мощного старика, грузины три дня держали в заложниках. У них на третьем этаже дома была огневая точка, вот и прихватили с собой из подвала, где прятались хозяева, «живой щит». Старика грузины отдали в минувшую субботу, когда сдавались в плен миротворцам.

Вера, фармацевт из Цхинвальской аптеки, с полугодовалым Виталиком на руках, бродит неприкаянно среди палаточных улиц. Восемь дней в подвале, вода с червями, остатки сыра с нехорошей плесенью и фрукты из сада, которые она собирала между обстрелами. В последние дни обстрелы не прекращались ни на минуту, пропало молоко... Виталик так и спит, закусив мамину грудь. Вера говорит:

— Наестся не может с понедельника. В воскресенье вышли из города, приехали сюда, молоко вернулось, а он, как хомячок, все запасы делает... <ИВ>

Вадим
РЕЧКАЛОВКАРТОЧКИ С ВОЙНЫ
КРЕСТ СВЯТОЙ НИНЫ

В штаб в Джаве пришла главный врач Джавской больницы Фатима Суслиева. Пыталась узнать, как ей поступить в сложной ситуации. Накануне в больницу привезли раненого мужчину, который сразу умер. Документов при труп не было. А из особых примет имелась только одна. На шее у погибшего висел крестик. Фатима глянула на этот крест и обмерла — крест был грузинский. Как она его описала — обычный крест, но с опущенными вниз концами поперечной перекладины. То есть, скорее всего, Крест Святой Нины. По этому кресту Фатима предположила, что убитый — грузин. И что ей делать с грузинским трупом? Отправлять

во Владикавказ, или потихоньку зарыть где-нибудь в огороде? В милицию обратиться? Что?

В штабе Фатиме ничем не помогли, видимо, никто не хотел связываться с грузинским трупом. Она потом ещё в госпиталь ходила. Тоже безуспешно. Пока она ходила, вдруг объявились родственники этого мужчины. Оказалось, он осетин. Почему на нём был грузинский крест — не знаю. Ну, нравилась ему Святая Нина.

Те, кто ни разу не видел такого креста, взгляните на эту фотографию наших бойцов. Крест Святой Нины выглядит так же, как ствол и сошки у РПК в руках бойца, который стоит слева.

фото: Вадим Речкалов

фото: Вадим Речкалов

ДАМА С СОБАЧКОЙ

Стрельба стихла. Дорога вновь ожила. Машина, на которой я ехал, куда-то пропала. Я собрался было ловить другую, но тут прямо возле меня остановился “ГАЗ-66” миротворческих сил. В кузове сидела блондинка в военной форме с белой собачкой в руках. Я не мог пропустить такого сюжета и, не раздумывая, прыгнул в кузов, опять отправившись в сторону Джавы.

Даму с собачкой зовут Людмила.

Радиотелефонистка. Приехала в Цхинвали навестить мужа за сутки до начала войны. Собачка породы ши-цу, зовут Аласт.

— Мне говорили: брось ты его, тут как бы самим выбраться, — говорит Людмила. — Укоряли, что я воду свою на собаку перевозжу и печенье. А теперь, когда все закончилось, все, кто меня встречает, первым делом интересуются: “Ну, как там Аластик?”

Ну, разве не лицемеры.

А ДАВАЙ ЕГО Е...М!

Сгоняли в Цхинвали за репортажем. Едем назад. Подняли руку, остановили автобус “Хёндай”. Один из тех, что североосетинские власти выделили для эвакуации беженцев. Вместо беженцев в автобусе разношерстная вооруженная толпа — ополченцы и добровольцы. Двое русских десантников в тельняшках и с петлицами советского образца. Молчаливый пулемётчик грузин с шейным платком цвета хаки. К нему относятся с подчеркнутым уважением. Похожий на еврея армянин из Нагорного Карабаха. Молодой парень, по виду цыган из-за серь-

ги в ухе. Командиром у них здоровенный осетин, разумеется, по кличке Малыш.

— И вот, значит, мы едем, — Малыш продолжает рассказ, прерванный нашим появлением. — Уже и пехоту обогнали и маталыги, и бэшки, и танки. Уже никого рядом нет, а мы всё едем-едем. А этот, — Малыш кивает на цыгана, — вдруг занервничал. Мы, кричит, совсем одни тут остались, а русские где? А я ему говорю, не махай, сынок. Мы теперь сами себе — русские. Но вёл себя хорошо. Стрелял с обеих рук. Впереди пробка. Автобус останавливается. Сидящий впе-

ди парень непонятной национальности с ручным противотанковым гранатомётом в руках и с золотым зубом во рту кричит на водителя:

— Давай объезжай, а то я тя шас ё...у!

И бьёт водителя гранатомётом по плечу.

— Слышь, полгече, — одёргивает его Малыш. — Кого ты собрался ё...ть? Водила у нас один.

И добавляет после короткой паузы:

— А гранатомётчиков, кстати, два. Давай мы лучше тебя ё...м.

— А журналистов у нас вообще трое, —

фото: Вадим Речкалов

парирует гранатомётчик. — Давай ё...м одного журналиста. На хрен их столько?

— Журналисты нам пригодятся, — твердо говорит Малыш. — Как и гранатомётчики.

— Вот страна! — встречает в разговор интеллигентный армянин из Нагорного Карабаха. — Ё...ь некого.

— А давайте всех ё...м! — хором орут с галёрки советские десантники.

Мы медленно едем в пробке через грузинское село Тамарашени. За обочиной горит дом.

— Там кто-то есть! — орёт Малыш. — К машине!

Бойцы сыпятся из автобуса. Выносят из горящего дома столетнего старика-грузина. Армянин тащит тяжелое мягкое кресло, гранатомётчик с золотым зубом выносит охапку одеял. Старика усаживают в кресло, накрывают одеялами.

— Посиди пока здесь, отец, — говорит Малыш. — Может, медсанбат какой мимо поедет...

Пока мы стояли в пробке, советские

десантники выскочили на улицу, поймали свинью, перерезали ей горло и забросили тушу в автобус...

Уже на подъезде к Джаве, молчавший всю дорогу грузин, обращается к Малышу:

— Слышь, Аслан, а вдруг его осетины ё...т?

— Кого, Гиви? — не понимает Малыш.

— Ну, этого старика в Тамарашени. Которого мы из огня вытащили.

— Наверд ли. Всё-таки сто лет человеку.

Что ж мы звери какие?.. Не ё...т.

Спустя два дня мы возвращались в Цхинвали. В Тамарашени всюду шла мародёрка. Осетинские ополченцы вели на верёвках покорных грузинских коров, жгли дома. Грузинский старик так и сидел в своём мягком кресле, укрытый одеялами. На него никто не обращал внимания. Дом старика к тому времени уже догорел.

ПРОКЛЯТЫ И ЗАБЫТЫ

16 августа в Цхинвали в братской могиле были похоронены 49 грузинских солдат, убитых при штурме города. Их похоронил противник, потому что те, кто посылал их на смерть, от солдат отказались.

Половину из этих бойцов уничтожили на окраине Цхинвали в Дубовой роще. Рассказывают разное: одни говорят, что был бой; другие считают, что грузины попали под минометный обстрел. Двадцать два грузинских спецназовца в натовском камуфляже с винтовками "М-4", приборами ночного видения на касках. Мертвый противник, даже если он агрессор, уже не вызывает ненависти. Он полностью расплатился. Теперь надо только забрать у мертвеца уже ненужное ему оружие, да и похоронить по-человечески. Мертвый враг — хороший враг...

Однако все не так просто. Следственный комитет при Прокуратуре России возбудил уголовное дело по факту убийства российских граждан в Цхинвали. Теперь трупы грузинских солдат просто так не зароешь. Следователи должны скрупулезно их запотоколировать. В Москве — прокуратура, а в Цхинвали — жара. Мертвые солдаты плохо переносят жару. Следователи на месте боя в Дубовой роще появились лишь спустя четверо суток — 13 августа. Там я всех и сфотографировал — и живых и мертвых. Вокруг стоял смрад, а следователи сидели посреди горы трупов со своими бумажками и что-то писали, даже не надевая масок. Девятнадцать трупов в одной куче и еще три на расстоянии 50 метров.

фото: Вадим Речкалов

Двое суток следователи описывали трупы. В пятницу они закончили свою работу. Теперь людей можно было похоронить. Местные власти связались с грузинской стороной и сообщили, что Грузия может забрать трупы своих солдат. И тут произошло то, чего на Кавказе с его трепетным отношением к своим погибшим никто не мог ожидать. Грузинская сторона отказалась.

Одни говорили, что Грузия не хочет забирать трупы, чтобы скрыть от своего населения число собственных потерь. Это маловероятно. Трупы грузинских солдат уже показывали по телевизору.

Другие думали, что те, кто погиб в Дубовой роще, вовсе не грузины, а люди со стороны, иностранные наемники — может, арабы, может, украинцы — кто их знает. Через трое суток лежания под солнцем любой мертвец становится похожим на убитого турка из знаменитого рассказа

Гаршина. Однако, грузины среди погибших точно есть, и их большинство. Значит, Михаил Саакашвили просто не хотел отдать последний долг солдатам, от которых теперь ему нет никакого толку. И трусливое бегство от звука собственного самолета уже не выглядит случайной слабостью. Все полководцы — и хорошие, и плохие — отличаются готовностью жертвовать чужими жизнями. Хорошие от плохих отличаются только тем, что и свою жизнь не ставят ни в грош. Может, поэтому среди наших раненых так много офицеров.

Грузинских солдат похоронили осетины. Без почестей, но по-людски. И матери этих солдат еще долго не смогут приехать на их могилы. Покойтесь с миром. Чего уж там...

P.S. Спустя неделю солдат откопали и увезли в Грузию. Грузинские священники увезли — не власти. Властям сейчас не до солдат.

Вячеслав НЕМЫШЕВ

<http://www.navoine.ru/authors/nemyshev-vyacheslav>

Вячеслав Валерьевич Немышев. 1969 г.р. До 1991 года служил мичманом на подводной лодке на Северном Флоте. Работал фотокорреспондентом в ведомственной газете Министерства Атомной промышленности, оператором на кабельном телевидении г. Электросталь Московской обл. С августа 2000 г. корреспондент НТВ программы «Забывтый полк»; с марта 2001 — спецкор программы «Сегодня». 27 командировок на Северный Кавказ. Снял фильм «Контрабасы» о контрактниках-саперах в Грозном) для программы «Профессия репортер». С февраля 2005 по июль 2006 — спецкор ГТРК «Россия» (Вести).

Тяжелые снаряды один за другим падали на городок миротворцев. Грохотало страшно. Горела казарма, горел автопарк, у входа в казарму горел танк «семьдесятдвойка». Яркие вспышки от разрывов выхватывали из сине-рыжего во всполохах и заревах утра полумрака то обгорелый остов грузовика, то наблюдательную вышку на самом передке, то вывернутый шифер крыш, то бегущих людей, пригнувшихся в погибель к земле, с автоматами и носилками.

Двое солдат: один худой и длинный, другой коротышка с телячьим взглядом — прятались за дымящейся бээмпэшкой.

— Морда, пошли, а? Морда... Пошли, Морда? — повторял одно и то же коротышка и дергал длинного за рукав. Длинный икал и все порывался встать и идти, но каждый раз, как он вставал, взрывалось рядом или поодаль. И длинный втягивал голову в плечи. Хватаясь руками за выпачканные землю колени, искал по земле глазами. И видел одно и то же: скрюченные, как от холода, черные кисти рук стрелка-наводчика из подбитой бээмпэшки. Стрелок смог выползти из своего люка и теперь лежал под гусеницами, подняв к небу нестигающиеся черные руки. Пальцы его дрожали. От стрелка пахло горелым мясом и еще чем-то. Таким, после которого в жизни своей больше не притронешься к жареной говядине с масляной сковороды! Стрелок горел, обли-

Арабы нынче, ну и ну. Европу поприжали.

А мы их в шестидневную войну ну очень поддерживали.

Они к нам ездят неспроста, задумайтесь об этом.

И возят нашего Христа на встречу с Матометом.

Владимир Высоцкий.
«Случай на таможне»

тый машинным маслом, догорал уже. Он почти умер, но скрученными пальцами все еще подрагивал и будто тянулся к сине-рыжему небу.

Бу-ббух!! Взорвалось рядом.

Солдаты повалились на землю, их закидало землей, горячими камнями, истощно визжа, пронеслись над головами осколки.

Коротышка поднял голову первым и, пошарив рукой, нашел локоть товарища. Потянул за рукав.

— Морда, пошли, а? Пошли, Морда?

Морда думал о том, что два дня они воюют в полном окружении. Контуженый подполковник — глухой, с запекшейся кровью на ушах и шее — кричал, что скоро («скоро, е... мать, скоро!») придет подкрепление и надо держаться. Но он не кричал, а просто говорил так громко. Потому что сам себя не слышал. Подполковника контузило на крыше казармы. Он там наблюдал, а когда ударили первые залпы с грузинских танков, первым же снарядом подполковника и контузило.

И Морда подумал, где теперь подполковник.

В суматохе боя они отбились от своих — теперь метались по взрытому воронками городку, прятались от разрывов грузинских «градов» и «саушек».

Подполковник. Он им как отец был.

— Морда, пошли, Морда?

И они побежали. Добежали до кочегарки и, наконец, встретили там других: солдат,

женщин из городка, кочегара — старика-осетина. И подполковника! В углу лежали тела убитых, в темноте не сосчитать сколько, но точно, что было больше десяти. Коротышка снова потянул за рукав.

— Морда, пошли, а?

Морда отдернул рукав. И вдруг его стошнило. Он рыгнул громко и, изогнувшись, блевнул под ноги. Ему ничего не сказали. Его поддержала женщина под руку.

— Давай еще, паренек. Не бойся. Ты не ранен?

— Я и не боюсь...ык, — икнул Морда. — Маслом машинным пахнет, — сказал и снова блевнул желчью и остатками вчерашних сухарей из сухая.

Подполковник приказал, чтобы собрались все вместе. Все собрались. Подполковник поднял автомат.

— Кочегарка рухнет от первого же попадания. Тогда всем аминь. Приказываю отступить в лесополосу. Там рассредоточиться. Ты и ты, — ткнул он пальцем в Морду, коротышку и еще одного солдата с перевязанной головой, — будете сопровождать женщин. Уведете их к своим дальше. Это приказ. Отвечаете за женщин головой. Боеприпасы есть? Идите. Со мной остается разведка. С богом, — сказал напоследок подполковник.

Они побежали. С ними оказался и старик-осетин. Морда бежал рядом с женщиной, которая поддержала его. Женщина задыхалась. Морда отдал автомат коротышке, подхватил женщину и, почти взвалив на себя, потащил. Так они прошли лесополосу, спустились с горы и вышли в поле.

— Кукуруза, — сказал старик-осетин. Поднял руку. — Туда надо, к селу.

Светало быстро. Сзади раздались

фото: Аркадий Бабченко

рялись еще в лесополосе.

Их нагоняли. Они убежали. И то ли загонщики нашли другую более легкую добычу, то ли подумали, что постреляли всех, но беглецы оторвались. И теперь добрались до осетинского села. Постучались в дом. Вышла пожилая кударка. Старик говорил с ней по-осетински.

— Нельзя вам здесь оставаться, — потом перевел старик. — Сейчас сюда придут грузины. Она говорит, что их самих могут убить, а вас, русских, сразу убьют. Уходите. Я останусь. Это моя двоюродная сестра. Ее

должна отдать. Я бы тебя так, в обычной жизни не поднял, — смутившись, перешел на «Вы». — Вы полная.

Женщина посмотрела на Морду.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать один. Два месяца на контракте, — Морда голосом посуровел.

Она была ростом выше коротышки, была полной, наверное, чуть больше меры. Такую меру мужчины придумывают сами. Но мужчины все равно говорят: женщина должна быть в теле, чтобы подержаться было за что. Она была в теле. Волосы ее растрепались и клочьями торчали в стороны. На коленях кровь и синяки от падений. Губы растрескались. Лицо было расцарапано колючими ветвями: распухло, стало каким-то не женским. Она и говорила голосом хриплым, мужским:

— Сынок, у меня нет дочери. Я не замужем. Мне тридцать два года.

Вязенкин стоял коленями на земле и молотил резиновой колотушкой по камню. Ударил сильно сверх меры, и песчаник раскололся. Отложил тогда работу, раскурил трубку, пыхнул пару раз. Потянулся рукой, стал выбирать из кучи камней подходящий.

— Папа!

Вязенкин вздрогнул. Обернулся. Его пятнадцатилетняя дочь торопливо сбегала с крыльца. Он отложил колотушку, поднялся и еще раз окинул взглядом свою работу:

дорожка из цветных камушков тянулась мимо клумб с георгинами и астрами. Посмотрел с удовольствием. Дочь подошла к нему, взяла его за руку и посмотрела ему прямо в глаза.

— Папа, по телевизору передают, что началась война... Папа, скажи честно, ты не поедешь туда, ведь не поедешь?

— Да куда не поеду, детка? Какая война?

— Ну, ты даешь, папа! Ты совсем отстал от жизни. В Южной Осетии. Представляешь, Грузия напала на осетин.

— На осетин, — поправил Вязенкин.

Они пошли по только что выложенной тропинке к дому. Дом их стоял на высоком берегу Оки в деревне километрах в двадцати от Коломны. Летом на песчаную отмель приезжали отдыхать люди со всей округи. Шумели, конечно, — на реке далеко слышно, — Вязенкин вздыхал и терпел. Напротив берега, где стоял их дом, был остров с белой косой. Река в этом месте делала изгиб, текла стремительно. На остров в сезон съезжались охотники: ночью громко пели песни, по утрам стреляли. Зимой даже в самые лютые холода река на стремнине не замерзала, и по краям рваных польней, собирались греться у черной воды перелетные утки.

Вязенкин жил в деревне счастливо. Он писал.

Войдя в дом, глянул в телевизор. На экране всюю грохотало. Ночные кадры: работает «град», над городом зарево пожара. Голоса корреспондентов. Диктор в студии с озабоченным видом передает

последние сводки. Заставка за диктором: на фоне адского бесконечного пламени надпись: «Война в Южной Осетии». Вязенкин поднялся в свою комнату, шелкнул по клавишам компьютера. Загорелся монитор... Он приступил уже к третьей своей повести. Писать получалось, и оттого радовалось сердце, и пела душа. Он подумал, что теперь для него настало другое время, и время это должен он использовать с пользой. И не размениваться, конечно, на всякую ерунду. Екнуло в груди, екнуло еще и еще. Вязенкин глубоко вздохнул. Перебрался к началу рукописи. Прочитал вслух:

— Меня зовут Григорий Вязенкин. Я — военный корреспондент. Это мое амплуа...

Дальше прочитать не успел. Зазвонил мобильный телефон.

— Да. Я. Как ты меня нашел?.. Нормально. Живу... Я?.. Ну, в принципе... Да, да, готов. Когда выезжать? Завтра...

Прижимая трубку к уху, с бешено колотящимся сердцем Вязенкин перескакивал по страничкам рукописи, закрывал документы, выключал компьютер. Стукнула дверь. Он обернулся. В дверях стояла дочь.

— Папа, ты ведь не поедешь туда? Ведь не поедешь? Ты же обещал, папа...

В аэропорту Владикавказа его встречал Капуста. Капуста — стрелок Ермоловского батальона, казак пятидесяти пяти лет из Прохладного. Они обнялись.

— Как жив? — спрашивает Вязенкин. —

Не виделись черт-те сколько.

Капуста широк в лице, широк в плечах. Глаза узаты — с хитринкой. Уши большие, оттопыренные. Руку жмет мягко, хотя может сдавить и сок из нее выжать.

— Гриня, ты же знаешь. Нам пох... жужжание пчел, нам нужен свежий мед.

— Это оператор, Жорик, — Вязенкин пальцем указал на парня лет тридцати пяти с видеокамерой. Тот подошел, выпятил губы. Парень был лысоват и был, к тому же, блондинистым от природы. Вылитый немец.

Когда «уазик» Капусты вылез из Рокского тоннеля, все вздохнули с облегчением — так было задымлено в тоннеле. Прокашлялись.

— Вентиляция не работает, — сказал Капуста, уворачиваясь от маневрировавшего по дороге танка.

— Не спеши, не спеши. Лучше медленно, — заволновался от маневра Жорик. — Гриш, Гриш, у меня в Цхинвале друг, — сказал Жорик.

— Кто? — спросил Вязенкин.

— Замкомандующего.

— А-а.

— Гриш, Гриш, все будет, — пообещал Жорик. У Жорика дырка в пузе со второй войны и полжелудка нет. Он задрал майку и показал. — Во, полжелудка нет.

Капуста объехал еще один танк. Вязенкин разглядел чумающую физиономию мальчишки-водителя. Жорик охал и просил ехать медленнее, время от времени прихлебывал из пузатой бутылки.

Писать получалось, и оттого радовалось сердце, и пела душа. Он подумал, что теперь для него настало другое время, и время это должен он использовать с пользой. И не размениваться, конечно, на всякую ерунду.

выстрелы. Пули свистнули над головами. Коротышка потянулся к Морде.

— Морда, пошли, а?

Третий солдат, тот, с перевязанной головой, поднялся с земли. Морда не видел, как пуля влетела ему в затылок, но видел, как вырванное пулей на выходе глазное яблоко с кровью и розовым мозгом вывалилось из его лица. «Снайпер», — успел подумать Морда. Солдат рухнул как подкошенный. Морда, задыхаясь, схватил женщину и, не чувствуя ног и усталости, побежал с ней по кукурузному полю. Сзади топали коротышка и старик-осетин. Остальные из их группы поте-

некому будет защитить в случае чего.

Морда подумал, что осетин не трус, раз остается ждать грузин. Коротышка тянул его за рукав.

— Морда, пошли, пошли... Пошли, а?

По пути к ним прибились их же потерявшиеся раньше две женщины. Когда они отошли достаточно далеко, чтобы можно было передохнуть, они сели на землю. Женщины, не стесняясь солдат, терли свои колени, бедра. Поправляли под мышками и в груди. И Морда вдруг всхлипнул, а потом бодрячком так сказал:

— Мать, ты мне теперь свою дочь замуж

фото: Аркадий Бабченко

фото: Аркадий Бабенко

— А я — чистокровный немец, — заявил Жорик, выдохнув вискарем в салон. — Подорвался на растяжке во вторую войну. Во, полжелудка нет.

— Тогда, Гитлер капут, — с сочувствием произнес Вязенкин.

— В смысле, «капут»? — спросил Жорик.

— В смысле, будешь Геббельсом, — выкручивая руль, заявил Капуста.

— Почему?

— Просто... Держись! — Капуста не успел договорить, наехал колесом на здоровенную кочку. — Тут зимой свалиться в обрыв запросто. У каждого есть имя. Вот, я — Капуста. Ты — Геббельс.

Жорик не стал спорить, притих. Спустились с перевала в долину. Запахло гарью. Небо порыжело. Горели грузинские села в пригороде Цхинвала. На дороге людей не было. Только редкие блокпосты: танки, БТРы, солдаты с озадаченными лицами за мешками с песком. Быстро темнело. Неожиданно Капуста затормозил, вильнул в сторону — посыпались сумки, зазвенели бутылки. Вязенкин стукнулся головой о дверь. Сзади икнул Жорик. На дороге лежала корова со вспоротым брюхом. Засмердело. Капуста придавил педаль газа.

— Как засмердит — провоняет машина, ничем не выветришь, — объехали еще одну корову, у этой не было задней части. — Сохрани, — констатировал Капуста.

Повдоль обочины шел понурый мужик и тянул за собой на веревке двух понурых коров.

— Коровы заблудились, — сказал Жорик-Геббельс и помахал из окна мужику.

— Грузинские, — сказал Капуста.

— Мародерка, — сказал Вязенкин. Сзади горели «зачищенные» грузинские села.

Мужик-осетин помахал им вслед. Вроде как спасибо сказал русским за победу над грузинами. Так подумал Вязенкин, когда они въезжали в столицу Южной Осетии Цхинвал. Их остановил патруль. Проверили документы.

— Журналисты?!

Потрясли автоматами.

— Победа!

— Победа, брат!

— За победу!

Городок миротворцев, где располагались журналисты, находился сразу за площадью с тремя подбитыми грузинскими танками посередине. «Площадь Трех Танков. Почти как в Грозном, — подумал Вязенкин, когда «уазик» вкатился мимо часового в ворота городка. — Только в Грозном площадь была Трех Дураков».

Стемнело. Вязенкин искал своих на ощупь. По городку бродят военные, гражданские, двое чеченцев прошли с оружием и «стечкиными». Вязенкин сразу определил их поговору и «стечкиным». Офицер, по пояс голый, обливается из ведра, фыркает матюгами. Наконец, нашел своих. Представился. Молодежь из перспективной телекомпании на Вязенкина отреагировала вяло: имена забываются быстро, фамилии висают в архивах новостных сайтов. Тем более, они приехали на день раньше, чем приехал Вязенкин, и значит, по закону военного времени... имели право. «Новости — наша профессия», — всегда говорила

главный редактор одной когда-то независимой телекомпании, милая, очень милая дама. Что означало: кто не успел, тот опоздал.

— Вязенкин!

— Гроза!

Здоровяк в репортерском жилете мял и тискал Вязенкина.

— Здорово, Гроза. Одни и те же лица. Ты как?

— Ухожу с канала. Надоело все. А ты?

— Я?.. Пишу. Свободен года два как.

— Чего это?

— Опоздал как-то на работу.

— Да, бывает. Знаешь, чеченцы здесь.

Воюют за наших, говорят, смело очень. История... — Гроза стал рассказывать таинственно, но с интонацией. — Стоит корр на перекрестке, ковыряется в носу. Рядом оператор снимает. Пылюга. На горе стреляют. Но далеко стреляют. По фигу. Подкачивает колонна. Из головной машины выходит мужик с бородой. Чеченцы! И к корру: «Слышь, брат, где здэс уэйна?» Корр в коматозе: в башке мусор, во рту сухость. Он ему рукой на гору: «Там война». «Спасибо, брат», — сказал чеченский командир. И чеченцы поехали дальше на войну. Ну, как история? А вообще-то я уходить собрался. Вот вернусь с Цхинвала — и уволюсь. Буду заниматься нанотехнологиями. Перспективно.

Вязенкин не улыбнулся, не скривился. Но интонация Грозы ему понравилась.

— Хорошая история. А я поехал. Думаю, чего не поехать. За неделю пообещали денег — жить потом можно два месяца.

— Все, брат, тороплюсь. Включение прямое.

— Телефон оставь. Я рассказ напишу, тебе вышло.

— Пиши. Плюс семь...

Ночь наступила темная и теплая. Дышалось легко. Так всегда дышалось Вязенкину в первые дни командировок на Кавказе. Водку и коньяк смешивали на капоте «уазика». Жорик был пьянее всех и рвался в бой.

— Гриш, Гриш, я договорился с командующим...

— С замкомандующим, — поправил Вязенкин.

— Да. Завтра на бэтр — и на передовую. Отвечаю, все будет.

Вязенкин шепнул Капусте:

— Давай его ночью кончим, чтоб не мучился.

— Г...но вопрос.

Наливали часов до двух ночи. К полуночи Жорик отключился. Спать разошлись поздно. В шесть утра Вязенкин продрал глаза, и они вдвоем с Капустой поехали по Цхинвалу «набивать» картинку под утренний эфир. В носу начинало сладко щеко-тать.

— Смердит, — сказал Капуста.

— Смердит, — подтвердил Вязенкин. — Как ты думаешь, Жорик в таком темпе доживет до конца командировки?

— Может заболеть.

Дни проходили. На третий броня с журналистами свалилась в кювет. Бывалый военный корреспондент Лев Кацман сломал ключицу. Вечером за капотом «уазика» собрались «отпрямившиеся»: Тарас, Меккер, Гроза. Были особо уважаемые: Коля Огород, оператор Саша «Лысый», полковник Кирич, с Главного канала присутствовал Леха-Рембо в черном берете. Все были с разных телекомпаний, но все были людьми исключительно порядочными. С другими Вязенкин пить бы и не стал — квалификация

не позволяла. Леху-Рембо, к примеру, не унижали за боевой вид — за черный берет и газовый пистолет на бедре. Леха был добрым малым, знал три хорошие песни: про Афганистан, про любовь и про наркотики. Пили с вечера до глубокой ночи — пили долго и много. Вязенкин не пьянел, только все больше хотелось ему обратно в деревню. Подытоживая историю про раненого Кацмана, Гроза с интонацией заявил:

— Налицо антисемитский заговор.

Утром Вязенкину позвонили из редакции, попросили найти в Цхинвале евреев. Вязенкин тогда спросил: «Кацмана найти?» — «Какого Кацмана?! Нет, не Кацмана, а евреев, которые жили в Цхинвале и теперь после бомбежек остались без крова и пищи. Их было двадцать семей. Министр иностранных дел Израиля проявил беспокойство о соотечественниках!» — У девушки-редактора в голосе прослеживались страдальческие нотки. Вязенкина тоже посетило чувство: он впервые испытал великую

— Ты видел, как пригнуло к земле старуху? Как же ее, Рипка или Рибка? Соседи зовут ее Розой. Будет Розой. Роза Джинджихашвили. Все перее... перепуталось в этом мире.

Капуста размышлял:

— Женщин так боги наказывают.

Капуста язычник. Он верует в сильных богов.

Во дворе где-то на южной окраине Цхинвала Капуста встречает знакомых. Они обнимаются. Вязенкин достал из багажника коньяк. Разложились у гаражей, стали наливать, говорить тосты и пить. Капустин друг — бывший силовой министр правительства Южной Осетии. Теперь он по спорту. Он в туристической широкополой шляпе, торжественно держит стакан с коньяком. Все встали. Один Вязенкин остался сидеть — «держат стол».

— Мы благодарны России, что не оставила нас в такую минуту.

— Да, да, да! — восклицают остальные.

Из головной машины выходит мужик с бородой.

Чеченцы! И к корру: «Слышь, брат, где здэс уэйна?»

Корр в коматозе: в башке мусор, во рту сухость. Он ему рукой на гору: «Там война». «Спасибо, брат», — сказал чеченский командир.

скорбь еврейского народа.

Когда же Вязенкин добрался до еврейского квартала, то нашел старуху согбенную, скрюченную, с высушенными — не седыми даже, а будто пакля — волосами, с носом крючковатым, глазами черными, жалкими; узнал, как ее зовут, что она грузинская еврейка и что родственников имеет в Израиле. Он скоро придумал и записал стендап-бродилку в развалинах еврейского квартала: «Когда-то осетинские мальчишки приходили играть с мальчишками еврейскими...» и т. д. Но запомнилось другое. Они ехали обратно, и Вязенкин говорил Капусте:

— За мужчин! — говорил Капуста.

— За Красную Армию! — пил Вязенкин.

Бродили после по кварталу. Местные показывали: вот в дом попал снаряд, вот ракета в земле торчит. Неразорвавшаяся! А стекла во всем городе повыбивало. Во дворе детского садика замер грузинский танк. Люки открыты. Капуста залез внутрь. Ему кричат соседи-осетины:

— Там снаряд в стволе!

Капуста колотит ногой по железяке. Капусту не так просто напугать танковым снарядом. Он ныряет с головой в командирский люк. Вылезает, держит в руке крестик.

— Православные грузинские танкисты, — констатирует Капуста. Принюхался по сторонам. — Смердит.

Вязенкин поводит носом.

— Смердит. Поехали что ли?

По дороге засорился карбюратор. Остановились починиться. Вязенкин скучал уже. Думал все больше о деревне: клумбах, камушках, утках у черных ледяных поляней. Зазвонил телефон у Капусты. Капуста поговорил. Радостно сообщил, что карбюратор «проп...делся» и что они сейчас же отправляются на ту гору (он показал), где должны они будут встретиться с замечательным солдатом Геней Мясниковым, земляком Капусты. С богом и поехали. На зеркало

фото: Аркадий Бабенко

Капуста повесил крестик грузинского танкиста-неудачника. Вязенкин смотрел на крестик и думал: все-таки хорошая штука — предрассудки. Или еще так: чем хуже, тем лучше! Или просто наплевать на все!.. Только в себя и сильных богов! Гена Мясников бывалый солдат. Вязенкин помнил его еще по Грозному, по комендантской разведке. Жесток. Сказывается жизнь на Кавказе. Гена поздоровался с Вязенкиным, пошушукался с Капустой. Капуста сказал:

— Пойдем на гору. Гена покажет грузинские трупы.

Пошли. Гена первым, за ним боец с автоматом, Вязенкин и Капуста замыкающим. Шли долго. Гена легок: тощ, пружинист. Шрам справа тянется от виска к щеке. Взгляд короток, но внимателен предельно. Гена широко шагает, но идет зигзагами, автомат несет, как ребенка на руках. Нежно. Палец на курке. За ним боец еле поспевает: шваркает по земле, автомат повесил на плечо. Гена рассказал, пока шли: дали ему, старшине, взвод «срочников», потом дали еще один. Гена с ними нянчится. Оружие выверять никто не умеет, таблиц для снайперских винтовок нет в полку. Гена на гору ли, под гору — и «сроки» за Геной. Гена спать — «сроки» рядом устраиваются. Гена по нужде, мнет газету. «Ты куда, Ген?!» — на нервах «сроки». Сокрушается Гена:

— Толковища это, а не война, — сказал и прибавил еще ходу.

Пыхтит Капуста за спиной. Обернулся Вязенкин. Капуста глаз щурит. «Правильно, — подумал Вязенкин, — стрелок и должен сзади ходить».

— Пришли, — сказал Гена. — Вон они, грузины. Где ваш оператор?

— Где-то на передовой, — сказал Вязенкин, достал миникамеру и стал снимать.

Трупы походили один на другой: за

четыре дня на солнце распухли неимоверно. Без лиц. Смердящие, если стоять под ветром. Сладко смердит, в носу щекочет. Вязенкин дыхание задерживает, и быстрее из-под ветра. Еще трупы, еще, еще... Смердит отовсюду. Не привыкнуть к смраду. Один труп сильно вспухший, как барабан: ткну острым — лопнет. На желтой с синими разводами груди волосы. Капуста говорит:

— Скоро лопнет. Волосатый грузин.

Вязенкин наснимал быстро и отошел, так, чтобы продохнуть было. Но снял два кадра обязательных. Для молодых энергич-

Верхний городок миротворцев, что находился ближе всех к переднему краю, к той стороне, откуда пошли грузинские танки, за три дня боев был превращен в груды камней и сожженного железа.

ных редакторов, которые настойчиво просят, требуют «живенькой» картинки. Сделал анатомический кадр: член с яйцами распухший стоймя, синий до черноты. На другом трупе снял бочину, а на бочине рана сантиметров тридцать в диаметре, в ране желтое копошится. Если присмотреться, становится понятно. Черви.

Гена прошарился везде, закурил.

— Саакашвили ихний — долбо...б, понятно. Но Буш — еще больший долбо...б. Он Лермонтова не читал. «Мцыри». «Бежали робкие грузины...», — процитировал Гена. — Наши танки, пока перли через перевал, половина встала. У кого гусеница, у кого солжара кончилась, кого понос пробил. Красная Армия! Первый танк, как вышел на гору, дал залп, грузины ломанулись. Я думаю так: если бы чечены с той стороны воевали, нам бы таких звиздюлей навтыкали, что мама не горюй. А грузины только и радости, что в натовской форме. Наши

намародерили обувки в основном. Добрые берцы. Я слышал, что взяли одного танкиста грузина, а он стал плакаться, типа, если бы не пошел воевать, то убили бы его семью. А я думаю, когда тебе стволом в ухо дышат, ты придумаешь, что и с луны сорвался. Еще говорят, что чечены вырезали пятают грузин. Не удивился, если бы сказали, что тыщу. Я ж говорю, это так себе война. Толковище, одно слово.

Трупы дымались. Присмотрелся Вязенкин. Трупы уже успели упаковать в мешки. Но кто-то поглумился, поджег пластиковые пакеты. Дымятся трупы.

Капуста сказал:

— Смердит. Поехали.

Довезли Гену до расположения. Попрошались. Проехали по Цхинвалу, «набили» еще картинки про запас. Капуста не выдержал.

— Гриня, доставай коньяк.

Вязенкин достал. Капуста помочил пальцы и стал мазать коньяком под носом и даже в ноздрях помазал. Вязенкин хлебнул из горлышка.

— Смердит?

— Смердит.

Приехали на базу. Выпили еще коньяка. Вязенкин написал про евреев и Розу Джинджихашвили. Еще про грузинские трупы и грузинский танк. По спутнику «перегнали» наговор и картинку в Москву. Вечерний эфир не смотрели. Ели кусками вареную баранину, пили коньяк. Гроза уехал. Тарас с Меккером уехали. Леха-Рембо уже отпел свое. Было душно в воздухе. Осталась перспективная энергичная молодежь. К ночи этого же дня и подрались. Но без настроения.

В драке, как и в семейной ссоре, всегда виноваты оба члена. Молодой парень, корреспондент, здоровый, но рыхлый, пристал к Вязенкину. Чего ты сюда приехал, денег заработать? А тут война! «Да вы не понимаете, — кричал парень, — мы делаем новости! Новости — наша профессия!» Вязенкин сказал, что ему по хрену. Тогда молодой корр ударил... Но не Вязенкина, а сидевшего рядом оператора Жорика. Жорик все дни где-то странствовал и мутнел все больше. «Война — разлука!» — говорил Жорик-Геббельс и суровел лицом. После удара Жорик свалился со скамьи с рассеченным нижним веком. Вязенкина тоже задело в

фото: Аркадий Бабченко

суматохе. И он неловко встал, покачиваясь, нагнулся и схватил здоровяка за яйца. Дернул несильно, чтобы не покалечить. И толкнул от себя. У здоровяка оказались крепкие яйца. Он полез в драку...

Утром старший группы Вячеслав Добрынин корил Вязенкина:

— Ну, зачем ты так? Ты же провоцировал его.

— Он мне надоел, — говорил Вязенкин. — А потом, я его первый не бил.

— Ты ему нос сломал.

— Славик, прости, я не хотел. А что Геббельс?

— Он заболел. Веко зашивают в МЧС.

— Я так и думал.

Славик сказал, что в Москве уже знают про драку. Но удалось замаять. Славик был тоже, как и остальные старики, порядочным человеком.

Славик сказал о деле:

— Просили снять репортаж о героических защитниках Цхинвала.

— Ополченцев?

Славик скривился.

— Наших!

Верхний городок миротворцев, что находился ближе всех к переднему краю, к той стороне, откуда пошли грузинские танки, за три дня боев был превращен в груды камней и сожженного железа.

— Представьтесь, пожалуйста, — попросил Вязенкин подполковника. — Мы будем снимать, а вы рассказывайте.

И подполковник стал ходить и рассказывать о том, как утром восьмого стали бить прямой наводкой по миротворцам грузинские танки, как сожги прямым попаданием

бээмпэшку, как добивали экипажи из пулеметов. Но говорил об этом подполковник без обид. Наверное, понимая, что так же стали бы его солдаты добивать грузинских танкистов. Война, мать ее! И добивали... после, когда войска шли в Гори. Подполковник все дергал головой и глаза щурил. Говорил он громко, но не кричал, а так громко, будто слышал плохо.

— В самом начале я занял позицию на крыше казармы. После первых попаданий двоих, кто был со мной, отбросило, меня контузило. Раненых эвакуировали в подвал.

Подполковник стоял возле сожженного танка. Он обернулся к танку, подошел к нему и погладил рукой остывший мертвый металл.

— Спасибо, тебе браток, — и в камеру: — Он, понимаете, тут сгорел. И своим телом закрыл вход в казарму. И мы смогли маневрировать, то есть передвигаться. Потом мы собрались в кочегарке, но я сказал всем, что надо выдвигаться в лесополосу, а то, если в кочегарку попадет снаряд, тогда всем аминь. Сколько убитых? Восемнадцать человек. Сколько раненых? Почти все. Что еще рассказать?

Еще во Владикавказе перед дорогой через Рокский тоннель заехал Вязенкин к Димону и Вероньке, старым своим друзьям. С Димоном он познакомился в Грозном, когда тот был еще лейтенантом, командиром саперного взвода при доблестной Ленинской комендатуре. Димон закончил академию, служил теперь старшим офицером штаба 58-й армии. Веронька была его верной подполковничьей женой. Димон пропадал со своей частью в Цхинвале. Веронька ждала его.

«Соседка наша говорила, — рассказывала Веронька, — когда стали стрелять, они все прятались в подвалах. Она видела, как грузины добивали раненых. Потом побежала. Бежала быстро, а потом свалилась в яму и бежать не смогла дальше. Ее солдатик подхватил и на себе километров пять протасил. Когда они вырвались, солдатик ей сказал, что давай, мать, я на твоей дочери теперь женюсь. А она старше-то его была всего на десять лет. У нее и седые волосы теперь по всей голове. Постарела. И не знаю я теперь, уволится она после такого или служить станет. А куда ей деваться? Вся жизнь с армией. А регонсценировку Димон ездил делать аж за неделю до штурма. Все позиции сняли на видео. Обидно, что так миротворцев постреляли. Обидно же, а?»

Вспомнил Вязенкин про Веронькин рассказ и спросил подполковника:

— А вы знали, что вас станут обстрели-

вать? А женщины ваши все спаслись?

Подполковник не расслышал.

— Так точно, восемнадцать убитых. Раненых? Почти все.

— Прощайте, подполковник, — сказал Вязенкин.

Они уходили с заставы. Вязенкин обернулся. Подполковник подошел к танку и стал возле. Будто надежнее так. Тягачи цепляли сгоревшие бээмпэшки и тащили их с заставы. Подбитые машины, истошно лязгая гусеницами, покорно тащились следом. Подпрыгивали, переваливались. И грохотали траки... Будто поминали своих сгоревших стрелков и водителей.

«Уазик» мчался по дороге к осетинскому селу Джава. Лязг гусениц стоял в ушах Вязенкина.

— Как ты говоришь? Нам пох... жужжание пчел, нам нужен свежий мед?

— Так, Гриня, так.

Капуста ровно ведет машину: не заносит, не болтает его. Он здоровается за руку всегда мягко, но, если захочет, сок выдавит. Капуста родом с Кавказа. Проезжая сожженные, «зачищенные» грузинские села, Капуста остановил машину. Безлюдно было на дороге. Жорик заныл сзади, что лучше бы поехать, а то мало ли что. Вязенкин с Капустой вошли в первый же двор, осмотрелись на предмет «растяжек». Прошли в кухню.

Капуста взял пару стаканов.

— Возьмем, пить не из чего.

— Пару ложек прихвати, тушенку нечем есть. Смотри, в кастрюле суп, — удивленно произнес Вязенкин, заглядывая в кастрюлю.

Капуста понюхал.

— Харчо. Пропал. Но не смердит. С задов смердит.

— Смердит, да.

— Собаки брошенные воют.

— Куры не кормлены.

— Скотину всю увели.

— Война.

— Толковище.

Бедный Жорик весь извелся, ожидая в «уазике». От него пахло коньяком и закишими носками. Вязенкин принюхался к грязи. Зато смердятина не выходила — никак было не избавиться от нее. Вся машина провоняла. Капуста зубы коньяком полоскает. Сладко так смердит, приторно. Сплювывает Вязенкин. И перед глазами раздувшийся сине-желтый труп грузина с волосами на груди. Вязенкин чувствует боль во рту, будто обжегся чаем или губу прикусил. Капуста глянул ему в рот.

— Стоматит. Водкой пополощи.

Повалились они на берегу реки. Распили бутылку. Искупались. Бельишко постирнули. И поехали дальше. Скоро добрались до Джавы. В Джаве хоронили ополченца Алана, осетина-кударца двадцати семи лет. Траурная процессия поднималась в гору к кладбищу. Поставили гроб. Плакальщицы кинулись кричать. И женщины рвали на себе волосы, а мужчины стояли чинно, скорбно глядели; потом разлили вина, потом положили еды. Стали закапывать, кидали землю на гроб. Комья земли засохли. Стукаются. Тук. Тук. Тук-тук-тук. Вязенкин с Капустой сели за длинный поминальный стол. Ели руками фасоль и красную говядину. Пили чистое вино и бесланскую водку.

Вязенкину шепчет сосед на ухо:

— Отец Алана погиб в девяносто вто-

Жорик на заднем сидении подкладывал под спину бронежилет. Вязенкин рассуждал вслух, обращаясь к Капусте, но и в окно он тоже говорил, будто хотел, чтобы его услышали и там, за окном:

— Чего я могу понять, о том рассуждать долго не стану. Ясно мне, зачем я сюда приехал, зачем ты, зачем Жорик. Ясно мне, чего здесь все эти дураки, — он махнул назад головой, — делают. Ясно, как белый день, что Россия вляпалась ногою в д...мо. И нет бы обтереться, так нате ж вам, домой к себе это дерьмо и притащили! С другой стороны, форпост на южном рубеже. И это ясно. Ясно даже, зачем чеченцы приехали на войну. Чтобы показать кузькину мать всему прогрессивному человечеству: смотрите, даже чеченцы теперь за Россию! Но не ясны мне отдельные детали. Почему грузины вместо того, чтобы бом-

Цхинвали?

— Места здесь охотничьи, — сказал Капуста. — Мы как-то медведя гоняли во-он на той горе.

Высоченная, покрытая лесом, как медведь шерстью, гора протыкала острой макушкой белую вату облаков.

— Поймали? — спросил Вязенкин, посмотрев из окна на гору.

— Ушел.

— Вот и я про то же. Чего мы все тут делаем понятно. Но детали напрягают. А знаешь что, — задумался Вязенкин. — Едем-ка завтра домой.

— Гриня, как скажешь, — повеселел Капуста. — Десять дней — самый раз. Больше — тяжело. Притамливаешься. Еще смердит...

На базе, где жили журналисты, случился скандал. К Вязенкину, когда они приехали, подошел Славик Добрынин, старший группы. На ухо зашептал:

— Может произойти новый неприятный инцидент. У нас незваные гости. Два солдата, — Славик разразился сдержанной бранью: — Они с...ки, маму их, в г...но пьяные. Несут такой бред! Сейчас подерутся. Только, я умоляю тебя...

Вязенкин подсел за край стола. Один солдат был длинный и худой. Он водил черными округленными глазами по сторонам. Нашел взглядом Вязенкина. Икнул. Сказал ему:

— Давай биться.

— Я пас, — сказал Вязенкин.

Длинный подскочил, но потерял Вязенкина из виду. Стал наводить фокус на кого-то еще. Народу разного много шныряло: операторы, продюсеры, девочки-корреспондентки. Мальчики с вином.

Неясно еще вот что: куда делись мирные жители? Где сотни убитых, где тысячи раненых? Дальше... Поглядел я на Цхинвал и подумал: а чем же они здесь занимались, когда не было войны? Чем занимались между войнами?

ром. Алан стрелял из гранатомета по танку. Его из пулемета убило. Кто-то его прихоронил у школы. Святые люди. Мы нашли и привезли домой. В него две девушки влюблены были. Они за него спорили. Их обеих пригласили поминать.

Вязенкин искренне посочувствовал. Выпил. Смердит... Еще выпил. Перед глазами раздувшийся грузин с черными волосами...

На обратном пути Вязенкин сцепился с солдатом на блокпосту. Солдат выглядел воинственно: шмыгал перебитым носом и наставлял на Вязенкина автомат. Вязенкин, распалившись, кричал, что раз достал ствол, то стреляй! Их не пускали: военные выставили блокпосты и перекрыли дорогу к грузинским селам, дабы пресечь «мародерку». Вязенкин кричал, что надо было раньше: куры в грузинских дворах не кормлены, собаки воют. И полсупа в кастрюле! А на задах смердит! Осетин-ополченец встал на сторону солдата. Пихал Вязенкина, а услышав, что тот журналист, назвал его сволочью продажной. Вязенкин полез в драку. Солдат передернул затвор... Их растащили. Вязенкина выпихнули из толпы. Капуста под шумок, пока Вязенкин нарывался, проехал через кордон, встал у обочины, мотор не стал глушить. Вязенкин, оттирая пот со лба, прыгнул в «уазик».

— Поехали.

— Поехали, Гриня.

Мужчины с автоматами. Вечерело. Заметил Вязенкин и второго. Тот был мелковат — коротышка этакий — худой и неприметный. Когда длинный снова и снова предлагал кому-нибудь «биться», коротышка тянул его за рукав и повторял:

— Морда, пошли, а? Пошли, Морда...

Вязенкин ухмыльнулся: «Ну, точно Морда».

Морда сел на лавку и вдруг заплакал. Потом стал хохотать. Вскочил. И, размахнувшись, ударил кого-то случайного, кто в тот момент проходил мимо. Ударив, заорал:

— А я видел, как у него пальцы дрожали. Горелым маслом воняло... А-аа!.. Видел, как осколок пацану живот насквозь пропорол. А еще одному пулей вышибло глаз. А подпол говорил, чтобы мы в лесополосу... А по нам стреляли... Я два месяца на контракте, а мне говорят дневальным?! Я их маму... А-аа!.. Мы три дня в окружении...

Кто-то уже замахивался, чтобы сунуть Морде кулак в зубы. Кто-то звал комендатуру. Кто-то сел поудобней, чтобы все было видно. Вязенкин встал, обхватил мечущегося солдата, прижал к себе и так держал. Другой рукой отмахивался от наседавших. Он крепко держал Морду. Морда вырывался, но как-то вяло. Предлагал биться. А потом заплакал и сказал Вязенкину:

— Отец, спаси меня, отец!

Где-то сбоку — не то справа, может, слева, Вязенкин так и не разобрал, стемнело уже — бубнил свое коротышка:

— Морда, пошли. Пошли, Морда, а?..

Домой Вязенкин ехал в поезде. В вагоне было душно. Он лежал на верхней полке. Думал, что, в сущности, все сложилось удачно. Морда был доставлен сначала к врачам МЧС, потом в свою часть, где был отдан в надежные руки старшины Гены Мясникова. Гена сказал, что повоевавших у него несколько человек. «Морока с ними, — говорил Гена, — слабоваты на дух. Это все от необразованности. Но так пацаны ничего, не бз...ивые. Принюхаются. Случится следующий бой — рвать будут чужих на куски». Вязенкин все никак не мог избавиться от смердятины. Пахнет с платформы пирожками, а он кривится, нос затыкает. Но, в принципе, все ничего прошло. Капуста остался доволен поездкой, компанией и гонораром. Жорика-Геббельса положили в госпиталь. Жорик допилил до зеленых попугаев, и причудилось ему, что он подорвался на БТРе. Взял

Жорик справку в госпитале МЧС, где спасли Морду, что тяжело и опасно для здоровья контужен. Зачем Жорику контузия, если у него полжелудка нет, Вязенкин понять не мог. Пути их и разошлись. Родителям и дочери Вязенкин не сказал, что поехал в Цхинвал. Сказал, что поехал в Челябинск. Соврал. Теперь стало стыдно. Приятно было думать о том, что денег за Цхинвал ему хватит месяца на два.

Поезд останавливался на каждом полустанке. В купе с Вязенкиным ехал молодой осетин.

— Я кударец, — заявил он. — Работаю в КГБ Южной Осетии.

— Замечательно, — сказал Вязенкин.

Разговорились. Вязенкин сказал, что ему все ясно, но есть детали.

— Как мы жили? — живо рассказывал кударец. — Мы очень хорошо жили. Сначала деньги возили сумками. Потом чемоданами. Потом кончились сейфы. Мы стали деньги считать на вес: «Сколько денег? Примерно десять килограммов». Я не стану хвалиться, но лично проводил из Грузии до российской таможни двести наливняков-спиртовозов. Но это ерунда. Вот был Русланчик. Он пятьсот спиртовозов сопровождал с этим... с турецким «Роялем». В каждом селе деньги были. Мы хорошо жили, очень хорошо! А грузины спиртовозы через свои села не пускали, тоже денег хотели. А это наша земля, осетинская, кударская. И мы за нее будем воевать. Женщин и детей, всех вывезли заранее перед войной... Со всей России собрались осетины защищать свою землю. В каждом вагоне в этом поезде едут честные люди. Все оттуда с Цхинвала. Теперь вот я,

как и другие, еду домой в Москву. Спасибо России, что не оставила нас в этой войне.

— Пожалуйста, — ответил Вязенкин.

Поезд прибыл в Ростов. Как на заказ, в купе вошли две миловидные девушки. Дальше ехали весело. Вязенкин напился водки. Прочитал архаичное матерное стихотворение:

Гадом буду, не забуду этот паровоз.

От Москвы до Ленинграда на карачках полз.

Потом залез на верхнюю полку и храпел там всю оставшуюся дорогу. Ему снились спиртовозы. Сожженный танк из верхнего городка миротворцев. Рокский тоннель. Капуста говорил ему: «Гриня, нам пох... жужжание пчел, нам нужен свежий мед». Сон обрывался на словах президента Буша: «Я читаю «Мцыри» в упрощенном переводе Кондолизы Райс. Там нет про грузин! Фак офф!» Буш стеснялся своего изъеденного оспинами лица, клялся, что его хотели отравить. За первым сразу пришел второй сон: Сальвадор Дали проткнул-таки штыком спящую девушку за секунду до пробуждения. Грузина с волосатой грудью положили в могилу, потом все — и журналисты, и эмчээсовцы, и Славик Добрынин — бросали комья земли на его раздутый живот. Тук. Тук. Тук-тук-тук. Перестукивались колесные пары. Третий сон был коротким, случился примерно за тридцать минут до прибытия поезда на вокзал Москвы. Сон был такой: стоял солдат Морда и плакал. И Вязенкин плакал. И кто-то говорил, и будто не солдату, а ему, Вязенкину: «Пошли, Морда. Пошли, а?» <ИВ>

Егор
ЛОСЕВ
<http://www.navoine.ru/authors/losev-egor>

Старший
сержант
участков: Ближний
Восток

Грянувшая в Осетии война не стала чем-то неожиданным для всех участвовавших сторон. Вялотекущий конфликт тлел в регионе не первый год, и, соответственно, военные по обе стороны готовились самому худшему.

В этой ситуации грузинская армия пошла в направлении западных стран, вооруженные силы строились и оснащались по примеру НАТО.

Десятки так называемых частных военных компаний занимались обучением военнослужащих и модернизацией различной техники. Общевоинской и специальной подготовкой солдат также занимались две крупные израильские компании: Defensive Shield, возглавляемая отставным генералом Галем Гиршем, и Global CST с бывшим израильским генералом Исраэлем Зивом во главе.

Часть «курсантов» проходила подготовку в Израиле.

В области снайпинга их тренировал В. Опытный инструктор, профессиональный снайпер, сам неоднократно участвовавший в военных конфликтах.

— Скажите, до какого момента Вы находились в Грузии? Застали ли Вы начало военных действий? В Грузии я не был. Грузинские военнослужащие проходили обучение здесь, в Израиле.

— В какой области Вы работали инструктором? Снайпинг.

— Кто были ваши «подопечные»: регулярные части, резервисты, спец? Какого они возраста? Спецы. Командиры снайперских групп. Возраст от двадцати до тридцати пяти лет.

— Как они оказались именно командирами снайперских групп? Почему именно их отправили в Израиль? Понятия не имею, но у всех в Ашдодле нашлись родственники.

— Принимали ли они участие в боевых действиях в Ираке? Нет.

— У них имелся какой-либо боевой опыт? Ну... По рассказам каждый — минимум «витязь в тигровой шкуре». А там — кто его знает. Судя по уровню огневой подготовки — так себе.

— Какие у Вас сложились впечатления о «подопечных» как о профи и как о людях? Профи (снайпинг) они нулевые. Поэтому и приехали учиться. Люди как люди. Обычные грузины: веселые, доброжелательные.

— Говорили ли они о предстоящей войне и готовились ли именно к ней? Говорили, и много, несмотря на строжайший запрет командира группы. Но Твиши и настоя-

щий грузинский шашлык, в тех количествах, в каких мы их потребляли, действуют лучше любого «эликсира правды» и снимают любые запреты.

— Как Вы оцениваете уровень подготовки грузинских солдат? Их боеспособность? Степень их осна-

щенности? Уровень их общего образования не оставляет места приемлемому уровню военной подготовки. В снайпинге, во всяком случае.

Оценка боеспособности грузинских солдат — вопрос некорректный. Среди них есть и квалифицированные диверсанты, и пузатые резервисты. Есть фанатики и дезертиры. От общей оценки воздержусь, хотя события последних дней показали «кто есть ху».

Степень оснащенности снайперским оружием и оборудованием — высокая. По американским армейским стандартам. Только освоить его грузинская армия не смогла.

— Предполагали ли они, что им придется воевать против российских войск?

Не только предполагали, но были уверены. Правда, они были убеждены в ее полной небогатости и неспособности к жестким, активным действиям. Я их честно предупредил, что в случае чего Россия порвет грузинскую армию, как Бобик тряпку. А они в ответ мне сказали, что американские ботинки лучше русских сапог, что я живу старыми представлениями, и что они подарят мне дом с видом на море в Сухуми.

— Как они расценивали ситуацию, уровень своей армии и уровень российской армии?

Этим ребятам здорово запудрили мозги. Близость и дружба с «дядей Эмом» дает искаженное понимание реалий относительно себя, а грузинская пропаганда — относительно противника.

— Как они относились к своему правительству, к Саакашвили? Слепо верили? Насколько они вообще были «политически активны»? Или это были профессионалы и политику не обсуждали?

Трезвые нет. Пьяные да. Мнения разные. Кто помоложе, повторяли бредни Саакашвили. Кто постарше, вспоминали добрым словом товарища Сталина. После пятнадцатого тоста все: и мы,

инструкторы, и они, и обслуга гостиницы, где жили, — пришли к выводу, что при советской власти всем жилось лучше, а после тридцатого — что все политики, кроме Саркози, — говнюки и не мужчины. Потом было братание, потом не помню.

— Можете ли Вы рассказать какие-нибудь личные истории из жизни «подопечных», что-то Вам особенно запомнилось?

Ну, в личное мы не лезли. А особенно запомнилась встреча и первый день занятий. Их руководитель попросил меня вести занятия на иврите. Но переводчик не понимал терминологии, а в грузинском таких слов вообще нет. Тогда решили перейти на английский. Через полминуты стало ясно, что наш совместный словарный запас состоит из пяти слов. Фак ю, Гитлер капут и ОК. Пришлось перейти на единственно всем понятный. На русский.

— Сейчас на разных сайтах новостей пишут о наемниках, воевавших в составе грузинских подразделений. Что Вы можете сказать по этому поводу?

Да, имело место быть. Не массово, по некоторым специальностям.

— Можете ли Вы прокомментировать то, что произошло в Южной Осетии? Почему и как, на Ваш взгляд, начались боевые действия?

Разумеется. Кавказ в этом смысле проблемный регион. Войны, войнушки и войнульки там идут уже не одно тысячелетие. Традиция. Административные же границы государств, областей и районов проведены искусственно при советской власти, то есть когда военное противостояние кого-либо внутри СССР было даже теоретически невозможно, а стало быть, неактуально. Вот эти границы и достались в наследство нынешним государствам Кавказа. На этом играют силы, имеющие геополитические интересы в регионе. Война Грузии и Осетии — версия для домохозяек. Ни те этим, ни эти тем на фиг не нужны. Это война Америки и России. Пробный шар. Разведка боем. Тест на вшивость. Чужими руками? Да. Массовые жертвы с обеих сторон? Для большой политики это мелочи. Ну, а как непосредственно начались боевые действия? Как обычно, с военного преступления — артиллерийско-ракетного удара по Цхинвалу.

— Как, по Вашему мнению, будут разворачиваться события на Кавказе?

Саакашвили и его окружение скоро уберут, когда выяснятся реальные потери грузинской армии. Позорно проигранную войну ему грузины не простят. Следующее правительство будет более умеренным, попытается решить проблемы дипломатическими способами. Но, в любом случае, Осетию и Абхазию Грузия уже потеряла. <ИВ>

Иван
НИКОЛАЕВ

"НИЧЕГО НЕ КОНЧИЛОСЬ... ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ"

Последний месяц мне практически беспрерывно приходилось следить за новостями с горящего Кавказа. Но образ войны никак не складывался. Помогали многочисленные фотографии, сделанные непосредственно на передовой и после боев. Они позволили заглянуть в душу войны. Лучше фотографий — слова живых участников тех событий. Неприкрытые цензурой, оголяющие всю многоликую правду ожесточенного противостояния. Служба интернет-дневников «Живой Журнал» позволила воспользоваться информацией из первых рук, от очевидцев, свидетелей войны. Сегодня я погрузился в чтение этих свидетельств. На душе камнем повисла смертельная печаль. Печаль по погибшим и раненым. Печаль по живым, но искалеченным душам. Печаль по нашим странам. Фотографии накладывались на тексты, образы страданий наших народов переплетались, подобно грузинской духовной музыке и русскому военному шансону в моем музыкальном проигрывателе — и подтвердились две прописные истины. Весь океан скорбей вылился на наши народы, а зализывать причиненные друг другу раны нам придется вечно. Предоставим слово живым свидетелям прошедшей и длящейся войны. Но сначала вспомним, как разворачивались события.

Хроника войны (по материалам открытых источников)

Четверг, 7 августа 2008, незадолго до полуночи.

С массовой артиллерийской и авиационной подготовки началась Цхинвальская наступательная операция грузинской армии. Первые жертвы среди мирного населения, российских миротворцев и грузинских военных. Усиливается поток беженцев из региона и добровольцев — на фронт.

Пятница, 8 августа. В Грузии объявлена мобилизация резервистов. К боям подключаются российские ВВС. Вечером к столице непризнанной республики подходят сухопутные подразделения 58-й армии СКВО России.

Суббота, 9 августа. Бои за Цхинвал. Официально объявлено об участии российских подразделений СпН и ВДВ в «операции по принуждению к миру» (данный термин введен в обращение). Авиаудару подвергается грузинский морской порт Поти, военная база в Сенаки, авиационные

объекты в Тбилиси, а также различные военные объекты в Хони, Вазияни и других населенных пунктах Грузии. Начало операции по вытеснению грузинских войск из Кодорского ущелья силами ВС Абхазии и приданными подразделениями российской авиации.

Воскресение, 10 августа. Продолжаются авиа-налеты российских ВВС на различные военные объекты в Грузии. Проходит передислокация грузинских сил на Цхинвальском участке фронта. В окрестностях Цхинвала в засаду грузинского спецназа попадает штабная колонна 58-й армии. Командующий армии генерал-лейтенант Анатолий Хрулев ранен, колонна практически уничтожена. Эскадра Черноморского флота РФ вступает в операцию. Морскими-черноморцами затоплен грузинский ракетный катер, еще один поврежден.

Понедельник, 11 августа. В Цхинвале идут ожесточенные боестолкновения с применением артиллерии и авиации обеими сторонами конфликта. Подразделения российских ВДВ численностью более 9 тыс.

человек и 350 ед. бронетехники введены в Абхазию. В селе Хурча Зугдидского района Грузии российскими и абхазскими подразделениями блокирована бригада спецназа МВД Грузии численностью 1500 человек. Штурм подразделениями 58-й армии села Земо-Никози. Ведутся активные боевые действия в окрестностях г. Сенаки (в 40 км от абхазской границы), являющегося местом дислокации 2-й пехотной бригады ВС Грузии, а также стратегическим плацдармом для наступления на Абхазию. Город Гори, служащий плацдармом для наступления грузинской армии на Южную Осетию, сдан грузинскими войсками без боя.

Вторник, 12 августа. Сухопутные подразделения ВС Абхазии после массовой авиации и артподготовки вступили в Кодорское ущелье, занятое грузинскими войсками, с целью их вытеснения. Генерал-лейтенант Владимир Шаманов назначен на должность командующего российской военной группировкой на территории Абхазии. Первая ночь в Цхинвале, не отмеченная активными боестолкновениями. Минобороны России выступило со специальным разъяснением о том, что в боевых действиях в Южной Осетии не принимают участие призывники. В окрестностях Гори проводится военная операция российских войск. Приказом Верховного Главнокомандующего ВС РФ после решения поставленных задач «операция по принуждению к миру» остановлена. Боестолкновения по всему фронту продолжаются. Грузинские войска и полиция покинули верхнюю часть Кодорского ущелья.

Среда, 13 августа. Конфликтующими сторонами одобрены Шесть принципов урегулирования ситуации в регионе, согласованные при посредничестве Франции. Война продолжается на информационном поле.

Подсчитываются потери, заводятся уголовные дела. Независимыми источниками подтверждено, что солдаты срочной службы принимали участие в вооруженном конфликте на территории Южной Осетии.

Война (Рассказ участника событий в ЮО)

<http://liza-valieva.livejournal.com/> —
Владикавказ

Боец из группы спецназа Южной Осетии, имя которого я по понятным причинам не публикую, рассказал мне о том, что происходило в Цхинвале во время конфликта.

Когда (7 августа) Саакашвили объявил о прекращении огня, нас всех отпустили домой поесть и помыться, так как мы все это время были на казарменном положении. Первый залп застал меня недалеко от дома, и я побежал обратно на работу. Всю ночь, во время обстрела, мы сидели в бункере. Только по нашему зданию «град» работал 4 раза. Я думаю, еще пару раз — и бункер бы провалился. Нас было человек 70.

Утром, когда обстрел стих, мы думали, что в городе уже никого не осталось в живых, и решили уходить в лес. Мы побежали в сторону улицы Восьмого июля и увидели, что в городе еще много людей. Тогда мы приняли решение обороняться.

Мы поделились на две группы: одна группа пошла в район универмага, а мы побежали в сторону привокзальной площади. Мы залезли в расположение миротворцев, думая, что их не тронут. Но расположение было разбито, были погибшие. Под каким-то навесом стоял дрожащий Кулахметов с несколькими солдатами. Мы подбежали к нему и спросили, почему они не стреляют в ответ, на что он ответил, что у них нет приказа.

Тогда мы побежали в гостиницу Алан (которая находится неподалеку). В подвале было около 80 человек, в том числе и журналисты.

Нас заметил грузинский танк и начал бить прямой наводкой по гостинице. Мы передали по радиции ребятам с привокзального, чтобы они вызвали огонь на себя и подбили танк.

Мы бегали по огородам, а грузины по улицам. Грузинам было очень сложно в Цхинвале, так как, в отличие от нас, они не знали ходы и выходы. Грузинские бойцы были очень хорошо экипированы. У них было все, вплоть до наколенников. Сейчас многие наши бегают в натовских бронежилетах и с трофейными автоматами.

Самое страшное — это «град» и авиация. Если тебя заметили с воздуха, уже не спастись. Первый день мы оборонялись сами. Русская авиация подключилась в 3 часа дня. Еще бы полчаса — и было бы уже поздно. Мы бы потеряли город.

После того, как русские очистили небо, нам стало значительно легче. К вечеру грузины были вытеснены из центра города. Бои шли, в основном, на южной окраине и в окрестностях. Грузины сделали еще несколько попыток прорваться в город, но были остановлены с помощью русских.

Русские сами себя подставили. Они шли двумя батальонами без прикрытия и попали в засаду на подъезде в километре от города. Их там блокировали и разбили при помощи снайперов и артиллерии. (Тогда был ранен генерал Хрулев).

В городе сожгли около 25-30 грузинских танков. Восемь танков взяли целыми. У нас были только автоматы и гранатометы. Когда стреляешь по танку, у тебя должно быть метров 20-30, для того, чтобы убежать. Стреляешь — и быстро бежишь в укрытие. А для того, чтобы попасть в танк, надо несколько раз бить в одно и то же место.

Стоим с друзьями, видим: грузинский танк не шевелится. Подбегаем к нему, заглядываем: там грузин, мы ему сразу автомат в рот и говорим: «Если хочешь остаться живым — разверни башню и бей по своим позициям».

Что он и сделал.

Очень много трупов грузинских солдат валялось по городу и Дубовой роще. В Дубовке грузин окружили и полностью ликвидировали.

Мне неизвестны случаи того, чтобы грузины в городе резали кому-нибудь головы. Им было не до этого. Также я не знаю о том, чтобы они бросали гранаты в подвалы. То, что творилось в селах — я не знаю.

Пока мы оборонялись, некоторые ребята отсиживались в подвалах, когда стихло, они надели военную форму и вышли мародерствовать.

300 трехсотых, 200 двухсотых <http://tavitoom.livejournal.com>

(Записано со слов
югоосетинского врача — прим. ред.)

1-2 августа был первый артобстрел, было около 8 раненых в госпитале. Дальше было затишье.

А 7-го числа вдруг на город начали продвигаться войска со стороны Грузии, ее срочно вызвали в госпиталь.

В 23:30 седьмого числа начался артобстрел, массированный, гранатометами, минометами, танковыми очередями, с воздуха. В первый день привезли 60 раненых и около 30 трупов. В основном, женщины, старики, дети. Но везли только из Цхинвала: первые три дня обстрела из окрестных деревень никто не мог добраться до города. Первых раненых из окрестных деревень привезли через три дня, а трупы не привозили вообще: их хоронили там же во дворах — жара, лето, и трупы очень быстро начали разлагаться. Когда через три дня сидения в подвалах люди вышли, то они начали мобилизовывать бригады по захоронению трупов, чтобы предотвратить эпидемию. Ее муж и сыновья помогали хоронить трупы в Цхинвале. Помогали выбираться людям из подвалов, но все это только с 10-го числа, на четвертый день обстрела.

Во время обстрела вообще трупы в городской морг практически не привозили. С 8 по 10 число в госпиталь поступило 300 раненых и около 200 трупов, но точное количество трупов она назвать не может, так как многих тут же увозили родственники — хоронить.

10 числа в Цхинвал вошла российская армия. Российские войска вошли только на четвертый день, когда все, кто могли погибнуть, уже погибли и все, что могло быть разрушено, уже было разрушено. После этого состав раненых меняется: это, в основном, военнослужащие — русские и местные.

Точное количество назвать не может: была жуткая суматоха, работали почти без сна. Помнит, что 11-го привезли 16 раненых российских миротворцев и троих убитых.

14 числа госпиталь вывезли во Владикавказ, в нем было около 300 раненых на момент вывоза.

По ее словам, во Владикавказе очень много беженцев, десятки тысяч, как они думают. Многих вывозят в Краснодар, Кабардино-Балкарию.

Завтра она собирается вернуться домой, там у нее отец, другие родственники.

Это все.

Свидетельства грузинских военных с грузинских форумов, собранные и переведенные участниками сайта www.ossetia.ru

Кто в 4-й бригаде выжил после авиаудара, (наши люди с М4) воевали вокруг Цхинвали везде. Потери — половина, если не больше, бойцов бригады или погибли, или ранены. Если я не ошибаюсь, командир первого батальона четвертой бригады погиб. Основные потери — от первой кассетной авиабомбы 8 августа в колонне на цхинвальской дороге.

1-я бригада была в Ираке. Только один батальон 1-й бригады был тем самым грузинским миротворческим батальоном, который бомбили в первый день и терпел. Те самые, которые приняли первый удар и первыми открыли огонь после приказа... В разгар войны у них закончились боеприпасы, и в остальное время они выходили из-под огня. Потери: трое убитых в одной сотне, во второй — двое убитых. Раненых до 30-ти.

Лично видел потери АТЦ (антитеррористический центр). Шесть раненых за всю войну, при этом говорили, что участвовали в первом штурме Цхинвали. Один танк потеряли, один поврежден, через час пришел приказ: уходите из Цхинвали, будем бомбить. Вышли. В одно время кодорский спецназ штурмовал Цхинвали и дошел до дома правительства. Про потери ничего не знаю. В большинстве других спецназов такая же ситуация: маленькие потери и непонятное поведение командования. Потери спецназа Сержа: 0 убитых, 0 раненых

Вообще говоря, в армии нет ощущения, что нас истребили. Большинство из тех, кто вышел, вышли с минимальными потерями, единственное, все подтверждают, что 4-й бригады больше нет, и когда вы это слышите, надо иметь в виду, что в полноценной бригаде минимум 1500 человек. На сегодня в 4-й бригаде в строю не больше 500 человек. Это и имеется в виду, а не то, что бригада полностью погибла.

Приезжаю сюда, из-под постоянных бомбежек и обстрелов. Когда огонь прекратился, капитан помогал переставлять ПВО, я был рядом с ними и мы вывели миротворцев из окрестностей Цхинвали. Вернулся назад, и нас долбанули «градом» именно по тому месту, где стояла ПВО. С опозданием в 10 минут. В реальности, долбанули по нам с Кепой и еще с одним местным. Звоню в Тбилиси, спрашиваю, говорят ли о прекращении огня? Отвечают: «Да, сказали,» — а я в ответ: «Ну, конечно!» И тут слышу: «Ты еще всего не знаешь, тут Цурцумия поет и народ аплодирует и танцует.» Не понял и по сей день не понимаю, что происходит в Тбилиси?

Артиллерийская поддержка была только в том случае, если ты знал номера мобильных артиллерийских офицеров.

Про Звигена. Позавчера один из последних получил приказ об эвакуации, пешком пробирался два дня в Рача (соседствующий с западной стороны с ЮО регион Грузии — прим. Оссетия.ру), к своим родителям вчера добрался. По дороге встретил идущих пешком измотанных, оборванных из Кодорского ущелья — правительство приказало сложить оружие и выходить.

Рокский тоннель. 58-я армия

<http://malekon.livejournal.com>

(Южная Осетия — 8-9 августа 2008)

Это мое любимое место, место силы. В Рокском тоннеле творился ад: шли десятки чадящих, гремящих бронемашин, бойцы теряли сознание, задыхались в дыму и гари. Под потолком тускло светили мерзкие оранжевые лампы. Мы держались за красными огнями идущей впереди бэхи. В пяти метрах сзади угадывалась башня танка. «Только бы

не сломалась, только бы не сломалась!» — когда прижмет, для молитвы находятся нужные слова!

И все это кончилось. Фрейдистские ассоциации: мы вышли на свет Божий, мы как будто заново родились. Обогнав колонну, мы спустились вниз по серпантину, под бесконечно голубое небо, к зеленой траве, которых — как казалось бесконечно долгие минуты в тоннеле и Закской противоловинной галерее — не будет уже больше никогда.

9 августа. Цхинвал.

Разговор по телефону

<http://liza-valieva.livejournal.com>

Всегда спокойная Нина очень взволнованным голосом:

— Алло! Кто это? Лиза! Лизочка! Да... Пока живы... Мы в подвале сидим с соседями, нас тут много.

— Как вы там? Еда хоть какая-то есть?

— Да кто о еде думает?! Ты лучше скажи нам, что с нами будет? Что в интернете пишут?

Из подвала доносится грохот и крик Нины.

— Что это было? — спрашиваю я.

— Снаряд, наверно, упал рядом с нашим подвалом.

— Все будет хорошо. Вот увидишь. Русские уже в городе.

— Какие русские? Мы тут никого не видим. Только наши ребята обороняются. Грузины по городу ходят.

На том конце провода встревоженный голос Нины: «Кто там? Кто там?»

«Свой!» — услышала я мужской голос.

Нина немного успокоилась и вернулась к разговору.

Мертвые машины

<http://users.livejournal.com/shatana>

(Южная Осетия, 8-9 августа)

Из рассказа мамы страшнее всего было описание «мертвых» машин на дороге. Это те, кто пытался выехать, и был подбит, обстрелян. Я просто увидела эти черные обгорелые машины с трупами внутри, видные только в редких вспышках фар, на которые решался Алан. Безумие, в черной южной ночи — там ведь не московские и не питерские белые

ночи, там ведь чернота. Разбитая горная дорога, с обрывом в метре, лес, и рядом — только покойники в машинах, и ты не знаешь, кто из твоих друзей среди них. И только скорее, скорее, скорее... «Не смотрите туда, это страшные машины», — но он-то знал, что это за машины, и только потом им сказал. Он-то знал, что они могут оказаться в числе этих машин.

Аланчо, наша детская «совесть», что они с тобой сделали? Тебе, спокойному, застенчивому, рассудительному и основательному, пришлось кричать на родителей и силой уносить отца в машину.

Я никогда не смогу за это расплатиться. Никто не сможет.

Рассказ очевидца-резервиста

www.ossetia.ru

В Гори мы заехали в два часа ночи уже 9 августа. Мы долго петляли по окраинам города, наконец, притормозили, сержант отдал приказ: «Сним на своих местах, из автобуса ни в коем случае не выходим, так как каждые 30 минут будем переезжать на другое место». Сказать, что это была самая долгая ночь в моей жизни, значит не сказать ничего. Автобус, предназначенный для перевозки людей в городе — не самое удобное место для сна в сидячем положении, особенно если перед твоими ногами огромный, 40-килограммовый рюкзак, на голове каска, а в руках АКМ, да плюс ко всему этому рядом с тобой такой же бедолага. Но мне повезло больше: я сидел возле стекла и мог прислонить к нему голову, а мой сосед был лишен и такого «счастья». Однако он уснул сразу, а я в эту ночь глаз не смыкал. Только утром, когда рассвело — глаза закрылись сами собой.

Когда налет закончился (первый, как потом оказалось), я понял, что свой рюкзак оставил рядом с клубом. Возвращаться не хотелось, очень не хотелось... Но надо было. Вернувшись и быстро отыскав свой 40-килограммовый рюкзак (а сам я худощавый: при росте 175 см вешу 60 кг), накидываю его на спину и отбегаю от здания. К этому времени площадь, где до этого находились сотни резервистов, обезлюдела. Особенно меня поразил тот факт, что первыми из виду пропали офицеры.

Оглянувшись по сторонам, я увидел, как ребята из моей роты издали машут мне руками. Догнав их и высказав самую сердечную в своей жизни благодарность, что не оставили одного, я вместе с ними побежал подальше от площади и того проклятого клуба. Мы шли по улице, прижимаясь к стенам домов, а под ногами хрустели разбитые стекла. В городе началась паника (это была первая его бомбежка) и каждый пытался найти себе убежище в подвалах домов. Мы (группа из 5 человек) также забежали в один из подъездов — бомбы могли нас похоронить в этом подъезде, однако не хотелось стоять на открытом месте.

Несколько часов мы просидели там. Несколько раз делали вылазки, была неудачная попытка сгонять за пивом (все магазины оказались закрыты). Так мы там и сидели, пока группа резервистов, которая проходила рядом с нашим «убежищем», не сказала нам, что получили приказ от одного офицера покинуть своим ходом город, так как русские войска собираются войти в Гори. Понимая, что оставаться в городе бессмысленно, мы решили выбираться из него.

Однако наши приключения на этом не закончились. Мы уже почти выехали из Гори, когда в здание, до которого мы не доехали 50 метров, попало два или три артиллерийских снаряда и оно загорелось... Автобус затормозил, и мы быстро повysкакивали из него, так как подумали, что это очередной авианалет. То, что творилось там, напоминало апокалипсис. Повсюду резкий запах взрывчатки (или чего-то еще), горящее всюю здание и обезумевшие люди.

Поняв, что мы там лишние и помочь ничем не можем, мы опять погрузились в автобус и направились за пределы Гори. Дальше было 5 часов неопределенности в окрестностях города, пока мы не получили сообщения о том, что резервисты добираются до Тбилиси и, сдав оружие, отправляются по домам. Так мы и поступили: сдав оружие и рюкзаки с амуницией в Военной Академии и оставив на себе только летнюю форму (которую раньше мы в обязательном порядке сдавали), мы отправились по домам. Вот так и закончились мои два дня на «войне».

Диана. 10 августа.
Разговор по телефону
<http://liza-valieva.livejournal.com/> —
Владикавказ

«Мы в подвале. Дедушка одну ночь посидел с нами, потом плюнул и сказал, что умирать, так по-человечески, у себя дома, а не в подвале. И все остальные дни сидел дома. Хорошо еще, что он плохо слышит.

Не представляешь, какие тут зверства были.

Тех, кого находили дома — издевались, как могли, потом убивали. Расстреливали людей в подвале. А в районе вокзальной площади одна женщина выскочила из частного дома с двумя детьми в поисках бункера и нарвалась на грузин. Они убили детей на глазах у матери. Она сошла с ума.»

1986, 1987, 1988 – 11 августа
<http://tani-flint.livejournal.com/>

Возле республиканской больницы в Тбилиси (сюда свозят раненых) толпятся люди. Вывешены списки тех, кто в больнице. Даты рождения — 1986, 1987, 1988 года. 70-е попадают реже.

Подъезжают две скорые, оттуда выгружают раненых, перекладывают на носилки.

Родственники солдат бросаются к ним, спрашивают, санитары быстро уносят носилки. «Все плохо, очень много раненых, очень много убитых», — упавшим голосом переводят то, что сказали только что прибывшие.

Те, кто не нашел своих детей в списках, все равно не уходят — ждут, надеются.

Уже перевязанный солдат, раненный в ногу — молодой, очень молодой парень — терпеливо отвечает на вопросы. Родные спрашивают: не знаешь ли такого, не видел ли, не слышал ли, что с ним.

Пожилой мужчина мечется между людьми: от сына уже несколько дней нет вестей. Его забрали и отправили в Кутаиси, а оттуда в Гори, и его нет ни в одной больнице, и его нет в списках. Услышав, что мы только что были в Гори, он с надеждой спрашивает: «Может, вы видели его фамилию?». Сникает.

Рядом с больницей, прямо на тротуаре группа женщин с маленькими детьми. Беженцы из деревни рядом с Гори. Плачут — они два дня под открытым небом. «Саакашвили продал нас — не знаю, кому: Америке или русским», — рыдает женщина в черном.

Они одеты в домашнюю одежду и рваные комнатные тапочки — убегали, в чем было.

Тбилиси, 11 августа
<http://merienn.livejournal.com>

Сегодня в шесть утра раздался звонок напуганной насмерть Марины: был взрыв, и у них в Глдани чуть не вышибло стекла. Оказалось, бомбили радары возле Тбилисского моря, которые обслуживают международный аэропорт. Вчера бомбили Хелвачаури, пригород Батуми. Сандро сидит там у деда с бабушкой и не хочет ехать в деревню к моим родителям. Мы с Хатуной выгуливали детей в Парке Ваке — почти никого нет — и сводили их в макдональдс: то, что под запретом в мирное время, кажется таким привлекательным во время войны. Еще вчера вечером по всему городу шли толпы жителей города с флагами, скандировали «Сакартвело» (*самоназвание Грузии — прим.ред.*), Мишка не понял, что происходит. — Сейчас война, и нас бомбят, и эти люди требуют, чтобы все это прекратилось. — А кто бомбит? — вытаращил глаза Мишка-муравей.

Я не стала говорить, кто нас бомбит. — Пусть они сами на себя сыплют эти бомбы, ненавижу их, — смешно рассердился Мишка.

Еще неделю назад мы болтали о всяких милых

глупостях: где лучше сделать френч маникюр, и куда я девала купальник, и как приучить мужа вешать мокрое полотенце на веревку. Сейчас мы ломаем голову, как проехать до Батуми с детьми и не попасть под обстрел, где безопаснее укрыться, кто что сказал в Совете Безопасности ООН, действительно ли в Потии погибли люди.

Паники нет. Пафоса тоже особого нет. Шоком был первый день, а потом все стало так, как будто мы жили так сто лет. Люди толпами идут сдавать кровь. Мы знали, что так и будет. Извините, что сумбурно — теперь уже постараюсь писать понемногу и чаще.

Спасибо всем огромное, непередаваемое, всем, кто мне написал: в ящике было 200 с лишним писем, и все неплохо, в общем. Никуда мы не уедем. Они только и ждут, чтобы мы все уехали.

Гори, гори – 11 августа
<http://tani-flint.livejournal.com/>

С утра были в Гори, там грустно — пустой город. Только старики, военные, журналисты. Все, кто с детьми, выехали.

Фото: Аркадий Бабченко

Хоронить особо некому, говорят, хоронили мальчика-солдата, убитого накануне, только самые близкие были, мало народу, говорят.

Вроде там подписали о прекращении воздушного огня, но с утра их бомбили. Бомбили якобы казарму, а на деле — попали в дом жилой в метрах ста (внизу отделение скорой помощи). Не знаю, что за бомбы, но квартиры выгоревшие, двери сорваны. Отовсюду дым, вода льется — МЧС тбилисский тушит.

Госпиталь военный оцеплен со всех сторон, не пройти. Говорить не хотят, отворачиваются — нельзя.

Медсестра сказала, что его эвакуируют — госпиталь и больных. Отсюда вывод: бояться ввода войск?

Вдоль по дороге в Тбилиси замаскированные пушки — веточками и кустами.

Поднялись на гору, на кладбище — посмотреть на Цхинвали. Там только дым — ничего не видно, только дым. Говорят, в руинах.

Пообщались с командой Рейтерс. Они разоблаженные на российский телеканал «Вести» — те обвинили их в фейке. Говорят: «Мы приехали сюда сразу после взрыва, кровь, трупы, люди плачут, а они нам потом — у вас тут люди в кадрах повторяются, это фейк. Подать в суд?»

Невесело сейчас в Гори.

(Ночью поблизости от Тбилиси тоже что-то падало, но я дрыхла, как суслик, и ничего не слышала, однако остальные говорят, что да, был шум, были взрывы, трясло стекла.)

Осетины же наши!! – 12 августа
<http://miakos.livejournal.com/>

(Автор проживает в России — прим.ред.)

Сестра моей одноклассницы, девочка девятнадцати лет, живет в Рустави. Спрашивает сегодня по скайпу: «А это правда, что по вашим тв говорят, что, мол, наши резали и насиловали там детей и женщин?» На что я отвечаю, что именно такую формулировку не слышала, но про «резали детей» мелькало по каналам не редко. На что девочка-грузинка эмоционально отвечает: «Гого, ты что??? Что за глупости?? Осетины же наши, кто бы с ними стал такое делать?»

Вот вам глас грузинского народа.

«После» войны
Инга. 13 августа. Цхинвал.
Разговор по телефону.
<http://liza-valieva.livejournal.com/>

Всегда уравновешенная Инга, которая за все 3 дня в подвале ни разу по телефону не пожаловалась и не сказала, что ей страшно, а, наоборот, бодрым голосом рассказывала о ситуации в Цхинвале, только теперь смогла расслабиться и дать волю слезам:

— Мы уже дома. Город не узнать. Повсюду разрушения и трупы. Запах. Все позади, но

мы все подавлены. Такое ощущение, что меня били несколько дней. Все болит.
— Правда ли то, что рассказывают о зверствах?
— Да! Зверства были. Расстреливали в упор всех мирных жителей, которых им удавалось найти. Мой знакомый хирург поехал в деревню забрать свою мать, их расстреляли, стариков расстреливали, а одну пожилую лежащую женщину прямо в кровати расстреляли. Я видела эти трупы, это такие зверства, что мне не верится, что это могли сделать грузины. Думаю, это были наемники.
— А слухи о том, что головы отрезали? Это правда?
— Нет. Не думаю. Я не слышала о таком. В Цхинвале точно такого не было. А в селах — я не знаю.

Непогребенные

<http://malekon.livejournal.com/>
Запись от среды, 13 августа 2008.
18:55 — Цхинвал

Надеюсь, что сегодня грузинские трупы наконец зароят. Смерд от десятков убитых, забирать которых грузинское руководство отказалось, перекрывает гарь сотни БТРов, танков, БМП, САУ и прочая. Хотите трупов? Через пару дней повешу (опубликую в ЖЖ — прим. ред.).

Мой мальчик вернулся

<http://cherryrock.livejournal.com/> —
Тбилиси
13 Августа

Да, он вернулся, мой красавчик!!! Всего несколько дней, а он уже не тот. Лицо стертое, и нет прежней улыбки, бедный мой... Так нервничает... Раньше он сердился, когда я грустила, говорил, что грустить нельзя, потому что все хорошо. И первый вопрос при встрече — а че такая грустная? А сейчас мой бедный уже не такой румяный, и нет веселых складок у глаз, не видно маленьких клыков, лишь грустные глаза и опущенные уголки губ. Он вошел и не спросил, почему я грустная, потому что я улыбалась, радовалась видеть его даже такого. Мой сладенький, я так его люблю...

Защитники

<http://www.liveinternet.ru/users> — Горы
Среда, 13 Августа

В последнее время так хочется верить в грузинские СМИ...

Русские танки ушли, говорят... А кто остался? Кто будет защищать Горы от толп мародеров и грабителей, убийц и насильников?

Порядок

<http://www.liveinternet.ru/users>
Четверг, 14 Августа

Ночью в Горы прошлись по гаражам, в основном, в окрестностях и частных домах... «Хонда» «Сивик» младшего брата, видать, просто не проехала бы по разбитым дорогам, слишком уж низкая

посадка, да и интересовали их только внедорожники.. Русские не вмешивались... Окрестным деревням пришлось хуже... Связь не работает, мобильная есть, если есть терпение, можно позвонить... Порядок будут поддерживать патрульная полиция совместно с русскими военными.. Через 2-3 дня обещались уйти.. Генерал, явно, был уже опохмелившимся ;)

Салют в Мегрелии

<http://pepsikolka.livejournal.com/>
19 августа — Поти

Из Тбилиси не привозят сигареты, раскупили почти все, цены, опять же, на оставшиеся стали выше, мамы жалуются, что трудно найти детское питание, в обиход вернулось слово «дефицит». Пыталась заплатить по кредитке — банк закрыт, регулярно шлют по СМС предложения, что это плохо отразится на моей кредитной истории. Кажется, это плохо отразится на моих отношениях с этим банком. Мама моего крестника увезла, когда была особенная напряженка, детей в деревню Карати. Говорит, что прокляла все на свете: там все время недалеко бомбили, взрывали, и Тема с Максимом просили : «Мама, не надо больше салюта».

Бомбы-жара-ветер

<http://inna-kulishova.livejournal.com/>
25 августа — Тбилиси

Пожар в Боржомских лесах грозит и воде лечебной. Горит Атенская долина, там приходится рубить высокие деревья, чтобы не распространять пожар... Бомбы-жара-ветер. Вот и последовательность.

Многие беженцы потеряли друг друга, ищут...

Война не убирает собственные проблемы. Возможно — в случае, если бомбы падают на окраины или соседние города. Но обостряется нежелание видеть тех, кого

видеть не хотелось и раньше, ехать туда, куда и раньше не особо желалось. Ничего не хочется. Никого. За очень редким исключением.

А юмор неисчерпаем. Есть тут один маленький канал, оппозиционный, вечером только работают они, и там обычно бегущая строка со старой рекламой, эсэмэсками в прямой эфир и т.д. Когда русские войска стояли в Игоети, (напомню, деревня, 35 км от Тбилиси) читаем: «Срочно продается дом в Игоети». И номер мобильного телефона...

Грузинские села

<http://malekon.livejournal.com/>
(«Живой Журнал» российской журналистки)
Запись от среды, 20 августа 2008

Этот дом в Цхинвале, ближе к выезду на Зарскую дорогу, вспыхнул буквально на наших глазах. Мы осматривали грузинские трупы в дубовой роше, как в 19:00 внезапно начался обстрел. «В укрытие!» — а какое укрытие? Прямое попадание, типа зажигалка.

Когда через несколько дней мы ехали через освобожденные грузинские села на Транскаме, все вокруг полыхало, черный дым вставал до горизонта. Тамарашени, Ачабети, Кехви — их больше нет.

И радовалось сердце мое. Потому что очень хорошо помнилась осенняя ночь пару лет назад, когда мы, слава Христу, остались живы, лоб в лоб столкнувшись с грузинскими обдолбанными ополченцами, что ли, или полицейскими, или х.з. кем, в этом Тамарашени. Безумные глаза, направленные на нас стволы. Как хорошо, что ничего этого больше нет. Как хорошо, что нет больше этих «мирных жителей» с грузинскими флагами и «факами» в сторону российских машин. Никто сюда больше не вернется, и это правильно. Справедливость вершится на наших глазах. Что хотели, то и получили.

Нет, не жалко. <ИВ>

Александр
КЛИМОВ

http://artofwar.ru/k/klimow_a_n/

ДЕВОЧКА

Она сидела на тротуаре у стены четырехэтажного дома с полностью разрушенным четвертым этажом. Сидела и тянула удивительно низким для ребенка голосом: «Ма-а-а-а-а-а... М-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а...» Сколько ей лет? Семь? Десять? У восточных народов даже у детей трудно определить возраст. Как-то странно скособоившись, обхватив худенькое тело еще более тонкими руками, она раскачивалась взад-вперед, как китайский болванчик. Спутанные, забитые пылью и каменной крошкой волосы мотались, как ключья пакли, и от этого она становилась похожей на дешевую китайскую куклу, выброшенную в мусорник.

Он шел в левой колонне — хорошо, не пришлось никого выталкивать. Метнувшись к тротуару, он краем глаза держал фигуру взводного. Тот не обернулся, хотя все прекрасно видел: как каждый командир, воевавший не один год, он умел видеть и спиной, и затылком, и всеми частями тела.

Подбежав к ней, он встал на колени и взял ее за плечики. Посмотрел вниз. Теперь стало понятно, почему она так странно сидит. Все правое бедро было посечено каменной крошкой — наверное, рядом в стену ударила автоматная очередь. Раны уже

затромбовались, кровь не текла, но бедро раздулось, став вдвое больше.

Она перестала раскачиваться, только все еще легонько мотала головой.

...Вперед-назад, вперед-назад, ключья пакли, заведи куклу из мусорника...

Осторожно подхватив ее под мышки, он положил ее себе на грудь. Неожиданно резко она обхватила его ручонками, сцепив кисти на шее. Обняв ее правой рукой за поясницу, а левой держа за здоровую ногу, он выпрямился, развернулся и побежал. Взвод уже ушел вперед метров на тридцать. Он бежал, смешно и косолапо закидывая ноги, как перекормленная утка, потому что бежать с ребенком на груди было неудобно: он боялся ее пошевелить. Ее раздувшаяся правая нога болталась, как гирилянда на ветру, и он старался бежать как можно плавнее...

Потом был аэродром, военная база, полевой госпиталь. Часть поставили на доукомплектацию, свободного времени было много, поэтому он почти постоянно был рядом с ней. Когда она очнулась от наркоза, он сидел возле ее кровати. Она посмотрела на него и улыбнулась — он рядом. Все хорошо.

Как он хочет, чтобы так все произошло на самом деле. Чтобы взвод не прошел мимо, а не в меру сердобольного солдата взводный не саданул кулаком в грудь: «Куда полз?!»

Зверей спасать надумал?»

Руки, обхватившие голову, стискиваются все сильнее.

«Отпусти меня».

«Пожалуйста».

Он знает, что просить бесполезно. Но все равно просит каждый раз, когда она садится перед ним и протягивает к нему свои тоненькие ручки.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА

Это происходило в одной южной республике тогда еще Советского Союза, где уже вовсю полыхал огонь гражданской войны. Мы остановились на сутки в небольшом городке, районом центре, перед переброской в район нашего непосредственного участия — там уже шла настоящая война с применением тяжелого вооружения, и мы должны были «стабилизировать обстановку». Но и в самом городке было очень неспокойно. Сгоревшие здания, а те, что уцелели, — с выбитыми стеклами, перевернутые машины, пустынные улицы. Группы грязных, заросших личностей с охотничьими ружьями, а некоторые в открытую, с «калашами», проважавшие нашу колонну откровенно ненавидящими взглядами — местная то ли милиция, то ли национальная гвардия. Разместили нас в военном городке местной части связи. Часть агонизировала, как и все структуры советской власти в этой республике, оборудование спешно вывозилось (оружие, к счастью, догадались вывезти раньше), практически все семьи военнослужащих уже выехали, и дома стояли пустыми. Нас разместили в пустующей казарме, но едва офицер вышел, мы тут же расползлись по территории в надежде разжечь хоть какой-нибудь еды, а уж если повезет по-настоящему — то и водки. Однако уже первые дома показали тщетность наших надежд: городок практически не охранялся, и большинство квартир были разграблены местными. Удивляло какое-то дикое, остервенелое разрушение, которым, судя по всему,

сопровождались все грабежи: все, что не было вынесено из квартир, было изломано, разбито, потоптано, изгажено. Охота продолжать поиски пропала, и мы с корешем решили просто побродить по городку, подышать воздухом, чтобы не возвращаться в пропахшую лизолом и застаревшей грязью казарму.

Уже обойдя почти весь городок по периметру, мы вдруг заметили свет в одном из окон. Это был маленький одноэтажный домик на двух хозяев — по-моему, такие домики назывались «финскими» — и в одной из половин дома действительно горел свет! Мы подошли к двери и осторожно постучали, чтобы не перепугать хозяев. И прямо как в народных сказках, дверь нам открыла старушка. Мы как-то даже и остолбенели. До сего момента мы думали только о собственном голоде и, лишь увидев эту пожилую женщину, поняли, что у оставшихся жителей городка проблемы с едой могут быть куда серьезнее наших. Но не успели мы напрочь мозги в поисках благовидного предлога — чего это мы ломимся в двери на ночь глядя, — как она сказала: «Заходите, мальчики». Спокойно так сказала и так естественно, словно мы договаривались о встрече как минимум за неделю. Неловко переставляя ноги, мы вошли в прихожую и опять замерли. «Разувайтесь, проходите, сейчас я чайник поставлю. Командир части сказал, что сегодня электричество будет до утра», — раздалось у нас за спиной, и мы, все еще маяя от собственной бестолковости, начали стаскивать ботинки, заранее сгорая от стыда за вонь от потных ног и нестиранных носков. Кое-как разувшись, мы прошли в небольшую комнату.

Шкафы с книгами, маленький диван, этажерка, круглый стол посредине, накрытый льняной вышитой скатертью, — ощущение было такое, будто мы попали в довоенное время, до ТОЙ войны, Великой Отечественной. «Садитесь, ребята, сейчас я вас чаем угощу. У меня даже печенье осталось», — с этими словами хозяйка подошла к столу, указывая нам на стулья, и мы наконец-то смогли рассмотреть ее как следует. Лет 70-75, в платье, на плечи наброшен пуховый платок, седые пряди аккуратно зачесаны и сколоты сзади заколкой, удивительно ровная осанка, светлые, небесно-голубые глаза, морщинистое, но не высохшее лицо, прямой и какой-то успокаивающий взгляд — все это вместе произвело на меня такое впечатление, что я как-то помню своей воли спросил: «Вы учительница?» Она рассмеялась, звонко так: «Да! А что, сразу заметно?» Глупо улыбаясь в ответ, я сказал: «Да...», — и после этого мы засмеялись все трое. На душе вдруг сразу потеплело, стало так хорошо и спокойно, словно вернулся в родной дом, нет, даже — ДОМ. Уже не стесняясь, мы сели за стол. Елена Павловна (так она представилась, едва мы отсмеялись) принесла из кухни алюминиевый электрический чайник, фарфоровый заварочный в крупный красный горошек, такие же чашки и печенье в солдатской алюминиевой миске («Извините, мальчики, совсем не осталось приличной посуды в доме»). И вскоре мы прихлебывали горячую ароматную янтарную жидкость, хрумкая удивительно вкусным печеньем («Жри медленно и понемногу, урод, может быть, это у нее последняя еда в доме»). Она спрашивала нас, откуда мы, давно ли служим, не тяжело ли нам

и т.д., а мы отвечали ей так легко и искренне, словно и вправду пришли в гости к своей любимой первой учительнице и делимся с ней своими удачами и невзгодами. Заметив, что я кошу взглядом по книжным шкафам, Елена Павловна спросила:

— Любите книги, Саша?

— Да, — говорю, — очень люблю читать. В детстве родители палкой из дому выгоняли, чтобы хоть немного оторвался от чтения и проветрил мозги.

— А кто у Вас любимый писатель?

— Ремарк.

— Правда?! Ведь я им в молодости зачитывалась до изнеможения. Я и до сих пор его очень люблю. А какая книга Вам нравится больше всего?

— «На Западном фронте без перемен».

Что было потом, я до сих пор вспоминаю как какое-то волшебство. Кореш мой, разомлев от горячего чая и тепла, уснул, я отнес его на диван, и мы с Еленой Павловной сидели вдвоем за столом и говорили, говорили, говорили... Она рассказывала мне о своей жизни, о том, как молодой выпускницей приехала сюда по распределению, да так и осталась. С жильем, как и везде, было туго, ей выделили сначала комнату в общежитии, потом половинку этого домика. Влюбленная в свою работу, всю себя отдавала школе, ученикам, потому своей семьей так и не обзавелась. Рассказывала, как запоем читала Ремарка, как искренне, навзрыд плакала над трагедиями его героев, восхищалась их смиренной, нестигаемой стойкостью и спокойной, без оглядки, любовью.

Время исчезло. Нет, оно даже пошло

вспять. Что-то удивительное происходило вокруг нас. Время, словно перестав быть линейным, свернулось в какой-то тугий штопор, неслышно вращаясь вокруг нас и отгородив от всего окружающего мира. Куда исчезла старческая пергаментность щек, выцветшие губы, глубокие, словно проложенные резцом, морщины?.. Передо мной сидела молодая женщина с огромными синими глазами, лицом слегка удлинненным, с высокими аристократическими скулами, легким румянцем на щеках и, смеясь, рассказывала мне, как она втайне мечтала быть похожей на роковую красавицу Жоан Маду и погибнуть в объятиях любимого мужчины.

А я взахлеб рассказывал ей, как пережи-

и невредимым, к своим родителям, любимой девушке — у Вас ведь есть девушка? А вот, кстати, как Вы относитесь к «Трем товарищам» Ремарка? Что-то мне подсказывает, что Патриция Хольман — одна из Ваших любимых героинь. Угадала?»

Тишину разорвал сигнал большого сбора. Я оглянулся. В окно уже сочился мутноватый рассвет, часы показывали 5 утра. Мы проговорили шесть часов кряду, ни на минуту не вспомнив о времени.

Уже на пороге, пропустив кореша вперед, когда я обернулся сказать ей: «До свидания», — она обняла меня своими худенькими ладошками за плечи, прикоснулась губами к моей небритой щеке и сказала: «Возвращайтесь,

И в этот момент я окончательно стал верующим. Я понял, что если есть в этой жизни, в этом бытии, хоть какая-то крупица смысла и надежды, то мы обязательно должны с ней встретиться.

вал вместе с Паулем Боймером весь ужас полей Первой мировой войны, растущее опустошение души, выжженной ужасами мучений и смерти, как мне самому втайне хотелось пройти путем страданий, чтобы обрести эту так восхитившую меня глубину души, что именно это желание, по большому счету, и подтолкнуло меня согласиться на участие в «командировках», одна из которых и свела нас сейчас за этим столом. Она называла меня бедным мальчиком, стойким оловянным солдатиком, который держит на своих плечах разлом истории, говорила, что я ни в коем случае не должен позволить войне опустошить мою душу, что с нами все по-другому — мы солдаты великой страны, которые удерживают ее от распада и анархии и защищают свой народ от бандитов и мародеров. Она говорила, что я обязательно вернусь домой, вернусь героем, и отстоянная нами страна будет нас чувствовать, как когда-то солдат Великой Отечественной.

Господи, как я просил ее уехать отсюда... «Здесь очень опасно, Елена Павловна, Вы здесь совершенно одна, военная часть скоро полностью эвакуируется, и Вы останетесь вообще безо всякой защиты, а местные ненавидят русских, Вы же сами видите, уезжайте, давайте, я утром договорюсь с нашим командиром, и Вас эвакуируют...»

«... Ну что Вы, Саша, кому я здесь нужна? Я старая женщина, у которой нет ничего ценного, кроме книг. Многие здесь меня знают и уважают, я учила их детей, не переживайте, со мной все будет хорошо, главное — Вы берегите себя, Вы так молоды, у Вас впереди еще вся жизнь, Вы просто обязаны вернуться живым

Саша. За меня не беспокойтесь, со мной все будет хорошо. И мы с Вами договорим про «Трех товарищей». Я сказал ей, что вернусь. Что обязательно, обязательно вернусь. Обязательно...

Я вернулся в этот городок две недели спустя. Мой кореш вернулся раньше, минув городок и все города мира, на борту самолета в крепком цинковом бушлате. Безумие, но больше всего я жалел, что не позволил ему съесть побольше печенья в тот вечер у Елены Павловны. Они стали последней вкушностью в его жизни.

Едва только прозвучала команда «Вольно! Разойдись», я со всех ног кинулся туда, на самую окраину городка к виденному только один раз, но уже ставшему родным на всю жизнь, «финскому» домику и живущей в нем

самой удивительной женщине на свете. Я бежал и думал, как я расскажу ей о том, что был влюблен в Патрицию Хольман, как вместе с Робертом отчаянно пытался вырвать ее из когтей туберкулеза, как рядом с ним сидел у ее постели и гладил милое, исхудавшее лицо. Я бежал, бежал, не чувствуя земли под ногами и...

...Выбитое вместе с рамой окно... слетевшая с петель дверь... перевернутый и разломанный стол... вывернутые шкафы... искромсанный чем-то острым диванчик... фарфоровые черепки на полу... сплюснутая ударом ноги алюминиевая миска...

Я попытался сказать себе, что это всего лишь дом, что Елена Павловна успела уйти, спряталась в части, что ее уже эвакуировали, она могла укрыться у кого-то в городе, ведь тут так много помнящих и уважающих ее людей, но...

Даже не холодный рассудок, а тот внутренний голос, который никогда не врет, который всегда говорит правду, с механической безошибочностью арифмометра показывает тебе то самое страшное, чего ты больше всего боялся — он рассказал мне, как здесь все происходило. Так обстоятельно и подробно, словно я при этом присутствовал.

И в этот момент я окончательно стал верующим. Я понял, что если есть в этой жизни, в этом бытии, хоть какая-то крупица смысла и надежды, то мы обязательно должны с ней встретиться. Мы должны с ней встретиться и договорить про «Трех товарищей». Это было важнее все судеб мира, всех движений мироздания и непостижимых тайн этого и того мира. Я понял, что я ее обязательно увижу снова. Такой, какой она виделась мне той сказочной ночью — молодой, красивой, загадочной, и я расскажу ей все, что не успел сказать. <ИВ>

Илья АНПИЛОВ

http://artofwar.ru/a/anpilow_i_w/

"ЧЕЧЕНСКИЙ СЛЕД"

КРАСНОАРМЕЕЦ СУХОВ

Он поступил в техникум автомобильного транспорта, и военкомат на время от него отстал. После техникума нашел неплохую работу в фирме по автоперевозкам. Помог отец, умерший, когда он еще заканчивал школу, так как эта фирма — та же автоколонна, где когда-то работал отец, и хозяин фирмы его хорошо знал. Однако в первый же призыв Сухова забрали. Сухов надеялся, что с автомобильной специальностью его определят служить куда-нибудь к машинам, но пройдя все круги призывного ада, попал в артиллеристы.

«Что ж, пушка — тоже машина», — решил он и поплыл по течению. Поэтому, когда после шести месяцев службы их построили и отвезли в Чечню, он не дергался, хотя считалось, что для отправки в район выполнения служебно-боевых задач от бойца требуется письменный рапорт.

В Чечне его определили наводчиком на зенитную спарку, которую за неимением у боевиков летательных аппаратов используют здесь как большой пулемет. Осмотревшись на новом месте, он утвердился в мысли, что артиллерия — это тот род войск, в котором можно жить и на войне.

«По крайней мере, бегать в атаку не

надо», — определил Сухов, и когда его пушка превращала указанную командиром цель в месиво, он даже не задумывался, что там кто-то может быть, пока не увидел воочию, что боевики все-таки существуют...

Они возвращались с соседней заставы уже под вечер, когда добрые люди по постам сидят да в амбразуры поглядывают. Месить грязь по разбитой БТРами деревенской улице не хотелось, поэтому шли гуськом вдоль глухого забора, хотя это было и опасно: мины ставят именно на обочинах.

Забор внезапно оборвался, и сразу за ним была лавочка, на которой сидели старик со старухой, а между ними — рослый бородач в камуфляже, разгрузке и с автоматом, мирно лежавшим у него на коленях.

Дальше было как в замедленном кино: от резкой остановки Сухов поскользнулся и стал падать на спину, сдернутый же с плеча автомат полетел в небо, а над Суховым поднимался-нависал боевик с поднятым на уровень груди стволом.

«Вот и все», — как-то просто подумалось Сухову, и, увидев вспышку выстрела, он подетски закрыл глаза...

Когда открыл, то издырявленный боевик лежал навзничь в красной грязи, над ним стоял растерянный сержант, который с испугу выпалил из автомата весь магазин, а возле

лавки, на которой только что сидел бородач, каменно застыли черные старики...

После войны Сухов вернулся в ту же автофирму, откуда уходил в армию, но вскоре выяснилось, что водить машины он не может, так как в блеске фар встречных машин ему все время виделась вспышка выстрела из автомата боевика, и он так же подетски закрывал глаза. Из сострадания хозяин перевел его сначала в слесари, а потом в мойщики.

БОЛЬШОЙ

В краснодарскую «учебку» его привезли последним. Роста у него было метра два с лишним, а соответственно росту ширина плеч и величина кулаков, но в силу мягкости характера и добродушия (у него и имя-то было какое-то мягкое — Игорь, но все его звали проще — Большой) он все сержантские приказы, какими бы идиотскими они ни были, безропотно и добросовестно выполнял, чем ввел «рашпилей» в заблуждение. Они решили, что исполнительность равнозначна тупости, и однажды упоенный властью сержант двинул его в зубы. Большой спокойно стрел своей огромной лапищей сержанта за шиворот так, что затрещал «камок», приподнял над землей и отбросил в сторону метра на четыре.

Увидев своего коллегу, в позе лягушки-путешественницы плавно приземляющегося в пыльный плац, сержанты сначала онемели, но придя в себя, отвели Большого в свою «кандейку». Прилюдно они не били — устав не позволял.

Через пару минут казарму огласил дикий рев и смачные звуки падающих тел, дверь «кандейки» весело распахнулась, и оттуда брызнули в разные стороны сержанты, а следом бухал сапожищами Большой и не считал себя виноватым, если кто-то не успевал спрятаться...

С того дня сержанты старались его не замечать, зато для нас он стал кумиром и отдохновением души. Хотя с просьбами о защите к нему никто никогда не лез, так как в армии каждый рассчитывает лишь на себя и

свои кулаки, но возле него мы отдыхали, как отдыхает измученный трудной дорогой путник под раскидистыми ветвями могучего дуба.

Мы же сошлись с ним на книгах, которых он перечитал великое множество во всех библиотеках своего городка, где безвыездно прожил все свои восемнадцать лет. Из-за этого он страшно завидовал мне, обездзившему за тот же срок половину страны. Зачарованный моими рассказами о Северах, он мечтал побывать там, чтобы увидеть своими глазами веселые огоньки морошки (каждый на своем стебельке), горящие на мягкой зелени болот, россыпи ягод, которые надо сгребать ковшом, волны прибоа цвета стали...

— Вот только маму одену красиво, — говорил он и однажды показал фото, где они были сняты вдвоем. Маленькая хрупкая женщина с удивительной нежностью смотрела на своего сына-гиганта. Отца у него не было, кто его знает почему.

Командиры дружно перекрестились, когда сразу же после присяги Большого забрали в разведроту, а увиделись мы с ним уже в Чечне, но недолго. Когда БТР разведчиков возвращался из Ца-Ведено, к нам в Хатун, с обочины рванул фугас. Все осколки достались Большому, потому что он был большой, и его огромное сильное тело стало громоздким и тяжелым. Пачкая себя и броню кровью, разведчики с трудом втащили его на

зенитчики, вглядываясь в темноту, искали цели, из-за наших плеч тихо выглянул ствол Димкиного автомата и грохотом длинной очереди чуть не порвал всем перепонки, а взвод прикрития попадал на дно окопа, так как был уверен, что пули зашелкали прямо по их каскам.

Димку, конечно, побили, но проку было мало, потому что в следующий раз он привел всех в предынфарктное состояние, когда, сшивая снаряды для зенитки в ленту, шаркнул молотком по взрывателю. Расчет остался цел только потому, что снаряд оказался бракованным.

Димка неузнаваемо преобразился, когда на заставу притащили разбитую вдрызг машину неизвестной, но грузовой породы. Он в ее железном нутре дневал и ночевал. Слышно было только, как он там стучит, удовлетворенно хрюкает или самозабвенно ругается. Вылезал Димка из машинного чрева только для того, чтобы наорать на сержанта, который не разрешал ему ходить в село, где Черный (у Димки даже прозвище появилось!) нашел такого же пришибленного машинами «чеха» и добывал у него запчасти.

И однажды машина утробно побулькала, фыркнула и... поехала!

Я больше никогда и никого не видел счастливее, чем наш чумазый водела! Потух Димка, когда «контрабас» поехал в село за водкой на его машине и подорвался.

Солдаты подхватили его под руки и не очень-то вежливо перебросили через борт машины, где он, разодрав штаны, плюхнулся на бронеовые щиты днища и затих.

БТР и привезли в медчасть, но санитарам было лень ворочать такую тяжесть, поэтому врачиха осмотрела его прямо на броне и приказала везти на «взлетку», где в специально отведенном месте мордастые РМОшники равнодушно паковали «груз-200». На Россию.

ДИМКА ЧЕРНЫШЕВ

Затюканный деревенский парнишка не имел даже прозвища, потому что был не виден и не слышен, как мышка. Все считали себя обязанными командовать им и отбирать у него все, что кому-то понравилось. Он всегда сидел где-нибудь в уголке окопа и что-то старательно точил, шил или вырезал, но все изготовленное вскоре обязательно отбиралось. Он вздыхал грустно и безнадежно, но снова принимался за работу.

В первый обстрел он растерялся и стоял столбом, несмотря на грохот боя, пока кто-то не засунул его за бруствер. Когда бой затих и

ГОДЗИЛЛА

На «гражданке» она была обычной медсестрой, а на войне стала начальником фельдшерского пункта роты. Она была такой огромной при весе не меньше десяти пудов, что самым большим наказанием для нее было разворачивать свое хозяйство внутри БТРа. Когда же комбат заставил ее это сделать, она запила на целый день, а «насинившись», била своего помощника, длинного тощего солдата, и кричала неожиданно тонким фальцетом: «Он приказал! Он мне приказал!!!»

На войну она пошла от нищеты, в которой пребывала с мужем-алкашом и двумя цветочками-дочками. Хотя вся эта грязная и вшивая солдатня была ей побоку, свою кровавую и гнойную работу она делала привычно хорошо. Лечила и «чехов», за что только ей одной они разрешали по ночам ходить в село и живой возвращаться обратно.

Заплакала она только однажды.

Когда рядовой Важенин сидел на дне окопа, а вокруг валялось содержимое его черепной коробки, она стояла рядом, размазывала слезы по своему большому лицу и стонала: «Девочки мои, девочки... где ж вы женихов себе найдете...»

Она на войне была давно и многое видела. Видела развороченные взрывом тела, видела вырезанный «чехами» спавший взвод, видела просто убитых и зверски расстрелянных, но все это относилось к понятию «война» и никакого следа в ее душе не оставляло. Не могла понять она только одного: как это на войне можно застрелиться самому? Это не вписывалось в созданный ею мир, и она вдруг увидела в этом худеньком замызганном телье у ее ног весь трагизм положения, в какое попали по чьей-то воле эти вчерашние школьники...

Солдат умер у нее на руках, так как штаб так и не прислал за ним вертолета.

ФРОНТОВАЯ ПРИМЕТА

На заставу прибыла очередная смена офицеров: тертый жизнью капитан и молодой лейтенант, зеленый и любопытный. Те, кого они должны были менять, уже так крепко «приготовились», что не в силах были и говорить. Если командир взвода еще пучил глаза и размахивал руками, то комбат «минометки» даже не шевелился. Солдаты подхватили его под руки и не очень-то вежливо перебросили через борт машины, где он, разодрав штаны, плюхнулся на бронеовые щиты днища и затих. Сверху прикрыл его своим телом взводный, который с трудом, но сам, залез в кузов.

— Возьми пару бойцов и обойди заставу, а я пока тут бумаги посмотрю, — отдал капитан команду лейтенанту, и тот двинулся к высокому солдату, стоящему на правом фланге

строя, но капитан его остановил:

— Этого не бери. Он и сам тут без году неделя. Иди с теми двумя бандерлогами.

Лейтенант кивнул. Взял с собой рекомендованных солдат и скрылся с ними в ходе сообщения. Когда, облизав все закоулки заставы и выслушав объяснения сопровождающих, он пришел на НП, капитан был уже там и что-то помечал в своем блокноте.

— Действительно, те солдаты, что сопровождали меня, здесь уже по году, а тот высокий только второй месяц. Как это можно определить на глаз? Они же все одинаково худые и грязные, — спросил лейтенант хмурого капитана.

Капитан недовольно оторвался от своих записей и растолковал недотехе:

— У тех, кто в Чечне давно, напрочь застужены почки. Поэтому с пуговицами им возиться некогда. Они просто суют руку в штаны, как в карман, находят, что надо, и справляют нужду на месте. Иначе можно не успеть. Лейтенант ошарашенно смотрел на группу солдат, весело деливших добытые у него сигареты: брюки у всех были расстегнуты и держались только на ремнях.

«СНЕГ» И ГОЛОД

Весна в горах наступает сразу и бесповоротно. Только что лежал снег и пронизывал ветер, но вдруг запылало в бездонном небе солнце, а ветер, будто через голову перевернулся: стал теплым и ласковым. Вдвоем они быстро высушили окопы, буйной зеленью покрыли склоны гор и вынудили личный состав заняться ликвидацией накопившихся за зиму разрушений. Все сосредоточенно орудовали в траншеях, когда из поста послы-

шался удивленный крик наблюдателя:

— Мужики! Снег выпал!

Мы осторожно выглянули из окопов и на склонах сочно-зеленых гор увидели огромные белые пятна. Однако снег почему-то не искрился, как ему положено, а светился белым матовым светом.

Присмотревшись, мы обнаружили возле них по-горски грациозных всадников и поняли, что это пастухи гонят отары на летние пастбища.

— Ангидритиус твою в гипотенузу! — послышался голос Букваря, который материлился исключительно «по латыни» на том основании, что был учителем в сельской школе, но когда отказался стать ее директором, заремел в армию, а закончив свои филологические изыскания, он выразил всеобщую мысль: «Сколько мяса! Вот бы стрелнуть!»

Мы долго наблюдали из амбразур за перекатывающимися по складкам долины овечьими стадами. Когда же они, наконец, скрылись за перевалом, все хмуро разошлись по постам, досадуя, что так и не нашли удобного повода для открытия огня.

Зенитчиков умиротворил только повар-земляк и одноклассник командира расчета, который приволок на позицию бумажный мешок из-под сухарей. Если крошки из того мешка аккуратно пересыпать в котелок и залить их жиденьким солдатским супчиком, тщательно размешать и дать постоять минут пять, то вкусней еды на свете не бывает.

Возвратившись домой, Букварь узнал из газет, что его земляк, генерал Целиковских руководил оперативной исследовательской группой по изучению тылового обеспечения

соединений и частей, участвующих в контртеррористической операции на Северном Кавказе. Делал он это как раз в то самое время, когда зенитчики месили грязь дырявыми сапогами, кутались в продуваемые всеми ветрами бушлаты и делили крошки от сухарей.

«За самоотверженность и отвагу, проявленную при защите отечества, генерал Андрей Целиковских удостоился личной благодарности Владимира Путина», — написала о нем «Комсомолка».

ОХРАННИК ПЕТРИЩЕВ

С восемнадцати лет Женька знал, что нельзя:

- прыгать с БТРа на обочину — там может быть мина;
- прятаться от пуля возле техники — по ней долбанут из гранатомета;
- палить в ответ на каждый выстрел — противник использует тактику «изъятия боеприпасов» весьма активно;
- бить по целям длинными очередями — на четвертом рожке автомат заклинит обязательно;
- стрелять оттуда, где упал — именно там тебя и ждут;
- иметь противника над головой — в горах кто выше, тот и прав.

Хотя все эти «нельзя» были написаны чьей-то кровью и два года спасали Женьке жизнь, когда верхом на броне мотался он по Чечне, охраняя колонны и расходуя за один бой несколько сотен патронов, никогда в голове их никто не держал. Все эти «нельзя» жили в ногах, руках, мышцах, суставах и приходили сразу же, как только Женька закрывал глаза, мешая заснуть.

Наяву же охранник Петрищев берег материальные ценности с простой деревянной палкой, потому что согласно российскому законодательству иметь, владеть и применять оружие граждан России имеет право только по достижении возраста 21 год.

Когда Евгению исполнятся положенные по закону годы и он станет собирать документы на допуск к оружию, психолог, мужчина средних лет в непыльной должности мозгоправа, вдруг спросит его:

— А ты убивал кого-нибудь?

— Не знаю, — равнодушно ответит Женька. — Я стрелял, они падали...

Психолог с сомнением посмотрит в прозрачные Женькины глаза и не даст заключения.

«КОНТРАБАС» ПАХОМ

Ему было давно за тридцать, но когда человек все время крутится среди молодежи, его возраст определить довольно трудно. Словом, он выглядел как солдат, но взрослый. Повоевать он успел везде, где только можно было повоевать в период крушения коммунизма, и обо всех войнах судил только по климатическим условиям — было ли там тепло или холодно. Воевать ему нравилось, и на войне о нем ходили легенды.

— Армия — это когда всех дебилов собирают в одном месте, — говаривал он. — Другое дело на войне. Здесь дебилизм вышибают вместе с мозгами... Правда, с чужими чаще всего, — подумав, добавлял он.

Возвращаясь из очередной командировки, он набирал компьютерных «стрелялок», водки, минимум закуски и «зависал» недели на две, после чего начинал выползать «в свет». Светская жизнь быстро вытягивала из него все средства, и тогда он приходил в финчасть, где всегда неожиданно находились недоплаченные ему деньги. На них он покупал недостающую экипировку и уезжал обратно в Чечню, однако однажды на смену он не прибыл. Все гадали, что с ним такое могло приключиться, и кто-то высказал даже крамольную мысль, что Пахом женился.

— Если б женился, то был бы тут одним из первых, — поправил народ опытный комардив, который сам недавно обзавелся очередной женой.

Оказалось все намного банальнее: Пахом выпил «паленой» водки и теперь инвалид.

ЯШКА-Артиллерист

Сознание возвращалось медленно. По опыту он знал, что главное теперь — не шевелиться. Иначе затаившаяся где-то рядом боль прокатится по его искореженному отравой телу, чутунно ударит в череп и откатится назад обвальным грохотом. Этот

грохот разбудит утопленную совесть, а она сгребет когтистой лапой истерзанную душу и будет рвать ее на части, догрызаясь до самых потаенных уголков... Пока этого не случилось, надо определиться во времени и пространстве. Последнее, что он помнил из прошлой жизни — это донышко пивной бутылки, которое начало обнажаться, когда он большими смачными глотками пил прямо из горлышка терпко-горький «Пикур», которым угостили его на пруду отмечавшие День рыбака шигровские мужики.

Он чуть шевельнул веками, но этого было достаточно, чтобы понять: он дома. Новым был только рассыпчатый, как мука-крупчатка, заливающий комнату свет, который бывает только при отражении его от снега.

«Долго же я в кламе был... На День рыбака тепло было...» — еще без раскаяния прошелестел в голове ленивая мысль...

На войну его привезли во время боев за Ведено, вотчину басаевского клана. Десантники только успели выбить боевиков из селения Эрсеной на вершине каменной горы, как среди сожженных домов артиллеристы стали оборудовать позиции для орудий, так как отсюда все эти Дышне-, Джаной-, Ца- и прочие Ведено были как на ладони. Вот сюда и забросила «вертушка» два десятка бойцов краснодарского полка. После шести месяцев бесконечных караулов, приборок и строевых занятий, когда единственной радостью были хозработы вне казармы, солдаты с удовольствием восприняли такую перемену обстановки.

Их быстро пересчитали и, не вдаваясь в

подробности предыдущей службы, раскидали по подразделениям опорного пункта. Он попал в артиллеристы.

До этого он видел пушки только в кино, но когда сержант ткнул его пальцем в грудь и показал через плечо на орудие, сказав, что теперь он — номер его расчета, у него перехватило дыхание: грозное боевое орудие показалось ему таким беззащитным и трогательно одиноким, что влюбился он в пушку враз и окончательно. Он трогал ее исцарапанный войнами щит, отполированные руками маховики, замызганные колеса, вдыхал исходящий от нее запах горелой смазки и знал, что вся его жизнь была лишь прелюдией к этому мигу.

Что такое любовь, он не знал. Да и какая может быть любовь в их Знаменке, про которую и Бог-то вспомнил только недавно, когда здесь стали строить церкви. Слово «любовь» в кругу его друзей было сродни матерному, но что это была именно она, он вдруг понял сам и робко грел это новое для него чувство, никому его не доверяя.

Он с упоением разбирал пушку, как малых ребятишек купал ее части в солонке, отдирав прикипевшую гарь, смазывал, укрывал от дождя, убирал орехи нерадивых рук. Его поражали изящество ее форм и рациональность компоновки, а когда наводил орудие на цель и далекие домики становились картинками на стеклышках прицела, которые тут же рассыпались от рева выстрела, как только нажимался спуск, он испытывал почти сексуальное чувство.

Через восемь месяцев его привезли в Краснодар, рассчитали и уволили: срок его службы из-за войны закончился досрочно.

Это сначала его не очень-то и расстроило. Захотелось поехать домой, показать всем, какой он теперь взрослый и богатый, а потом вернуться обратно. Это же так просто — взять и вернуться...

Сначала завертели застолья, потом надо было в себя прийти (не переться же на военную службу с похмелья), потом военкомат не брал на контракт в артиллеристы, а только в пехоту, потому что в военном билете он был записан стрелком... Потом... Потом...

И однажды он вдруг понял, что предал свою любовь фронтовую, бросив ее среди камней и грязи в грубых солдатских руках. Когда к нему пришло осознание того, что ему уже никогда к ней не вернуться, он запил...

Всего-то и было в его жизни восемь месяцев счастья. Все остальное — серая беспробудность деревенского пьяницы, который мог часами рассказывать о своей пушке, за что получил кличку «Яшка-артиллерист». <ИВ>

Владимир
ЛИСОВОЙ

<http://www.navoine.ru/authors/lisovoy-vladimir>

Капитан
участкован
Афганистан,
Чечня

ЧЕЧЕНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

ХАНКАЛА

Чечня. Март девяносто пятого. Стойкое ощущение нереальности происходящего. Там, в Афганистане, наши крошечные островки-гарнизоны не позволяли нам забывать, где мы находимся. Война была повсюду. Время от времени она могла напомнить о себе шальной пулей, а то и реактивным снарядом. Даже когда мы находились внутри модулей, было ощущение, что она заглядывает в окна.

А здесь все наоборот: сама Чечня — крохотный островок войны. Мы базируемся на аэродроме Беслан, это аэропорт Владикавказа.

Аэропорт живет своей жизнью: рейсы, авиакомпания, нас как будто не замечают. Впрочем, мы и сами не горим желанием лишний раз кому-то попадаться на глаза.

Особенно не любим вездесущих журналистов. О них, любимых, я еще попытаюсь рассказать, а пока... В буфет аэропорта купить сигарет и минералки ходим, озираясь, ни к чему нам лишний раз светиться в объективах.

Фото: Владимир Лисовой

Два десятка наших вертолетов базируются в дальнем углу перрона. Мы стараемся не доставлять хлопот хозяевам. Живем в самом городе Беслан, в гостинице аэропорта. Ресторан при ней превращен в летнюю столовую. Комфорт. Даже неловко перед теми, кто постоянно находится там. Распорядок наш прост: с рассветом мы на аэродроме, как стемнело — возвращаемся в гостиницу.

Мы каждый день летаем на войну, как на работу. Это очень непривычно — летать на войну.

Взлетаем, ложимся на курс 70 градусов, наша высота не более 20 метров. Справа проплывает село Ольгинское, это еще Северная Осетия, слева Калтышево, это уже Ингушетия. Маршрут я могу рассказать до мельчайших подробностей, не потому, что память хорошая — она, как раз, порой и подводит. Просто я сохранил полетную карту. Вот позади уже Назрань, Троицкое — мы в Чечне. Включаю вооружение. Мы идем над Сунженским хребтом, он невысок и не покрыт лесом, а значит, меньше риск быть обстрелянным, негде укрыться боевикам. Справа, на таком близком горизонте,

тянется цепочка снежных вершин Кавказа. Я ловлю себя на мысли, что постоянно ищу аналогии с Афганом. Вот разве только Сунженский хребет и похож. Тем, что лысый. А Кавказ зарос лесом до самых снегов. А все же, прости, старина Кавказ, но далеко тебе до Гиндукуша.

Впрочем, разглядыванию гор я уделяю минимум времени. Все мое внимание подзрительным местам. Пока все спокойно, но я знаю: за нами наблюдает множество недружественных глаз, как в Афгане.

Чем ближе мы подлетаем к Грозному, тем больше примет войны. В селениях все чаще попадаются разрушенные и сожженные дома. А дома и селения здесь основательные, русские избы и деревни Нечерноземья — карлики в сравнении с ними.

Наша точка назначения — аэродром Ханкала. Он примыкает к восточной окраине Грозного. Когда-то здесь проходили обучение курсанты ставропольского училища.

А вот и Грозный — он неожиданно вынырнул из-за сопки. Внешне совсем не похоже, что здесь были бои. Хотя нет, вот этот нефтезавод пострадал. Огромные емкости, смятые и ржавые, — так бывает после пожара. Мы по дуге огибаем город и заходим на посадку.

Садимся на окраине аэродрома рядом с военным городком. Бывшим городком. Покрытые копотью пятиэтажки смотрят на нас пустыми глазницами окон.

Мы выключаем двигатели. Сегодня наша задача — действовать по вызову. Ханкала для нас сегодня служит площадкой подскока. Покидаю кабину, чтобы, воспользовавшись свободной минутой, осмотреться. Ведь еще совсем недавно здесь были дудаевцы.

Едва я оказался на земле, как чувство нереальности накатило на меня с новой силой.

Я как будто попал в 1941 год. А как иначе сказать о том, что я увидел. Предо мной — рабочее поле аэродрома. На нем не менее сотни самолетов. В основном Л-39. Эх, Элки, Элки! Как же вам досталось! Как же вы похожи своими прямыми крыльями и зеле-

Фото: Владимир Лисовой

ным камуфляжем на Лаги, Ишаки, Яки! Вот кучка белого пепла да пара чудом уцелевших крыльев (скорее, из-за отсутствия в баках керосина) обозначает место, где когда-то стоял самолет. Прямое попадание. Красные звезды на крыльях больно режут глаза. Его соседу повезло больше: он не сгорел. У него подломились основные стойки шасси, и от этого машина задрала нос. Как будто пыталась взлететь, чтобы вырваться из того ада, который бушевал здесь.

Спросите любого летчика, есть ли у самолета или вертолета душа. Вам посмеются в ответ: «Что вы, это всего лишь машина, железо. Материалисты мы».

Только не удивляйтесь, когда встретите подобного «материалиста», обнимающим после трудного вылета свой борт: «Спасибо, родной, не подвел!» Когда у прожженного «воздушного волка» вдруг на глазах заблестят слезы при виде того, как со стоянки утаскивают на разделку отлетающую свой ресурс машину.

Вот и сейчас... Я не могу отделаться от мысли, что искалеченный самолет смотрит на меня с укором и мольбой: «Зачем вы бросили нас здесь? Заберите меня, ведь меня еще можно восстановить и я снова буду служить вам».

Чуть подальше стоял совершенно нетронутый самолет. Солнечные блики играли на фонаре, казалось, машина радовалась, что удалось уцелеть, что снова на аэродроме люди в летных куртках, что снова к ней прикоснутся заботливые руки техников, займут места в кабине пилоты.

Меня окликнули: пора на вылет. Я повернулся и пошел к вертолету, спиной ощущая, как мне в след с надеждой смотрят самолеты. Мне не дает покоя одна мысль: а ведь среди пилотов, атаковавших этот аэродром, навер-

няка были те, кто получил здесь путевку в небо. Каково им было?

А через несколько дней по приказу одного большого начальника, для которого самолет — не что иное, как энное количество алюминия, была дана команда раздавить самолеты саперным танком. Цветмет...

РОТАЦИЯ

Ненавижу дежурство в третьей готовности. Можешь спать, читать, смотреть телевизор, но все это быстро надоедает. Можно погонять друг с другом в нарды, но они осточертели тоже. Тем не менее, мы спим, смотрим телевизор, читаем всякую хрень и режемся в нарды. Только потому, что делать больше все равно нечего. Дежурство. Кажется, начинаю понимать цепных псов. Хоть бы вылет на удар по какой-нибудь «дежурной» цели.

Здесь, на аэродроме Беслан, помещение для дежурства находится прямо в здании вышки управления, или, как говорят в авиации, КДП. Восьмой этаж.

Я выхожу на балкон: аэродром и окрестности как на ладони. На перроне несколько «тушек». Прилетел военный Ил. На таком сюда прилетели и мы. Кажется, это было совсем недавно, а уже прошла половина срока нашего пребывания здесь. Еще столько же — и мы улетим домой, и, быть может, именно этим самолетом.

Тем временем, Ил начал разгрузку: из его чрева выходят одетые в новое обмундирование солдаты. Пополнение. К самолету подъезжают несколько грузовиков. Вот и груз на обратный путь. Из тентованных кузовов извлекают характерные ящики. Я насчитал восемь. Поражает, с каким равнодушием все это продельвается. Как будто это какой-нибудь обычный груз. Вот она, ирония, «груз 200». Именно груз. Там, в частях, они были

солдатами, сержантами, офицерами. Было построение, прощание товарищей, скупая мужская слеза, третий тост. А где-то далеко они вновь обретут имена, станут сыновьями, мужьями, братьями. Будут рыдать женщины и закусывать губы мужчины, будут прощальный салют и поминки. Но это все там, еще впереди. А сейчас они просто — «груз 200».

Обратно Ил уйдет «черным тюльпаном». Грузовики увозят пополнение. Вот такая ротация личного состава.

Простите, если вдруг окажется, что я невзначай повторил чьи-то слова. Ведь не я один мог прийти к подобным выводам.

ПРИМЕТЫ

Между Бесланом и Грозным — асфальтовая дорога. Ее очень удобно использовать для навигации. Мы называем подобное линейным ориентиром. Да и тем, кто стоит на блокпостах, кто по делам службы движется по этой дороге, спокойней, когда мы над головой.

Как мрачно шутили в Афганистане те, кто ходил в составе колонн: плохая примета — отсутствие вертолетов, к обстрелу.

Я все пытаюсь понять, в чем корни того, что происходит здесь. Сталинская депортация? Может быть. Вот только мне не больно-то в это верится. Сытые не помнят долго обид, не бунтуют. А народ здесь зажиточный. Непонятно.

Спустя несколько дней мы дежурили на площадке подскока под Хасавюртом. Странное поле: на земле полно каких-то полустлелых корней, веток, что-то знакомое. Сверяюсь с картой — так и есть, когда-то здесь был виноградник. А может, в этих полустлелых корнях лежит корень всех бед этого края? Бездумно вырубая виноградники, нарушили микроэкономику. Сколько

людей лишилось любимого дела. А все эти дома, коттеджи — лишь остатки бывшего величия.

Вот у меня получилась еще одна примета: рубить виноградник — к войне.

ПЛЕННЫЕ

Не хотел говорить про это, но из песни слов не выкинешь. Раз это было, значит было.

Допрос пленного боевика. Часть лица закрыта плотной повязкой, но все равно видно, что славянин.

На вопрос, кто по национальности, отвечает — русский.

Почему пошел в боевики? — Нужны деньги.

Есть ли подобные ему в банде? — Есть. Есть украинцы, есть русские.

Знает ли, что его ждет? — Знает.

На все вопросы отвечает каким-то обреченно-равнодушным голосом. Как будто это касается не его, а чего-то такого, о чем он сожалеет, но, по большому счету, ему все равно... Не пытается выторговать себе жизнь. Если это и не вызывает уважения, то хотя бы нет чувства безгливости.

А вот другой допрос. На этот раз — местный. На вопросы отвечает с готовностью. В целом выходит, что он ни в чем не виноват, его заставили. Он-то и стрелять не умеет. Такой вот он «защитник родной земли», как называют их свободная пресса. Не знаю, но почему-то этот боевик вызвал у меня одно

назад именно эти «нахлебники» укрощали Чернобыль, первыми пришли на помощь пострадавшей от землетрясения Армении. Электорату это неинтересно. Читать о том, что кто-то лучше тебя, его не вдохновляет. А вот что-нибудь жареное — другое дело. И зарождающаяся демократическая пресса не отказывает ему в этом удовольствии. Вот идет полемика о предстоящем сокращении армии. Кто-то из пишущей братии вдруг спохватился: а куда девать оставшихся без работы офицеров? И тут же «великодушно» предлагает: а пускай дослуживают до пенсии на рядовых должностях! Эту идею подхватывают — и вот уже в прессе на все лады смакуется это предложение. Электорат это про-

равно бы мои слова повисли в воздухе. Разве это сенсация: агроном стал фермером, а вот уговорить боевого летчика — другое дело! И кому какое дело, что в силу незнания специфики вряд ли летчик добьется лучших результатов, чем агроном.

К декабрю девяносто пятого демократическая пресса достигла расцвета. Возникла масса желтых изданий, да и официальные немногим от них отличались. Куда девалось искусство журналистики, умение подать материал, правдивость, непредвзятость? Все заменили сенсации, снимки, произвольные комментарии к ним, домыслы.

Новогодний штурм Грозного. Бездарное руководство Министерства обороны. Войсковые группы, наспех сколоченные из обескровленных сокращениями частей, несут огромные потери. И вовсе не потому, что они плохо обучены, а потому, что танк — не воин в городе. А сейчас за рычагами боевых машин гибнут профессионалы. Экипажи многих танков состоят из офицеров и прапорщиков. Радуйся, демократическая пресса, сбылась твоя мечта — офицеры на должностях рядовых...

Конечно, это событие не прошло мимо наших СМИ. Еще бы, война в прямом эфире! Панорама горящей техники, в голосе комментатора плохо скрывается восторг. Крупным планом фото безногого солдата. Режет слух слово «федералы», его употребляют даже центральные СМИ. Желтая пресса откровенно сочувствует боевикам. Единственная польза от этой истерии — что все же можно увидеть, ЧТО там происходит. Очевидно одно: обещанного Грачевым блицкрига одним полком не будет. Значит, дойдет очередь и до нас.

Долго ждать не пришлось, уже в конце февраля команда: укомплектовать эскадрилью. Укомплектовать потому, что безденежье, неуверенность в завтрашнем дне обескровили полк. И это в московском округе! А что делается в отдаленных округах и

представить страшно. Вот так, без всякой войны.

Никто не испытывает восторга от предстоящей командировки, но куда деваться? Близкие с тревогой и надеждой смотрят телевизор — до нашей отправки еще полтора месяца, вдруг все закончится. Но новости не внушают оптимизма, СМИ продолжают охоту за сенсациями: опять на экране разрушенные дома, сгоревшие танки, искалеченные солдаты, а вот эксклюзивные кадры — падает сбитый вертолет.

Нет! Я не за то, что это нельзя показывать. Но я не могу понять эту позицию государственных СМИ, которые «объективно» освещают конфликт. С двух сторон. Челночат туда-сюда. Просто добывают информацию, или еще и делятся?

Вот мы и в Чечне. Войска, наученные уже горьким опытом журналистов-челноков и странными совпадениями, которые порождают эти челночные (между войсками и бандитами) рейды, попросту гонят этих деятелей подальше. Тем более, что к аэродромам и летчикам у них особый интерес, мало похожий на профессиональный.

Первый вылет. Вот она, первая полуправда. Сколько крику о трагедии чеченского народа, а как же вот это? Под нами Троицкое, Слепцовское, Серноводск и другие — разве это чеченские названия? Разве чеченцами основан Грозный? Я не сею межнациональную вражду, но, простите, какое население проживало здесь? Почему Чечня в независимых изданиях фигурирует как республика с мононациональным населением? Почему стыдливо, или еще как, замалчивается трагедия русских, украинцев, казаков, проживавших здесь? Ведь их трагедия началась гораздо раньше, чем первые бомбы

упали на Грозный.

Вам это неинтересно, господа журналисты. Хотя, простите, вас больше интересует цена репортажей. Кто же вам их заказывает?

Хотя, вот такой, момент. Звену ставится задача обстрелять НАР (неуправляемые авиационные ракеты — прим. ред.) какие-то развалины в Гудермесе. Непонятно, но приказ есть приказ. А вечером по центральному каналу узнаем, что в результате «ожесточенного боя с применением авиации» вновь уничтожено здание вокзала в городе Гудермесе. Которое только недавно заново построили. Ну, здесь, конечно понятно: кто-то в Москве списал деньги, а СМИ помогли. Думаю, не за бесплатно, в дураках остались только мы.

Первое освобождение Бамута. Помощь от нас наземным войскам скорее психологическая: противоборствующие стороны в тесном соприкосновении, пыль ухушает видимость, рельеф не позволяет долго находиться на боевом курсе. Крутимся, больше имитируем атаки, чем стреляем. Во время одного из разворотов на боевой курс, в стороне замечаю вспышку — ДШК? Нет, телекамера на треноге, а вспышка — отражение солнца.

«Извини, друг, но не могу отказать себе в удовольствии! — Поворачиваю в его сторону ствол пулемета. Шарахнулся в кусты, — не забывай, что здесь война!»

Напугал хорошо, хотя имел полное право и уничтожить. В данном районе находится было нельзя.

Тут вспомнился другой случай, когда судили солдата за убийство журналистки. Прокурор доказывает, что солдат не мог, залезая в башню, случайно нажать на гашетку. Дескать, обмундирование не могло сильно мешать ему. Пресса единодушно поддерживает обвинение. Уроды, вы забыли, как

солдаты были обмундированы в Чечне, во что были обуты? И почему-то никто не подумал: что это за умышленное убийство — не целясь, нажимать ногой на гашетку? А что такое стоять на блокпосту в постоянном ожидании? Но солдат все равно был осужден.

И как насмешка: во время захвата Багдада американский танк стреляет по гостинице, зная, что там журналисты. Американцы отделались извинениями.

Даже не знаю, как завершить, хотя, что хотел, сказал.

ПАСХА

Пасха — уже официальный праздник. Но на войне свой счет выходных, праздников и рабочих дней. У летчиков все просто: нет погоды — значит, выходной. Но когда на Пасху была плохая погода? Опять дежурим. Неожиданно нас вызывают на постановку задачи.

Ничего особенного, дежурный удар по дежурной цели. Сухопутчиков можно понять: активные боевые действия приказом «сверху» остановлены, боевики начали приходить в себя и нам нужно поработать по подзорным местам. Пехота тоже хочет провести ночь спокойно.

Вылет не срочный, готовимся основательно, без спешки. Запуск, взлет. Идем очень низко, так меньше шансов «поймать» зенитную ракету, да и просто быть обнаруженным. Не хочется, чтобы о нас знали. По этой же причине стороной обходим станицы, аулы. Держимся подальше от уже позеленевших лесополос.

Вот впереди мост через небольшую речушку. От него и будем заходить на цель. Ложимся на боевой курс. Я не верю своим глазам: цель неожиданно оживает. Судя по красным вспышкам, работают по нам обычной стрелковкой.

— Ага, так вы нас и достали! Перепились там все в честь праздника? Кто боевому вертолету в лоб стреляет? Но за целеуказание спасибо!

Раз пошла такая пьянка, будем работать управляемыми ракетами. Зверская это штука, мощная и точная. Правда, и стоит, как автомобиль «Жигули». Но для «хороших» людей не жалко.

В десятикратном увеличении прицела все как на ладони. Я с удовлетворением жму на гашетку. Чихнув, ракета выскочила из направляющей, крутанула полтора витка и заняла место на траектории. Через несколько секунд взорвалась точно в «десятке». Дальность позволяет, и я пускаю другую. Пока не убежали. Накануне здесь ночью забросали блиндаж гранатами, нужно как

следует отомстить.

Идущие следом вертолеты работают точно так же. Два захода, управляемые расстреляны, и цель не подает признаков жизни. Но мы вдобавок обкладываем ее из НУРСов: (неуправляемых реактивных снарядов — прим. ред.) они не так точны, зато много. Для надежности. Отработав, ложимся на обратный курс, на базу.

На аэродроме представитель сухопутчиков жмет нам руки: отлично поработали, ребята!

День удался.

ПОДСТАВА

Вот как бывает: что-то врезалось тебе в память, мучает, не дает покоя. Ты хочешь об этом рассказать, поделиться. Наконец, решаешься, печатаешь пару строк, и с ужасом обнаруживаешь, что кроме сухих стандартных фраз, ни на что не способен. Злишься на себя и свой скудный словарный запас. Удаляешь безжалостно все, над чем трудился несколько дней. Потом, вот, кажется, нашел нужные слова, страница, другая и... А через день перечитываешь все и опять в корзину. Особенно досталось этой теме. После нескольких безуспешных попыток я впал в депрессию и напился. Так что, простите, если что не так.

Весной девяносто пятого я уже поверил, что х...я, которую творили с войсками, закончилась. Ну не хотелось верить, что там, в Кремле, все продажные идиоты настолько, что не понимают очевидного. Не может государство без армии. Да мы же гарантия их капиталов, наконец!

Первые же полеты в Чечне вселяют некоторый оптимизм. Что мы вновь армия, а не стадо нищих вооруженных людей. Я видел, как воюет пехота, как она месит грязь и живет в сырых окопах. Но она гнала этих сволочей. Гнала сплошным фронтом. Я видел это все. Мы низко летаем. Мы ближе всех к пехоте. Иногда братья Ми-8 садятся прямо в боевые порядки, в эту грязь. Кого-то высадить, кого-то забрать. Тогда мы становимся вокруг них в круг, моля Бога, чтобы то, что предназначено им, досталось нам. Мы бронированные, у нас есть шанс. А стеклянную веранду Ми-8 пробивает даже пистолет.

Интересный момент: когда у нас набирали экипажи в Чечню, многие были готовы даже уволиться из армии. Командование даже применило хитрость, чтобы не «разбежались» летчики. А здесь... Нет, мы не герои, но среди нас нет никого, кто отказывается летать. Вот она, загадка русской души. Воевать, так воевать. Я долго думал, что движет нами. Ведь благодаря старанию демокра-

тов и их прессы у нас никаких идеалов не осталось. Честь, родина, патриотизм — уже ругательные слова. У многих из нас есть уже квартиры, выслуга для пенсии. Штык в землю — и пошло оно все...

Тем не менее, мы воюем, и воюем хорошо, как будто делаем какую-то важную работу. Потому что у нас все же есть мотивация.

Нами движет месть. У нас у каждого уже есть за кого мстить. Друг, сосед, одноклассник... И это у нас, летчиков. А что у пехоты...

Но все это подсознательно. Мы не думаем о мести, вернее, не говорим о ней открыто. Мы шутим, смеемся, позволяем себе выпить после вылетов. Нет, мы считаем

Первые же полеты в Чечне вселяют некоторый оптимизм. Что мы вновь армия, а не стадо нищих вооруженных людей. Я видел, как воюет пехота, как она месит грязь и живет в сырых окопах. Но она гнала этих сволочей.

«духов» уродами, но...

Хотя, не об этом сейчас речь. В один из дней пришел приказ о сокращении группировки. Мы не придали этому значения. Мы, по советской привычке, верим командованию. Мало ли что. Грозный взят, может, действительно нужно убрать излишние войска.

В течение последующих дней у нас задача — прикрытие колонн. Знакомая до боли по Афгану задача. Ползаем на минимальной скорости туда-сюда, чтобы кероса наподольше хватало. Отработала одна пара, ей на смену приходит другая. А войск идет много. Удивительно много. Неужели это все из Грозного? Худшего варианта я тогда не

мог даже представить.

А через пару дней опять задача на штурмовку... Опять под нами знакомая линия фронта...

Знакомая... А вот это сюрприз! Сокращены войска на передке. И как! От них осталась одна треть. Это было легко понять по пустым танковым окопам. Сплошная линия фронта превращена в пунктир. Цепочка одиночных очагов обороны. Злой умысел или результат головотяпства, парадных рапортов о победе над боевиками? Хочется верить в головотяпство, но уж больно оно продуманное.

Последствия не замедлили сказаться.

Боевики-то полезли. Осмелели. В одну из ночей расстреляли блиндаж из подствольника, в другую...

Армия еще воюет, но уже как-то по инерции. Ясно, что все смерти ребят — псу под хвост. Просто мы спешим побольше убить этих гадов, пока нам не прикрыли эту возможность. Настроение гадливое, ясно, что нас попросту кинули.

Вот так рассеиваются иллюзии. Да, мы и не армия, мы — федералы. Пешки в чужой игре, исход которой уже не зависит от нас.

В начале мая мы заменились. А потом был прорыв боевиков в Грозный, Буденновск, Кизляр... <ИВ>

фото: Владимир Лисовой

Виктор
ПЕТРОВ

http://artofwar.ru/p/petrow_w_e/

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ НА ВОЙНЕ

Мы расскажем вам только то, что увидели сами. И обещаем, что сделаем это честно. Основной целью девятидневного путешествия по Кавказской войне была не только объективная информация. Перед нами стояла более серьезная задача: вытащить из плена солдата 81-го полка. Но вначале мы не понимали, насколько она действительно сложна.

**ГРОЗНЫЙ.
20 ЯНВАРЯ 1995 ГОДА**

...Дальше Черноречья шофер ехать отказался. Он показал, где будет ждать нас и где будет стоять машина в случае бомбежки или обстрела. У поворота на дамбу бойко работает мини-рынок. Когда мы уже двинулись, машина нас догнала.

— Садитесь, — говорит шофер, — перевезу через дамбу. Но не дальше. Ждать буду все равно там, где договорились.

Машина летит через дамбу с такой скоростью, что мы жалеем о том, что не пошли пешком. За дамбой круто разворачиваемся.

— Быстрее выходите, — говорит шофер, — счастливого пути.

Отсюда до «Минутки», площади Грозного, около часа ходьбы быстрым шагом. Слева по ходу километрах в двух горит нефтеперерабатывающий завод. Впереди на взгорочке — обгорелые брошенные машины и до дикости нелепая стена «Люди, берегите мир».

Результаты бомбежки видны повсюду. Вдоль трамвайного пути обгоревшие все провода. Подчеркиваю: абсолютно все! Дома (в основном одноэтажные) разрушены. От некоторых остались только фундаменты. Во многих местах пробит надземный газопровод, и пламя щедро согревает зимнюю землю, заставляя пробиваться молоденькую травку.

Нас догоняют двое вооруженных чеченцев в маскхалатах.

— Здравствуйте, — говорит один из них. — Журналисты?

— Да.

— В первый раз на «Минутку»?

— Точно, на «Минутку» и в первый раз.

— Мы уж тут всех журналистов знаем в лицо. Давайте, проводим вас.

у входа в штаб Шамиля Басаева на "Минутке"

— Спасибо.

— Держитесь чуть правее нас, — говорит другой строгий бородач, — тут простреливается. Поперечные улицы будем проходить быстрым шагом или бегом.

— Ребята, а здесь есть снайперы? — задаю я вопрос.

— Нет. Этот район вроде очистили.

— А бомбит часто?

— Сами видите.

В дороге разговорились. Мы рассказали о том, что с нами приехала мать пленного солдата и нам необходимо его найти. Ополченцы обещают показать нам пленного.

Выходим на «Минутку». Это довольно большая площадь, получившая свое название от одноименного кафе в девятиэтажке. От площади ведут пять дорог, а сама она — самая крупная кольцевая транспортная развязка с подземными переходами к каждой из улиц.

— Вот тут давайте пробежим, — говорит чеченец.

Мы бегом спускаемся в подземный переход. Света нет, пахнет мочой и затхлостью. Двигаясь гуськом, добираемся до выхода у кафе «Минутка». От кафе — одно название.

Дом почти полностью сгорел. Во дворе за девятиэтажками не менее выгоревшая «хрущевка». Подходим к подъезду. Один из ополченцев достал гранату, завернул взрыватель и предложил нам спуститься в подвал.

— Идите, не бойтесь, — говорит он, — там двое пленных.

Мы несколько оторопели. Ни фига себе! Спускайтесь в подвал, а он швырнет туда гранату! Мы мнемся, топчемся на месте. Один из чеченцев, видимо, понял, в чем дело. Что-то сказал по-своему второму. Потом они рассмеялись.

— Извините, — сказал тот, что с гранатой, и вывинтил взрыватель.

— Ася, — крикнул второй.

Из подвала выскочила молодая женщина, и они заговорили по-чеченски. Потом Ася позвала нас за собой. При тусклом свете свечей нам показали пленных. Их было двое.

— Как вам тут, ребята? — спрашиваю их. — Не обижают?

— Нет, что вы, — отвечает один из них, — живем вместе с ополченцами. Как все. Вот, посмотрите.

На железном прямоугольном воздуховоде

Впрочем, остаться в Ингушетии без ночлега невозможно. Это очень гостеприимный народ. В конце концов, можно переночевать в госпитале или в поезде для беженцев. Там всех примут, но с ночлегом обошлось и так. Нас взял к себе в дом глава администрации одного из пригородных сел, а в госпитале и в поезде мы все же побывали.

В госпиталь взяли с собой шоколад, конфеты, мандарины... А ушли оттуда с еще большим количеством шоколада, конфет, мандаринов... Никуда не денешься — кавказское гостеприимство. Но все это мы раздали детям в поезде для беженцев на вокзале Назрани.

В поезде достаточно тепло для одетого зимнему. Очень много детей. Этим людям некуда ехать. Вещи остались в Грозном. У пятилетней девочки родители погибли при бомбежке Грозного. При звуке пролетающего самолета у нее начинается истерика.

Ингушские дома — добротные. Дело чести каждого мужчины — построить такой дом. Двухэтажный, из двух половин: мужской и женской. Под домом гараж и баня. В мужской половине на первом этаже кухня и столовая. На втором — жилые комнаты. Поражает обилие ковров и почти полное отсутствие мебели.

Хозяин дома — бывший парторботник, ныне глава администрации, в прошлом году посетил Мекку. У него 9 детей. Все уже взрослые.

— Трудно, конечно, было, — говорит он, — но ведь теперь я и знать не знаю, как мне заготовить на зиму корм для скота или поправить забор. Все делают мои сыновья. Причем, безо всякого напоминания.

НАЗРАНЬ — ГРОЗНЫЙ. 21 ЯНВАРЯ 1995 ГОДА

Утром глава администрации снова доставил нас к журналистским домикам. Здесь часам к 9 собираются таксисты, готовые за 300 баксов отвезти вас в Грозный и обратно. За рубли ехать мало кто соглашается. Ждем, когда уедут все иностранцы. Наконец, с одним шофером договариваемся ехать за «лимон».

По трассе машина идет со скоростью не больше 70 километров в час. Дверцы на замки не закрываются, чтобы в случае авианалета быстро выскочить за обочину дороги. Колонны боевой техники обгонять не рекомендуется. Можно только объехать, если колонна остановилась. К любым постам подъезд только «шагом». Зачем отправились в Грозный, теперь уже никому не говорим. Мы — просто журналисты. Женщина с нами едет искать сестру.

На подъезде к Грозному взорван мост. Врывали ночью. Машины, которые в темное

Националист из Львова Сашко. На плече — автомат капитана Мычко из 81 полка.

время шли по трассе, с ходу падали прямо в ручей. При нас бульдозером за трос вытаскивали уже шестую. Людей — в больницу.

Мост взорван оппозицией, и теперь единственная дорога в Грозный — в объезд, через Урус-Мартан, через оппозицию. Впрочем, нам все равно. Мы люди нейтральные.

В Грозном повторяется вчерашняя картина: шофер с машиной ждет нас в Черноречье, но только до захода солнца, а нам пешком полтора часа до «Минутки». Тогда мы еще не знали, каким трудным и долгим окажется этот день, а пока мы идем в сопровождении одного из ополченцев с двумя автоматами и в маскхалате.

— Вы откуда? — спрашиваем его.

— Из Ачхой-Мартана. Вот и мне пришлось взять оружие, — он вздыхает. — Попрошались с семьей — и на войну. «Свобода или смерть...»

ГРОЗНЫЙ. 21 ЯНВАРЯ 1995 ГОДА

Встреча Леши Безлипкина с мамой состоялась на ступеньках входа в подвал кафе «999» — штаба полевого командира Шамиля Басаева. Тут и радость, и слезы, и — не могу спокойно смотреть, отхожу в сторону. Володе Котмишеву говорю: «Снимай». Но тот тоже отходит в сторону, не может он хладнокровно снимать. Есть в этом что-то кощунственное.

Через площадь «Минутка» практически непрерывным потоком проходят отряды ополченцев. Одни на позиции к президентскому дворцу, другие на отдых. Многие

после боев разъезжаются по домам, в села. Сутки отдыха, и снова на фронт. На «Минутке», как правило, задерживаются, узнают обстановку.

Муслим — бывший «афганец», кавалер ордена Красной Звезды. Присоединился к ополченцам недавно. Его оружие пока — обычная охотничья двустволка. Практически все ополченцы оружие захватывают в бою.

— Почему же средства массовой информации утверждают, что у Дудаева очень много оружия? — спрашиваем Муслима.

— У Дудаева, может, и много, — отвечает он, — а у нас нет. Многих добровольцев отправляем домой. Найдешь оружие — милости просим на войну. А без оружия кому ты здесь нужен?

— Так значит, вы не подчиняетесь Дудаеву?

— Пожалуй, речь может идти лишь о координации совместных действий. Цель у нас одна: свобода на чеченской земле, а вот Дудаев будет сверху или кто другой — это вопрос спорный, и не сегодня его решать.

— Когда думаешь обзавестись настоящим оружием?

— Вчера уже представился случай. Смотрю — подполковник пробирается, а когда присмотрелся, не смог стрелять. Узнал товарища по Афганистану.

— Что же теперь, так и будешь в каждое лицо вглядываться?

— Не знаю, — задумчиво говорит он. — Сейчас нам в ополчении не хватает дисциплины. Проколы — на каждом шагу.

Позавчера днем проводили одного журналиста в штаб к Аслану Масхадову. Вечером «Си-Эн-Эн» показывает штаб по телевидению, а ночью по штабу работает российская артиллерия. Только на ошибках и учимся воевать.

— А почему Дудаев не дает вам оружия?

— Не знаю. Говорят, что у него всего-то два батальона, но вооружены очень хорошо.

Насчет дисциплины, конечно, у ополченцев дело обстоит не лучшим образом. Подходим к одному из них. Мальчику 12 лет. За поясом противотанковая граната образца 1943 года, в руках пистолет-автомат местного производства.

— Как «машинка», — спрашиваем его, — хорошо работает?

— А вот, посмотрите, — он поднимает оружие и палит по вывеске с номером дома.

Из разбитого окна высовывается бородастое лицо:

— Зачем по своим стреляешь?

Проходит другой паренек с автоматом, что-то говорит. Двенадцатилетний отходит, поджав губы. А этому воину с автоматом — пятнадцать лет. Оружие захватил в бою: взял в плен российского солдата.

Молодежи в отряде Шамиля много. Те, у кого нет оружия, подносят на позиции снаряды, еду, воду. Девушки выполняют функции санитарок...

На площади начинают собираться старики и старики. Это местные жители, которым ехать некуда и не к кому. Должны привезти хлеб. Вчера не было. Мы привезли с собой две сетки конфет, печенья, сигарет для пленных. Но передать все это нам не разрешили. Раздаем старухам. Они хватают подарки жадно, ругаются, отталкивают друг друга. Война.

А между тем, дело складывалось так, что Алексея Безлипкина с матерью не отпускали. В критических ситуациях люди ведут себя по-разному, и нельзя винить мать пленного солдата в том, как она решила действовать. Тамара Васильевна по-советски начала «качать права». А нужно было плакать. Это единственно возможное в такой ситуации.

— Как же так? — возмущенно говорила она. — Ведь Дудаев обещал выдавать пленных матерям! Виктор Евгеньевич, — обращалась она ко мне, — ведь вы договаривались!

Я чувствовал, как быстро бледнею, чувствовал на себе ненавидящие взгляды ополченцев. При всем великодушии чеченского народа, это звучало для них оскорблением. Угрюмые ополченцы отходили в стороны от нас, переговаривались между собой. Было заметно, что именно по этому поводу.

— Тамара Васильевна, — сказал я, — попробуйте попросить еще. Вы можете сделать гораздо больше меня. Вы — мать.

Мы с фотокором отошли в сторону. К нам уже больше никто не подходил. Покурили. Вдруг один из ополченцев сбросил с плеча автомат и перевернул затвор. К нему тут же бросились двое. Схватили за руки, стали что-то говорить. Третий подошел к нам.

— Уйдите, ради Аллаха, попадете под горячую руку. У этого мужчины от семьи осталась только старуха-мать. Это он взял в плен Безлипкина. Каково ему теперь выслушивать такое?

Мы отходим ближе к центру площади. На войну идет очередной отряд ополченцев, и среди чеченцев мы замечаем славянские лица.

— Ребята, вы наемники? — спрашиваем их.

— Мы бандиты с большой дороги, — смеется один.

Это Сашко. Он из Киева, некогда воевал в Афганистане. Теперь приехал воевать за свободу своих друзей по «афгану».

— Сашко, сколько тебе платят?

— Обижает, да?

— Вообще не платят?

— Ни тутрика. Живу вместе с друзьями. С ними и воюю. Вот этот автомат вашего капитана Мычко из 81-го полка. Я его брал под Новый год. Привет ему там, в Самаре. Зла не держу.

— Ну, товарищи твои воюют за свободу, а ты за что?

— Приехал бить москалей, — весело отвечает он.

— Москалей — это меня? — спрашиваю Сашко.

— Тебя? — он смеется. — С русским народом мне делить нечего, а против москалей и русским повоюет не грех.

У Сашко на голове зеленая исламская повязка.

— Сашко, ты в мусульмане что ли, обрезался?

"Минутка". Горит газ и машина CNN.

— Антихрист! Это чтоб свои пулю в лоб не влепили.

— А что у тебя там написано на повязке? Насколько я знаю, там выписываются строчки из мусульманских молитв.

— А это у меня по-ихнему написано «Украина», чтобы знали, что по-чеченски я не разумею. Нехай по-русски со мной гутарят.

Перед фотоаппаратом Сашко позирует, и вместо серьезного украинского хлопца перед нами предстает натуральный бандит с большой дороги. Потом он стал серьезным, поднял автомат и сказал:

— Сделай еще такую фотографию. Специально для капитана Мычко.

Сделали. Раздается команда «воздух». В небе появились штурмовики. Мы сбегает в подземный переход.

— Куда ты встал, дурень? — кричит мне местный мужчина, пришедший на площадь за хлебом.

— Беги сюда, — снова кричит он, — там тебя осколками достанет!

Бегу к нему. Самолеты с воем пикируют.

— Слушай, а если ракета на лестнице перехода рванет?

— Ну, тогда — все, — успокоил он меня.

ГРОЗНЫЙ — АЧХОЙ-МАРТАН. 21 ЯНВАРЯ 1995 ГОДА

Пара самолетов сделала над Грозным несколько кругов. Видимо, это была воздушная разведка. Когда самолеты снижались, под крыльями были видны ракеты, но ни одна из них не была выпущена по городу, хотя по самолетам велся огонь из зенитных установок.

Вопрос о выдаче матери пленного солдата так и не решался. Говорили, что его может решить Аслан Масхадов, но в штаб к нему нас везти отказались. Мы решили, что пока не начался авианалет, Володя пойдет в Черноречье к машине и будет ждать нас там.

Если до темноты мы не приходим, значит остались здесь ночевать. Он должен будет приехать за нами к концу следующего дня.

Примерно через час над городом снова появились самолеты. Периодически бегаем в подземный переход с местным жителем. Ему тридцать пять лет, а на вид все пятьдесят...

— Видно, хлеба сегодня так и не будет, — говорит он.

— Почему не уезжаешь из города? — спрашиваю его.

— Не могу. Больная мать, да и отец на ладан дышит.

— Где живете?

— Живем? Скорее обитаем. В подвале и даже не своего дома. Наш начисто разрушен.

Солнце уже низко. Набухли от воды зимние ботинки. Местный житель ушел. Хожу один у спуска в подземный переход. Появляется мать Алексея Безлипкина и начинает обвинять меня во всех тяжких. Я понимаю, что это нервное, успокаиваю, требую, наконец, успокоиться. И чувствую, как расширяется пропасть между нами и ополченцами. Они хмуро слушают, даже прекратили разговоры.

Увидев товарища-телеоператора, с облегчением отохожу в сторону. Он только что вернулся с передовой. Сам местный, чеченец. Экипирован соответственно: каска, бронежилет под просторной шинелью, даже валенки бронированные. Это его репортажи прямо из-под пуль вы видите в зарубежных новостях. Такой у него бизнес.

Вот подошел американец. Они отходят в сторону. Американец достает 400 долларов и забирает у оператора кассету. Взамен дает чистую и уезжает. Оператор минут десять покурил и снова ушел в самое пекло боя.

Ополченцам с позиций принесли трофейную винтовку. Один из них смотрит через оптический прицел на дома по ту сторону площади. Вижу, как другой показывает в мою сторону, мол, если целиться, то целясь во врага. Дуло винтовки поворачивается в мою сторону. Понимая умом, что стрелять они все

равно в меня не будут, инстинктивно делаю шаг в сторону, за группу ополченцев, стоящую рядом.

И все. Нервы сдали. Через подземный переход выхожу на улицу, что ведет в Черноречье. Пропади все пропадом! Надо ехать. Я так больше не могу. Так на ватных ногах и дошел до автовокзала. По пути за мной увязалась стая собак. Штук восемь. Одна бежала слева и скалилась, другие трусили сзади. Не испугались даже камня, брошенного в них.

У мертвого автовокзала человек пять торгуют чем попало. Собачий эскорт остановился неподалеку и ждет. Со стороны Черноречья внезапно появилась черная «Волга». Справа от водителя — Дудаев. Один из ополченцев выскочил из машины, и она поехала дальше. Ополченец меня узнал.

— Ты что это такой бледный, журналист?

— Это Дудаев был? — задаю я встречный вопрос.

— Много будешь знать... Ну что, отдали вам пленного?

Я ему все обстоятельно объяснил. Он достал фляжку: «На, глотни». Это оказался коньяк. Через минуту я понял, что означают фронтовые сто граммов. Ответственность за женщину, за ее сына взяла верх над паникой и страхом. Я возвращался в «999».

На подходе к площади двое ополченцев пристреливали пистолет-автомат. В одном из них я узнал того самого, что передергивал затвор на «Минутке». Сердце снова попыталось выпрыгнуть из груди. Свернул в проулок. Вдруг стало жарко и нечем дышать. Я взглянул наверх и быстро отбежал. Газ из пробитой осколками трубы сильной струей бил в землю, в то самое место, куда я сунулся, уходил вверх и там, на высоте около трех метров, горел.

Снова томительное ожидание на «Минутке». Солнце уже село. Сумерки. И вдруг меня приглашают спуститься к командиру. «Наверное, сейчас отдадут,» — шепчет мне на ходу Тамара Васильевна.

бабульки и собаки у штаба Басаева ожидают привоза хлеба

У меня снова проверяют документы. Особенно тщательно — аккредитацию, полученную еще при первой, сентябрьской поездке в Грозный. Леша Безлипкин сидит, уже переодетый в то, что привезла ему мать. Насколько я понял, человек, который отпустил его — из штаба. Это просто чудо, что он заглянул к Шамилю в «999». С Безлипкиным он встречался еще в президентском дворце.

— Леха, было хоть раз такое, что я ел мясо, а ты нет? — спрашивает он Безлипкина.

— Нет, — отвечает он.

Понимаю, что все это говорится для меня. Слушай, журналист, слушай и не гони потом туфту про голодных и кастрированных пленников. Напиши потом, как ополченцы приносили на христианское рождество шампанское и водку для пленных российских солдат. Это при том, что сами не пьют. Все напиши.

В Черноречье пришли уже под звездами. До поста в Ачхой-Мартане нас вызвался подвезти командир танкового взвода на своем потрепанном «мерседесе».

— Вот ведь, никогда не отказываем вам, русским. Всегда подбираем по дороге, а вы вон что делаете. Откуда сами будете? — спрашивает он.

— Это журналист, — отвечает Тамара Васильевна, — а я поехала искать в Грозный сестру, а нашла племянника. Вот теперь едем в Назрань.

— Нет. До Назрани я не поеду. Если хотите переночевать, поехали ко мне домой. Завтра спокойно уедете.

Но нам не терпится скорее добраться до Назрани. На дудаевском блок-посту машина останавливается. Нас приглашают войти в тепло, в маленькую будочку поста. «Будет машина — мы вас отправим».

Поскольку нас привез командир взвода, документов не проверяют, просто расспрашивают. Тамара Васильевна бойко выдает легенду о сестре и племяннике из Грозного. Разговор уверенно перекачивается на войну и связанные с нею беды. Только офицер в форме старшего лейтенанта милиции подозрительно поглядывает на Лешу Безлипкина и вдруг говорит:

— Слушайте, а ведь это солдат...

Все сразу же замолчали. Снова стало страшно.

Тамара Васильевна опять говорит про сестру и племянника, показывает Лешин паспорт: «Разве у солдата может быть паспорт?» Проверяют документы и у меня.

— Где жили в Грозном? — спрашивает у Тамары Васильевны старший лейтенант.

Та молчит, потом говорит, что у рынка.

— А улица какая? — снова спрашивает он, и по лицу видно, что ни одному нашему слову ни он, ни остальные ополченцы уже не верят.

боевики в подвале на "Минутке"

С Алексея снимают шапочку — стрижка короткая, солдатская. Просят расстегнуть ворот рубашки, смотрят на шею. Шея очень грязная, едва ли не черная. Такие же черные и руки.

— Вы должны понимать, что будет с вами, если выяснится, что все не так, как вы нам говорите.

И тогда мы «раскалываемся». Наперебой рассказываем в чем дело. Один из ополченцев тянет меня за рукав, сажает рядом с собой на пандирную сетку кровати и, как мне показалось, втихую от других бьет прикладом автомата в челюсть справа. Чувствую, как от зуба отколося кусочек. Он что-то шепчет мне со злостью в голосе.

— Вы хотите сказать, что вам отдали пленного и не дали никакой сопроводительной бумаги? — снова спрашивает старший лейтенант.

— Никакой, — отвечаю я. — Какие там в Грозном бумаги... Там и воды-то нет!

— Воевал? — спрашивают Алексея.

Тот рассказывает, как послали в Чечню, как сунули в руки винтовку и объявили снайпером. Как они беспомощно бегали по городу, когда сожгли их БМП.

Обстановку разрядил появившийся вдруг командир.

— Хотите нормально доехать до Назрани? — спрашивает он, разобравшись в деле. — Тогда — вперед.

Ночуем в Ачхой-Мартане, у дудаевцев. Нас пристроил к себе Иртыш Абдулаев, один из ополченцев. В доме тепло только на кухне. Есть практически нечего, кроме картошки, но Иртыш куда-то стонял и принес килограмм колбасы и «сникерс».

Киса, жена Иртыша, нажарила картошки с колбасой. Тем и были сыты. В семье две дочки: старшая — Элина и младшая —

Лолита. Лолите чуть больше двух лет. Почеченски говорит хорошо, а по-русски знает только «сникерс» и «свобода или смерть». Мать отрезает кусочек конфеты, показывает Лолите и говорит: «Сникерс». Та встает, поднимает зажатую в кулачок ручку и отвечает: «Свобода или смерть!»

— Нет, уехать отсюда я не смогу, — говорит Киса. Тут мой отец и дед. Пока не бомбили нас — и то слава Аллаху.

Разговор затягивается до поздней ночи. Киса рассказывает, как они с будущим мужем учились вместе в школе, как она узнала, где живет Иртыш только после свадьбы, как пять лет жила со свекровью. Всю ночь было слышно, как громыхал Грозный.

АЧХОЙ-МАРТАН — НАЗРАНЬ. 22 ЯНВАРЯ 1995 ГОДА

Утром нас отвезли до последнего чеченского поста.

— Эх, — вздохнул ополченец, — был бы не в форме, довез бы вас до Назрани.

Он остановил попутную машину и договорился с водителем, что тот доставит нас в Ингушетию.

— Я получил приказ, — сказал он, — сделать все возможное, чтобы вы доехали. Счастливого пути.

— Какие люди! Какие люди! — не уставала повторять Тамара Васильевна Безлипкина.

А в это время над нами пролетали вертолеты. Бомбили станицу Ассиновскую. Ее бомбили через час, когда мы приехали в Назрань, и через два, когда дядя Миша окончательно погнался из гостиницы, узнав, что пленного мы все же привезли. Канонада взрывов не прекращалась в течение четырех часов.

Совершенно неожиданно мы выяснили, что нас кто-то искал. Какой-то мужчина. Кто мог искать нас в Назрани, мы не имели понятия, поэтому посоветовались с бывальными людьми. Бывалые люди посоветовали быстрее уезжать, но не сразу в Моздок, а сделать какой-нибудь крюк. Командировки в Назрани не отмечать, в Моздоке молчать, что были в Грозном, да еще у полевого командира Шамиля Басаева.

Утром следующего дня мы были на посту миротворческих сил на границе Ингушетии и Северной Осетии. Ни ингуши, ни осетины пересекать границу не решаются. Российская колонна не обратила внимания на двух журналистов, грустно бредущих по дороге в сторону Владикавказа. Практически все грузовики колонны были пустыми.

Нас подобрали осетины на стареньком «Москвиче», в котором уже ехали трое. Из Владикавказа через Прохладный добрались до Моздока. При въезде в город с любой дороги, на вокзале в нескольких местах и на мно-

гих перекрестках города висят плакаты: «Внимание! О судьбе военнослужащих вы можете узнать по адресу: ул.Мира, дом 6».

МОЗДОК. 23 ЯНВАРЯ 1995 ГОДА

Улица Мира, 6. Это Дом культуры в парке. Возраст приходящих сюда людей — от 40 до 50 лет. Это родители военнослужащих. В здании и вокруг — слезы и причитания матерей. Узнать что-либо о солдатах так же сложно, как и в Самаре. Одна из матерей выходит из комнаты.

— Я не понимаю, что он мне сказал, — растерянно оборачиваясь по сторонам, говорит она, — я не понимаю...

Женщина бледнеет и оседает на пол. Ее поднимают, укладывают в угол на кушетку, суют под нос нашатырь. Сына этой женщины убили еще 31 декабря при новогоднем штурме Грозного. Сегодня его труп был найден и опознан. На улице цыганки греют ноги прямо на Вечном огне и делают свой бизнес гадаaniem. Их бизнес весьма востребован именно здесь.

Получить аккредитацию для работы в расположении наших войск очень сложно. В администрации Моздока нам обещают помочь:

— Ребята, приходите послезавтра, а там, глядишь, и в два дня управимся.

Послезавтра у нас кончается командировка. Пытаемся проехать на электричке до Червленной, но нас снимают с поезда еще до отправления. Набираем информацию на вокзале. На отдых в Нижний Новгород уезжают военнослужащие внутренних войск.

— Сюда везли организованно, эшелонам, — говорит подполковник ВВ, — а отсюда — добирайся, как хочешь.

— Сколько, думаете, продлится война?

— Лет пять, не меньше. Я так думаю, что месяца через два опять сюда приеду, — говорит подполковник.

К разговору подключается майор.

— Смотрите, — говорит он, — сколько всяких миссионеров разгуливает по Моздоку. Они-то на этой войне успешно набирают очки.

— Да, — подтверждает подполковник, — я был воспитан еще коммунистической системой, некрещеный, естественно. А тут жена как «наехала!» Окрестился и крест надел, а вот в руках какую-то ленту с молитвой сунули.

Миссионеры-баптисты ходили по вокзалу и предлагали Евангелие. Бесплатно. Мы осторожно поинтересовались, что делается для обмена пленными.

— Сегодня повезли для обмена пятнадцать человек, — говорит майор, — но ведь не довезут!

— Как это, не довезут?

— Да постреляют по дороге...
— Но ведь за каждым пленным чеченцем — жизнь нашего пленного солдата, — говорю ему.

Майор неопределенно пожимает плечами.

Подполковник и прапорщик рассказывают, как захватили литовку-снайпера. Как она просила не убивать ее. У нее якобы двое детей.

— Привязали гранату к башке, — говорит прапорщик, — выдернули чеку и отпустили. Только трусы в разные стороны полетели.

По вокзалу постоянно ходит патруль и медсестра. Стоит только достать фотоаппарат, патруль тут как тут. Не надо снимать стратегический объект. Тем более стратегических людей. А стратегический подполковник

своих детей, которые сейчас в Грозном. И эти матери ничем не отличались от матерей пленных и от матерей убитых солдат. Разве что в глазах больше надежды.

САМАРА. 15 ФЕВРАЛЯ 1995 ГОДА.

ШЕСТАЯ ГОДОВЩИНА ВЫВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК ИЗ АФГАНИСТАНА

Вы, наверное, уже заметили, что в моем рассказе очень мало конкретных имен и фамилий. К сожалению, это является одним из условий получения достоверной информации в районе боевых действий. Некоторые подробности удалось узнать только в Самаре. Например, подробности пребывания 81-го мотострелкового полка быстрого реагирова-

ли себе и бриться, и мыться. У солдат еще много претензий к офицерам.

Из подробностей штурма Президентского дворца 31 декабря 1994 года. Как выяснил депутат Госдумы Марк Фейгин, некоторые офицеры 81-го полка были пьяны и не приняли участия в штурме. По словам Алексея Безлипкина, управления штурмом президентского дворца не осуществлялось, хотя перед атакой был разработан подробный план. В процессе ведения боя должны были поступить команды «Горох», «Шнурок», «Земля» и «Земля-2». Каждая из команд предусматривала определенное действие экипажа. Ни одна из команд так и не поступила.

Рядовой 81-го полка, а ныне пленный Сергей Алтухов, рассказал, что пушку на его БМП починили за два часа до штурма, а башня так и не поворачивалась.

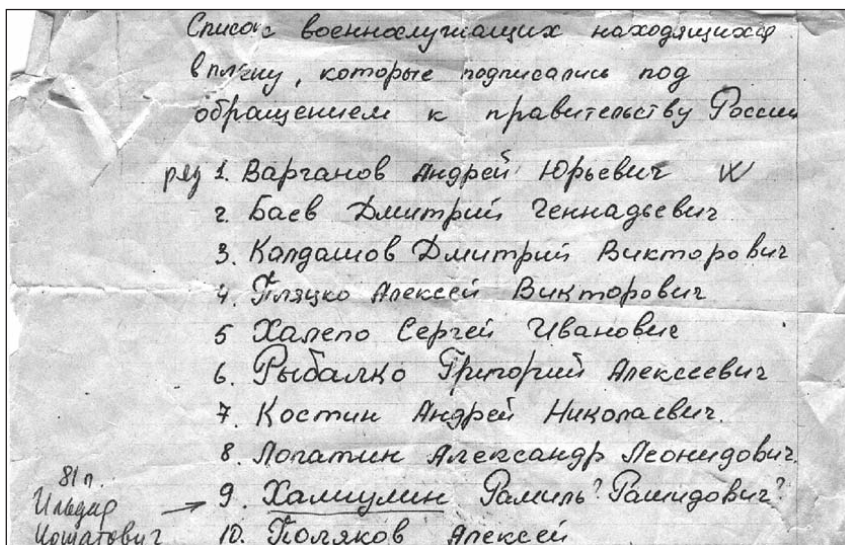
— В таком же плачевном состоянии находилась половина бронемашин, брошенных на штурм, — рассказывал Алтухов, — мы ехали скорее для устрашения, нежели как боевые единицы.

Не потому ли на президентский дворец сбрасывались так называемые вакуумные бомбы, чтобы избавиться от пленных — свидетелей авантюры со штурмом дворца 31 декабря?

Не все могли рассказать и пленные. Там, в подвалах Грозного, они не могли рассказать о том, как их били чеченцы. А такие случаи были. Конечно, после горячки боя пленных российских солдат могли и избить. Но это случалось и позже. В подвале президентского дворца в двери комнаты пленных было закрывающееся окошко. Частенько туда заглядывал кто-то из чеченцев и подзывал одного из пленных. После того, как пленный просовывал голову в окошко, следовал удар в скулу.

В то время, когда пленные находились на

СПИСОК ПЛЕННЫХ

«Минутке», в штабе Шамиля Басаева, одного из них сильно избили. Ополченцам не понравился взгляд этого солдата.

Пленные работали от зари до зари. Таскали мешки с цементом для строительства укреплений. Пленные офицеры использовались на особо опасных работах: подбор раненых и трупов. Некоторых пленных забирали на работу в свои дома командиры ополченцев. Как они говорят, на добровольных началах. Нам удалось выяснить, что это один из реальных путей освобождения из плена. После нескольких дней работы в домах ополченцев пленных жалели и писали письма родителям, чтобы те приезжали и забирали своих детей домой. С одним из отцов, который получил такое письмо, мы летели из Самары в Минводы. По понятным причинам я не называю его фамилии.

По крайней мере, двое из числа пленных приняли мусульманскую веру и теперь воюют на стороне чеченцев. Говорят, что гораздо большее количество перешедших на сторону Дудаева было из числа участников неудавшегося штурма Грозного 26 ноября 1994 года. Это было результатом позорного отказа от своих солдат министра обороны Павла Грачева.

В ходе нашей поездки выяснилось двусмысленное отношение ополченцев к Дудаеву. Совершенно непонятна нынешняя политика оппозиции. Во всяком случае, неизвестно, кого же она представляет. Так, на территории оппозиции в Урус-Мартане в госпитале содержатся наши пленные солдаты. Нонсенс! Наши пленные на нашей же территории. Значит, роль оппозиции в ходе войны изменится и скорее всего следует ожидать перехода ее на сторону ополченцев.

Еще более непонятна роль ФСК. О том, что Дудаев готовится к широкомасштабной войне, было известно еще в сентябре. Телевидение Грозного целыми сутками транслировало религиозные программы, нагнетающие военный психоз. Вооружено было практически все население Чечни. Не зря теперь оценивают армию Дудаева в 100 тысяч ко времени начала войны.

Российских воинов никто к этой войне не готовил ни психологически, ни в военном плане.

Будем надеяться, что власти России проведут детальное расследование по фактам массовых захоронений трупов российских солдат. По словам ополченцев, информация о местах массовых захоронений была передана депутатам Госдумы. Одно из таких мест в районе станции Первомайской. Очевидцы рассказали нам, что вырывались огромные ямы, в которые сбрасывались трупы. Потом земля на этом месте разравнивалась танками. А ведь

один из боевиков Шамиля Басаева

до обнаружения трупа и его опознания солдат считается пропавшим без вести. Для командования это предпочтительнее.

А для политиков предпочтительнее говорить о пресловутых чеченских авизо и чеченской мафии. Если чеченская мафия ныне затаилась и не показывает носа, то относительно шестисот миллионов, полученных по тем самым авизо, уже писали центральные газеты. Большая часть этих денег, по данным газеты «Завтра», осталась в различных российских «карманах», около 100 миллиардов «крутятся» в одном из российских банков и только 40 миллиардов были получены в Чечне. Но не Дудаевым, а Умаром Автурхановым на закупку российского вооружения. А то, что оружие из России поступало к оппозиции, мы видели своими глазами еще в сентября 1994 года.

По нашему мнению, самой серьезной причиной войны следует считать нефть. Касательно чеченской нефти в одинаковом неведении пребывают и чеченцы, и русские. Несомненно, что высококачественные нефтепродукты и сырая нефть последние три года уходили за рубеж без контроля со стороны России. Деньги, естественно, оседали у Дудаева, и из этих денег ни копейки не было истрачено на социальные нужды жителей республики. До сих пор этот вопрос окутан тайной. Самарские жители из числа грозненских беженцев хотели осветить нам детали. Некоторые из них долгое время работали в объединении «Грознефть». Однако три назначенные встречи сорвались. В последний момент люди отказываются говорить. Они боятся не только рассказать о том, что знают по этому поводу. Люди отказываются даже назвать силы, которых они боятся.

Если не считать выбитого зуба и глубоко-

го морального потрясения, наша поездка закончилась нормально. Алексей Безлипкин сейчас в окружном военном госпитале. После курса лечения ему придется дослужить до осени. Мы считаем, что это неправильно. По прибытии в Самару ни я, ни фотокор Владимир Котмишев не могли заснуть в течение трех суток. С полудремой приходил сонный кошмар, от которого тут же просыпался. Да и позже я просыпался от шума машин за окном. На долю мальчиков-солдат выпало стократ больше. Вспомните: после Великой Отечественной войны в местах лишения свободы побывал каждый второй, вернувшийся с фронта. Вспомните летние празднования «Дня десантника». Теперь общество пополнился еще и «чеченцами».

Мы не имеем ни малейших претензий к этим ребятам, многие из которых — настоящие герои. Но кто ответит за их изуродованную психику и здоровье? Кто ответит матерям пленных солдат на вопрос «почему так плохо идет процесс обмена военнопленными»? Почему в обмен на семерых наших пленных солдат российское командование предлагает два изуродованных трупа? А этот факт имел место в Грозном, в районе Черноречья в начале февраля. Почему в самолете командующего ПриВО не находится места для матерей раненых и пленных солдат и они вынуждены добираться к сыновьям за свой счет?

В одном из подвалов Грозного солдатские матери много чего высказали в адрес российского командования.

— Мы благодарны чеченскому народу за то, что они сохранили нам сыновей, — сказала одна из них. — А русскими мы сыты по горло! Так и напишите! И попробуйте об этом не написать! Я уже больше ничего не боюсь...

Мы вынуждены сегодня писать эту горькую правду. <ИВ>

Вячеслав
МИРОНОВ

ПРОСТИ, ВИКТОР

В феврале 1997 года меня вызвало командование и сообщило, что я еду в командировку в Москву. Дела служебные у меня должны были занять день, а командировка была выписана на три дня. Мужиков, с которыми я служил, встречался по службе, в Москве служило немало.

Я подготовился к командировке основательно. Подарки подготовил для командиров московских: рыбка малосоленая, орешки кедровые, ягода... Для друзей своих московских тоже немного. Всем сестрам по серьгам. Позвонил, чтобы ждали. Первым в списке моих посещений, после официальных мероприятий, был Виктор Волков.

В Грозном в январе 1995 года он был в соседней части. И когда мы пробивались на выручку остатков нашего танкового батальона, который засел в руинах республиканской больницы, наши «соседи» прикрывали нас с севера от духов.

Витя Волков был ответственным за организацию взаимодействия от своей части, а я — от своей.

Вот тогда и познакомились...

Когда мы выбили «чехов» от больницы, Волков зорал по станции, призывая нас на помощь своему полку. Духи обошли их с запада и взяли в клещи: молотили и с севера, и с запада. Мы силами полутора батальонов помогли им вырваться. Так что, обаяны жизнями друг другу, и то, что мы слаженно срабатывали, спасло немало солдатских и офицерских

жизней в обеих частях.

Когда наступило затишье, мы познакомились поближе и выпили немало трофейного коньяка, который я добыл на коньячном заводе Грозного. Обменялись адресами. Изредка переписывались, поздравляли друг друга с праздниками, звали в гости. Виктор в 1996 году поступил в Академию. Перевез семью в Москву, жил в офицерском общежитии.

Все это я вспоминал, пока отлеживал бока на верхней полке купейного вагона фирменного поезда «Енисей» сообщением Красноярск-Москва. Лежишь на полке и вспоминаешь то, что было. Хорошо вспомнить о войне, когда тебя мерно укачивает вагон, и ты даже не веришь, что все это было с тобой. И ты, и твои товарищи смогли выстоять.

В жизни вроде обычные люди, таких миллионы на Земле, а поди-ка, выжили, и выполнили поставленную задачу. Правда, потом, как оказалось, эта выполненная задача и погибшие пацаны восемнадцати-двадцати лет на хрен никому не нужны — в августе 1996 года подписана капитуляция. Но кто же знал, что так все получится, тогда, в холодном и кровавом январе 1995 года?..

Выезжал из Красноярска в тридцатиградусный мороз, а приехал в Москву — пять градусов со знаком минус. В Первопрестольной военные зимой ходят в фуражках, мода у них такая. Чтобы не выглядеть белой вороной, шапку убираю в сумку, на голову фуражку;

жаль, что не ходят в Москве в бушлатах, а лишь в шинелях да куртках, которые в Сибири только командиры частей носят — до остальных не доходят. Ну все, столица, держись! Три дня пьянства, которые тебя потрясут! Я приехал! Вперед! Служебные дела я решил быстро. Подношения сделали свое дело: все подписи и печати на нужных бумагах проставлены. Отметка в командировочном удостоверении с открытой датой. Билеты куплены на послезавтра, я свободен, как ветер в поле!

В гостинице помылся, побрился — и в магазин. Пару шоколадок двум сорванцам Виктора, торг, водка своя, красноярская, такой здесь нет. Так, что еще? Ага! Полбатона колбасы, пару банок рыбных консервов, чтобы не быть у студентов нахлебником. Обычное офицерское общежитие. Сам жил во многих подобных. Виктору повезло: он занимал целый блок. Две комнаты с маленьким коридорчиком, в котором налево — кладовочка-раздевалка, направо — туалет, совмещенный с душем и ножной ванной. Там же в коридоре и кухня. Плитка электрическая, стол, полка с посудой. Левая комната — спальня и столовая, правая комната — детская. Так как у Виктора двое ребятшек, то и дали ему отдельный блок. У кого один, ютятся в одной комнате. А холостяки или кто приехал без семьи живут по четыре-шесть человек в таком блоке. Слово «блок» преследует военных всю службу. Блок-пост, блок. И прочее...

Дверь открыли пацаны. Старшему семь, младшему четыре. Следом — Виктор. Пацаны окружили меня, младший дергал за штанину, задрал голову вверх, спрашивал:

— А вы кто? А вы кто?

— Дядя Слава, — представился.

Раздал мальчишкам шоколадки, жене — торг. Огляделся.

Казенная мебель пестрела инвентарными номерами. Как всегда, они были написаны белой краской жирно и на самом видном месте — так проще проводить инвентаризацию. Человеку непривыкшему это поначалу режет глаза, а потом ничего, привыкаешь и не замечаешь, что они вообще есть.

Я начал доставать принесенные припасы, но Виктор остановил меня. Мы вышли и

перешли в соседний блок.

— Сосед, на курс старше, сейчас на каникулах, вот они с семьей и уехали, а мне ключи оставили, чтобы приглядывал, — пояснил он.

Я достал привезенные три бутылки водки. Одной много, две мало, а три в самый раз, чтобы не бегать потом по ночной Москве и не покупать самопальный товар.

Разместились. Налили по первой, начали разговор. Как ты? А как ты? А этого видел, а того помнишь? Уволился? А вот этот спился, уволили с позором. Жаль, хороший мужик. Жизнь такая, после Чечни так и не пришел в себя. М-да, дела...

Потом и вторая, третья — молча, не чокаясь, за павших. Четвертая — чтобы третий тост за нас не пили. Вторая бутылочка. Слава, помнишь, как нас тогда обложили, а вы... Помню, Витя, помню, как будто все это было вчера, все помню... И тут мне вспомнился один маленький эпизод той войны. Малюсенький, но вспомнился... Когда стояли уже в станице Петропавловской, а это было в марте 1995, к нам в часть пришла молодая женщина. Русская, лет двадцати пяти. В мирной жизни она была красива, впрочем, на войне все женщины красивые, кроме чеченских... Так вот, эта женщина искала своего брата, который пропал без вести в боях в Грозном. Звали его Алексеев Сергей, звание — рядовой, был призван в ноябре 1994. Пацан сопливый, только присягу принял — и в мясорубку. У нас в бригаде тоже такие были... Были...

Этот рядовой Алексеев был вообще не из нашей части, а из полка, в котором служил Волков. Она была в этом полку, ничего не узнала, ей посоветовали обратиться к нам. Может, во время прорыва кто-нибудь из наших с ним встречался или знает обстоятельства его гибели? И вот, эта молодая женщина на свои деньги приехала из Воронежа и, рискуя жизнью, бродила по Грозному, по Чечне, разыскивая тело своего брата. Лицо ее осунулось, под глазами черные круги, взгляд был, как бы сказать, не потухший, а угасший. Больше всего меня поразили ее глаза. Большие голубые глаза, а запали внутрь. Это были красивые глаза, но они, казалось, ничего не видели уже. Страшные красивые глаза... Они врезались в память на всю жизнь. Она опрашивала всех, кто принимал участие в том бою. Каждого солдата, прапорщика, офицера. Но никто не мог ей помочь. Мы хотели помочь, но не могли. Нельзя было ее отпускать обратно вот так, самостоятельно. Начальник штаба Сан Саныч поехал на Ханкалу, на совещание, сделал крюк и оставил девушку в аэропорту Северный. После этого никто ее не видел и про Алексеева я больше не вспоминал. А вот сейчас, под воздействием водки и воспоминаний, я спросил у Виктора:

— Витя, а помнишь, боец у вас был

Алексеев Сергей?

— Алексеев? — я удивился перемене настроения Виктора: он отшатнулся от меня, как от сатаны.

— Ты чего?

— Так, ничего. Наливай! А что ты про него вспомнил? — перекрестился.

Я рассказал про сестру и ее глаза.

— Так помнишь? И чего так тебя перекосило?

— Было дело... Помнишь Ахтурова?

— Нет.

— Здоровый такой, я с ним в одной машине жил?

— По-моему, Семен?

— Он.

— Ну, помню. Мужик как мужик. И что?

— Когда вышли из Грозного, вашу бригаду отправили на запад, а нас на юг. Дело было в апреле. Я был дежурным по части, проверил посты, зашел в кунг выпить чаю. Ночь, часа три, туман, продрог насквозь. Захожу, а Семен не спит. Сидит один и спирт пьет. Один в три часа ночи. На войне рано спать ложатся. А он не спит. Мы с ним начали жить вместе в одном кунге, когда мою машину спалили в Грозном. Водила и напарник у меня был ранен, вот сам и водил свой «ГАЗон». А Семена напарник погиб. Я и переехал к нему. Он странный был, заносчивый очень. Но ничего не поделаешь, по службе я с ним особо не пересекался, так, спали под одной автомобильной крышей да водку по вечерам пили... А тут он смотрит на меня и что-то пьяное несет. Мол, он самый крутой, боевик, одним словом... Сам-то в разведку как-то не рвался и принимал участие в боях, когда мы были в «котле». Как тогда, у больницы... И вот он начинает хвастаться, что он такой, он весь расписной, а награды его обходят. Ты за награды воевал, Слава?

— Нет, конечно. Не думал, что она мне вообще достанется, у нас в бригаде есть и были более достойные. Что дальше-то?

— Ну вот. Слово за слово... Давай выпьем, — было видно, что Виктору тяжело говорить. — Я возьму и ляпни, что он только в воздух стрелял, чтобы свой страх отогнать. А он и вспомнил про этого Алексеева... Когда духи наш батальон стали окружать, то все пошли на прорыв. И больные, и раненные, и командиры, и тыл, одним словом — все. А боец этот молодой, Алексеев, по словам Семена, зажался в окопчик и не высовывается, прижался к земле и дрожит. Ступор у пацана.

— Бывает такое. По себе помню: много раз жалел, что не надел резиновые трусы — с таким бы удовольствием обделался от страха. И страшно было так, что челюсти «SOS» сами выбивали. Ну и что? Не боится только дурак. А пацан молодой. Это в первом бою кажется все нереально, просто как сон, кино, сказка. А

фото: Владимира Котышева

потом, когда на своих убитых товарищей поглядишь, на кишки да ноги оторванные, как-то жить сразу охота. И не хочется из окопчика вылезать. Но вылезай. Тем паче, что пацаненок-то совсем зеленый был. Ничего удивительного.

— Он его убил.

— Не понял.

— Семен этого Алексеева пытался ногами достать из окопа, а тот встал и рванул в сторону каких-то руин. Тот ему полмагазина в спину и всадил. Потом тело спрятал в руинах...

— Б...! Козел! — я грохнул кулаком по столу. — Пацана сопливого... Б...!

Я был в ярости. Был бы этот герой-боевик, который застрелил молодого своего солдата здесь сейчас — задушил бы собственными руками.

— Ну, а ты? Ты что сделал с этим гадом? — спросил я у Виктора.

— Я?

— Да, ты!

— У меня автомат висел на плече. Предохранитель вниз, и очередь...

— По нему?

— По нему, — кивнул Виктор, понурился голову.

— Понятно.

— Вытащил я тело из кунга — туман, стрельба постоянно велась, чтобы духи не подоברались. Осветительные ракеты света не давали. Никто не видел. Положил возле туалета. Вроде как пошел по нужде, нарвался на вражескую пулю. Отправили домой. Орден Мужества посмертно. Потом мы пили водку молча, уткнувшись друг в друга лбами. Слезы капали в водку, жидкость из носа смешивалась со слезами и тоже капала в стаканы. Мы шмыгали носами, вытирали слезы, но не помогало.

Я никому не рассказывал эту историю. С Виктором мы переписывались, перезванивались, еще раз встретились, но историю эту ни словом, ни взглядом не вспоминали.

В 2002 году подполковник Волков умер от инсульта.

Прости, Виктор, что я рассказал эту историю. Не могу я ее носить больше в себе. Прости, Виктор, прости... <ИВ>

фото: Владимира Котышева

Илья
ПЛЕХАНОВ

http://artofwar.ru/p/plehanov_i_s/

ПЬЮШКИН, ФУГАСИК И "ЫЦ"

Как-то осенью 200.. года я вернулся в Москву после неудачной авантюрной поездки в Африку. В те времена я вязывался в безумные мутные дела и искал душевного успокоения в разных частях света. В Африке все не складилось в самом начале пути, и проводника-марокканца на наших глазах пересел грузовик. Лишившись единственного контакта с работодателем, группа таких же заблудших душ, как и я, промыкалась еще пару дней и злая, без денег и планов на дальнейшую жизнь, разъехалась не солоно хлебавши.

Москва встретила меня дождями, утренними туманами, тишиной и волей к движению. Прямо в тот момент, когда я входил во двор, на моих глазах, из окна 7 или 8 этажа с веселым криком выпрыгнул человек. Он упал на козырек подъезда. Затих там на мгновение и вдруг приподнялся и прыгнул еще раз уже на асфальт, на сей раз с высоты второго этажа. Упал он как-то полуплашмя, боком, что-то в нем хрустнуло. Я зачарованно смотрел, как он, словно восставший из ада в фильмах американских ужасов, поднялся на ноги снова и побежал! Пробежав ещё метров тридцать, он упал, дернулся и затих, выкинув вперед руки. К нему уже устремились люди. Я стоял как вкопанный и не верил всему происходящему. Возвращение явно удалось. Отличное начало новой жизни! Потом мне рассказали, что погибший был под дозой наркотиков и умер бы даже и не падая с этажей от одной только передозировки, а мчался он, по словам его приятелей, за ещё одной дозой... Но мне хочется верить, что у него была другая, более возвышенная цель, и именно она дала ему такую силу...

Делать мне по приезду в город особо было нечего, я был совершенно один, денег хватало дотануть до зимы, и я читал книги и листал бездумно иностранные словари и узкоспециализированные энциклопедии или слонялся по берегам речки и прудов в своем спальном районе. В одну из таких прогулок я наткнулся на своего давнишнего приятеля, Никитку. Никита был веселым малым, неунывающим циником и доморожденным философом. Работал он на местной почте по утрам, что-то

там сортировал и грузил, получал копейки, но был доволен свободной жизнью и дорожил незанятым ничем временем. На выходные он обычно уезжал к себе в деревню в Подмоскowie, где пил литрами самогон и при этом умудрялся добровольно бесплатно участвовать чернорабочим в восстановлении деревенской церкви. Родственные души не могли не встретиться друг друга на малочисленных тропинках нашей местности. Встретившись, мы радостно напились в гараже у знакомого механика и потом полночи пьяные вдрызг гоняли на мопедах по спальному району, пугая прохожих и получая в спину проклятия еле уворачивающихся от нас людей и брошенные бутылки. Мы горланили на ходу песни и только чудом не убились сами и не наехали ни на кого. Горьковатый ветер свободы бил в лицо. Нам было хорошо, перед нами лежали сотни дорог, и они все были нам безразличны.

После этого мы стали встречаться с Никиткой почти каждый день. Он стал моим Хароном в небольшом удивительном и страшном мире наших многоэтажных блоков, населенных святыми и чудовищами, убийцами и академиками, красавицами и уродами. Каждый день я знакомился с новыми людьми. Мопеды мы частенько брали покататься у молодого местного наркокурьера Стаса. Профессия Стаса была востребована и популярна в спальных районах Москвы, которые тихо и сонно, незаметно для СМИ-общест-

венности, все больше погружаются в густой наркотический дурман, пока остальная страна строит светлый капитализм, обсуждает какие-то свои и мировые проблемы и зависит от цен на нефть. Стаса и его клиентов цены на нефть если и интересовали, то лишь косвенно. Стас, отсидевший в психбольнице полгода, копил деньги на бегство в Европу и на покупку там яхты. Был он, в принципе, неплохим парнем, сам никогда не торговал, а свою совесть успокаивал тем, что только перевозит дешевый товар и деньги, а также периодическим транжирством своих сбережений в ночном клубе у станции метро, где поил за свой счет всех некрасивых девушек, красивым в своем внимании он в такие моменты отказывал из принципа.

Тот же Никитка познакомил меня и с Климом, что стало главным событием осени и зимы того года. Клим был охранником гаражей. Жил он и работал на втором этаже вышки на въезде на стоянку. Когда я первый раз увидел данное сооружение, то был ошеломлен. Первое, что бросалось в глаза, — это развевавшийся над вышкой советский красный флаг, что в 200.. году казалось немыслимым. Поражала и странная крупная табличка на стене здания: «Трындец-Юрт». Хмурым небритый мужик спустился к нам вниз по винтовой лестнице на крик Никитки и недовольно сунул мне свою гигантскую лапу: «Клим». Никитка звякнул стеклянной тарой в пакете, и чуток подобревший лицом Клим

кивнул нам наверх. Внутри вышки я испытал второй шок. Все стены были обклеены газетными вырезками статей и фотографиями с изображениями убитых и живых чеченских боевиков. Помимо знакомых рож Дудаева, Масхадова, Басаева, Радиева и Хоттаба, там были десятки неизвестных мне физиономий. На одной из стен была прикреплена мишень для дротиков, а над ней висели прибитые гвоздями зеленые ленты шахидов. Другую стену занимала большая нарисованная от руки карта Чечни с помеченными на ней населенными пунктами и расположением частей, со стрелочками и крестиками. Клим лишь хмыкнул, заметив мое удивление, и достал из сейфа граненые стаканы.

С Климом мы подружились сразу же. Он обладал бесценным даром — умением молчать. По его молчанию я догадался, что он скорее всего воевал в Первую Чеченскую и внимательно отслеживал, что происходило во Второй. Я, видимо, был ему симпатичен и своей способностью не произносить ни слова часами, и рассказами о своих похождениях, и тем, что как-то само собой сложилось, что я время от времени притаскивал ему распечатки интернет-новостей и статей. Обычную бумажную прессу Климу завозил раз в неделю на своем мопеде Стас, весело закидывая обвязанные бечевкой бумажные трубки в окно вышки.

Клим обладал авторитетом на районе. Я ни разу не видел и не слышал, чтобы кто-то ему перечил. Только ему мог сойти с рук советский флаг над вышкой. Видимо, владелец стоянки был ему чем-то сильно обязан. Объяснение у Клима было простое: «Под этими флагами мы были в Грозном и под ними гоняли на БТР по руинам города». Как оказалось, несколько дней вышка носила название «Нохчи-Мартан». По мнению Клима, в переводе это должно было означать «Мёртвый чеченец», как чеченский город Урус-мартан значит «Мёртвый русский». Такого владелец гаражей уже стерпеть не мог и после некоторых пререканий уговорил Клима сменить вывеску на другую, менее разжигающую рознь. Клим остановился на

названии «Трындец-Юрт». Мои попытки объяснить Климу, что у «Урус-мартан» совершенно другая этимология, связанная с речкой и казачьим атаманом, и что «мертвые русские» здесь ни при чём, были резко оборваны вопросом: «Ты там был? Нет. Мне виднее, что значит это название». Так я и стал захаживать на блокпост «Трындец-Юрт».

В обязанности Клима, помимо охраны, входила запись номеров всех въезжающих и выезжающих автомобилей, для чего у него на стойке хранился огромный гроссбух. На эти обязанности Клим обычно не обращал внимания, а от балды раз в день вносил номера машин. Из-за этого у него были вечные проблемы с владельцем, но Клим на это тоже не обращал внимания. Помимо карты Чечни и вырезок, на вышке имелась веранда с прекрасным видом на речку, пара уютных диванчиков, сейф, холодильник и старинный двухкассетник «Филипс».

Обычно я приходил в Трындец-Юрт под вечер. Приносил десяток банок пива «Факс», от которого не бывает похмелья. К тому же времени подтягивался и Никитка. Мы усаживались на диваны на веранде и наблюдали за речкой, рыбаками, прогуливающимися людьми. Потом наступал торжественный час заката, который мы проводили в полном молчании, погруженные в свои мысли и занятые созерцанием красот неба. Лишь изредка тишину и покой нарушал звук поднимающегося и опускающегося шлагбаума.

Через месяц мы стали свои в доску. Я уже, к восхищению и удовольствию товарищей, таскал на вышку привозимые мне из-за границы редкие вина, Никитка приволок коробку древних кассет, и мы ставили на веранде то «Сектор Газа», то «Ласковый Май» и «Модерн Токинг», а иногда и «Джипси Кингс» или случайно оказавшиеся в коробке ноктюрны Шопена. Вспоминали доперестроечное детство, смеялись до слез под дурацкие песенки, а Никитка говорил о Боге и о строительстве деревенского храма. Никитка, горячась, убежденно твердил, что люди бегают, машут руками, кидаются камнями, в надежде поймать Бога, как какую-то пигалицу. А кто-то

сидит в засаде и терпеливо ждёт его появления, ломая голову над тем, что может послужить приманкой. Кто-то внимательно идёт по следу, каким-то образом определяя следы Бога. Главное, никто, абсолютно никто, не знает, что делать с ним, если он будет пойман, если они добудут его. А я зачитывал им вслух учебник по истории Востока и комментировал отдельные пассажи, выслушивая нестандартные взгляды моих товарищей на историю человечества и отдельных его народов, чуть оттаявший Клим с удовольствием после просмотра очередной газетной вырезки или распечатки ставил крестики в каких-то своих списках в гроссбухе живых и мертвых боевиков. Нас не любили владельцы машин, владелец гаражей и просто прохожие. Нас не любила дворовая шпана, так как мы никого больше не допускали в вышку, но нам было всё равно. Шла осень 200.. года, у нас не было ни семей, ни женщин, ни нормальной работы, у нас не было никакого будущего, а только глубокий отпечаток нашего прошлого и настоящее, которое нам нравилось. Иногда, уже сильно набравшись каким-нибудь португальским вином, мы набрасывали на плечи бушлаты и кружили по веранде в странном танце, прибавляя к взмахам наших рук и взмахам пустых рукавов. Шестирукая богиня счастья жила в те дни на вышке «Трындец-Юрта»...

Однажды ранним утром я проснулся на вышке. Никитки не было, а Клим дрых под бушлатом. Я поставил кипятить чай, а сам вышел на веранду вдохнуть холодного воздуха. Привычно осмотрев панораму, я уже хотел было вернуться к кипятильнику, но что-то привлекло мое внимание. В утренней дымке я различил два силуэта: человека и собаки. Человек шёл медленно, часто нагибаясь и что-то пристально разглядывая на земле, переворачивая какие-то предметы. Собака бежала чуть впереди человека, нарезала небольшие круги, так же рыла носом что-то в тумане. Они двигались на расстоянии метров шестидесяти от вышки. Человек, лет сорока, в старомодном мятлом плаще и немецкая овчарка. «Этот человек — военный», — вдруг произнес проснувшийся и оказавшийся за моей спиной Клим. «Эта овчарка — не собака», — почему-то сорвалось у меня. Так в нашей жизни появились Пьюшкин и Фугасик.

Их клички, как вездесущий и всезнающий Харон нашего двора, сообщил Никитка через несколько дней. Как оказалось, человек и собака появились во дворе совсем недавно, где-то с неделю назад. Пьюшкин был охот до халявной выпивки, пил только водку и ходил со своей железной кружкой, которая была приторочена цепочкой к брючному ремню. По словам Никитки, Пьюшкин просто подходил к компаниям, которые в обилии кучкова-

лись у подъездов и на детских площадках, протягивал кружку и кивал на неё. Если его посылали на три весёлых русских буквы или не плескали 100 грамм, то он молча разворачивался и шел дальше. Тем не менее, ему мало кто отказывал. В нашем дворе любили странных и новых персонажей. Из-за молчаливой тяги к водке и невнятного халата-плаща к мужику быстро приклеилось прозвище Пьюшкин. Фугасик объяснялся ещё проще. Собака никогда не стояла спокойно, а так и норовила резко сорваться с места по поводу и без. Но самое главное было другое — Пьюшкин был немым, и у него не было документов.

Поселился он в двухкомнатной квартире на седьмом этаже второго дома в стандартной спальной коробке высоток. Квартира давно пустовала, её хозяева переехали в Питер, а квартиру периодически и с большими перерывами сдавали разным людям. По началу Пьюшкина приняли за такого квартиросъёмщика, но потом в нем будто бы признали сына жившей здесь одинокой женщины. Так или иначе, личность Пьюшкина установить не удалось, на все расспросы он лишь привычно протягивал свою кружку, опрокидывал огненную воду в глотку, благодарственно кивал и уходил дальше. При попытке силой обыскать его Пьюшкин неожиданно для его внешнего вида отреагировал мгновенно. Двое схвативших его парней вдруг оказались на земле со сломанными носами и окровавленными ртами, а Фугасик в прыжке повалил на землю третьего и угрожающе клацал зубами у горла ничего не успевшего понять дурака. Больше Пьюшкина никто не рисковал трогать.

Всё это нам с Климом выложил Никитка. До некоторых пор наши дорожки с Пьюшкиным и Фугасиком не пересекались. Как-то утром, часов в шесть, ещё до шорк-шорк мётел оранжевых таджикских дворников я вышел на балкон своей квартиры и увидел знаменитую парочку. Пьюшкин шел по обочине дороги с палкой и то и дело шевелил ею разный мусор. Фугасик обнохивал землю перед ним. Я подождал, пока они завернут за угол дома и через 10 минут снова появятся с другой стороны, продолжая что-то искать. Закончив с дорогами, к моему удивлению, Пьюшкин и Фугасик направились к детской площадке и так же перерыли песок в песочницах, обошли качели и турники. Затем они ушли в сторону остановки, к которой уже тянулись первые люди, отъезжающие в город на работу. Похоже, парочка искала пустые бутылки и банки, чтобы сдать их в пункт приема тары в ближайшем универсаме и заработать чуток денжат, а в песке они могли искать оброненные игрушки или потерянные мамашами украшения?

Но что-то мне не нравилось в моей же идее. Я вставал несколько дней подряд пораньше и каждый раз становился свидетелем неизменного обхода территории двора Пьюшкиным и Фугасиком. Самое странное, что я ни разу не видел, чтобы они брали что-то с собой, весь хлам после изучения откидывался в сторону.

Вечером я рассказал Климу и Никитке о своих наблюдениях. Никитка отреагировал вяло, мало ли психов в нашей жизни, эка невидаль, а Клим вдруг помрачнел. В тот день мы не сказали друг другу больше ни слова, а посидели пару часов в молчании и, прикончив две бутылки портвейна, разошлись.

На следующий день я ещё при подходе к «Трындец-Юрту» впервые увидел, что Клим находится не на веранде, а стоит на земле у лестницы. Он стоял с Пьюшкиным и лил ему водку в кружку. Я подошел. «Поздоровайся», — сказал мне мрачный Клим. — «Это — сапёр». Я внимательно разглядел Пьюшкина. Гладко выбритое лицо, седоватая голова с первыми признаками облысения, морщины и нездоровый цвет кожи, говорящие о постоянном употреблении алкоголя. И пустые глаза, невидящие. В руке Пьюшкин держал палку, конец которой заканчивался стальным прутом. Это был шуп. Клим пытался задать ещё несколько вопросов, но безуспешно. Пьюшкин кивнул, таким образом сказав «спасибо», и пошел прочь.

Клим развил бурную деятельность. Он позвал Пьюшкина на вышку и смотрел, как надолго замер Пьюшкин у карты Чечни. Вскоре во двор приехала небольшая делегация знакомых Клина, таких же урюмых и

шутками шпаны и оборачивался на красивых женщин, он мог ткнуть носом верную фигуру на шахматной доске двух алкоголиков, он безошибочно тащил Пьюшкина туда, где наливали, он всегда вовремя тянул за плащ Пьюшкина, когда тот начинал хоть чуть пьянеть. Ведь Пьюшкина, несмотря на его кружку и хождения по территории, никто и никогда не видел пьяным. Фугасик в какой-то момент прекращал прогулки своего напарника, и они уходили домой, чтобы утром начать свой обход и поиск взрывчатых веществ и настоящих фугасов.

Я часто смотрел на их утреннюю работу и думал, что, в сущности, никто из спешащих по своим делам людей не знает и не подозревает, что их покой пытаются сберечь сумасшедший и собакочеловек. Обход происходил всегда в одно и то же время и при любой погоде. В страшный осенний ливень я видел знакомые силуэты. Они работали. А Клим всё чернее матерился при чтении очередных новостей о терактах и потерях наших войск в Чечне...

Вскоре мы все привыкли к Пьюшкину и Фугасику. В очередной раз о них заговорили на Новыйгод, когда пирующая разлагающаяся Москва давала бесконечный многодневный пьяный залп из всех китайских калибров и запускала фейерверки. Пьюшкин обезумел в те дни. Он ложился на снег и изучал неразорвавшиеся петарды, он передвигался по двору короткими перебежками и жадно вдыхал запах пороха, стоявший над Москвой. Он тратил полночи на обход территории и сильно осунулся, обычно пустые его глаза теперь выражали усталость, озабоченность и

Я часто смотрел на их утреннюю работу и думал, что, в сущности, никто из спешащих по своим делам людей не знает и не подозревает, что их покой пытаются сберечь сумасшедший и собакочеловек

неулыбчивых парней. Они отправились в квартиру Пьюшкина, но через полчаса вышли оттуда с напряженными лицами, нервно покурив у подъезда, махнули рукой, потом забрали у Клина все запасы водки из сейфа и тоже исчезли. Клим ещё неделю куда-то звонил, но не получил никакого результата. Он плюнул на это дело, но для Пьюшкина завел у себя на вышке отдельную бутылку алкоголя, а для Фугасика хранил куски мяса.

Фугасик поражал моё воображения не меньше, чем сам Пьюшкин. Он не был собакой. Я был уверен на все сто, что Фугасик — это человек. Скорее всего, сослуживец и ангел-хранитель Пьюшкина. Он вел себя как человек, он понимал разговоры окружающих, он откровенно скалил зубы над салными

нервозность. Фугасик тоже отошал и, все чаще рыча, тянул напарника домой. Все могло закончиться плохо, так как жильцам двора надоел шастающий сумасшедший, он пугал их детей и их самих. Они уже начали писать жалобы в инстанции, но Пьюшкина спас один случай.

На Рождество Пьюшкин принес на руках почти замерзшего насмерть пьяного парня, уснувшего в сугробе. Фугасик обнаружил его, присыпанного снегом, на обочине. Совместными усилиями они вытащили его, Пьюшкин нашел в кармане у паренька документы и принес тело по адресу. Обезумевшие от счастья родители мажора выдали сумасшедшему большую сумму денег и наказали соседям ни в коем случае не трогать спасите-

ля их единственного обмороженного отпрыска. Семья эта была одной из самых богатых во дворе и многим помогала приработком, так что к ней прислушались. Да и новогодние праздники подошли к концу, и Пьюшкин перестал нервно реагировать на пальбу и мельтешить во дворе.

В то время я удачно поймал редкую и единственную в своем роде ночь, когда сильная вечерняя поэмка вымела с прудов весь снег, и лед на замерзшем пруду превратился в почти идеально ровную поверхность. Я схватил коньки и отправился кататься при луне в полном одиночестве. Это трудно передать, когда ты свободно скользишь по темному, черному льду и нет никакой уверенности, что ты не провалишься под корку и не пойдешь на дно. И кроме ветра и режущих звуков лезвий ничто не нарушает тотальную тишину... Бескрайняя равнина под ногами и бездонное небо над головой, с луной, будто бы обтянутой просвечивающей кожей, через которую видны её внутренности... Мне в голову лезли странные мысли. Я верил, что каждый удар сердца отмеряет время. Если голова, душа, сердце полны каким-либо предметом, кровь постепенно превращается в этот предмет. Вот я думаю об этой зиме, накапливаю свою любовь к ней, и кровь превращается в темную речную воду под коркой льда, а когда я буду ранен, то снег вырвется наружу из раны и вокруг для всех наступит другое время суток, другой сезон, другая география. Снегопад, русская равнина, вечер. А если я буду убит?

Уже возвращаясь, мокрый, уставший, но счастливый, я вдруг нос к носу столкнулся со стоящими бездвижно на пирсе Пьюшкиным и Фугасиком. Я встретился с Пьюшкиным взглядом и чуть не умер от страха. У него были абсолютно разумные, умные глаза. Ни тени обычной пустоты и отрешенности, ни тени безумия. Он на секунду задержал на мне взор, и я увидел огромное одиночество в его глазах. Такое же безбрежное, как лед за моей спиной. Потом его глаза вновь приняли обычное, ничего не выражающее, выражение. Я двинулся в сторону дома, и они пошли рядышком. Мы молча дошли до двора и, когда я уже хотел свернуть в свой подъезд, Пьюшкин вдруг осторожно взял меня за рукав и потянул в сторону своего дома. Я удивленно взглянул на Фугасика, и тот мне по-доброму улыбнулся. Чем черт не шутит. Я решился. Мы поднялись на седьмой этаж, и Пьюшкин вошел в незапертую дверь, включил свет. Передо мной предстала обычная советская квартира. Мы разулись, Пьюшкин двинулся на кухню, а я не удержался и сделал шаг вглубь квартиры. Большая комната выглядела так, будто это был книжный склад. Она была засыпана книгами, книги лежали кучами, нагромождения-

ми, как картошка на овощебазе. Я поднял несколько томов. Это были стихи. Поэзия на разных языках. На немецком, испанском, английском, португальском, на языках, которые я даже и не знаю... Я залез вглубь одной из куч и вытянул наугад ещё пару книг. Опять поэзия... Я зашел во вторую комнату и включил свет. Где-то в углу вспыхнула лампочка в газетном абажуре, к ней из центра потолка тянулся провод... а стены... ободранные стены, грязные, были расписаны страшными корявыми буквами «Грозный-95», «Пусть она не права, но это моя Родина», «Санек-94», «Тамбов», «Самара», «Вечная память дальневосточникам», «Русские, спасите нас», «Добро пожаловать в ад» и ещё и ещё, надписи разных размеров, совсем мелкие... Как-то номера в/ч, координаты, позывные... Я отшатнулся от этой стены смерти... В углу валялся тюфяк, где, видимо, спал Пьюшкин, по периметру комнаты вдоль стен стояли сотни пустых бутылок из-под водки, многие из них, залитые воском, были превращены в

подсвечники... Меня вдруг стало мутить, физически накрыла волна тошноты и потемнело в глазах, уже плохо помня себя, под удивленный лай Фугасика я выскочил из квартиры. Чтобы никогда не встречаться больше с Пьюшкиным. Чтобы постараться не вспоминать эту чертову комнату, эти две чертовых комнаты.

Но спас Пьюшкина от беды всё же Никитка. В нашем дворе помимо всех остальных персонажей жил и Предатель. Опустившийся журналист, когда-то работавший в Чечне на Радио Свободы и Немецкую волну. Что уж он там написал, теперь никто не знает, говорили, что у него были почетные западные премии за репортажи о штурме Грозного, что он был богат и имел хорошую иномарку и личного шофера, но так или иначе, он тронулся умом. Какое-то время он, как и Пьюшкин, ходил по улице и кланчил выпить. При этом он напивался до полуобмо-

рочного состояния и падал на колени перед молодыми парнями, просил у них прощения за что-то, за свои репортажи с войны и за какие-то истории. О чем он говорил, было непонятно. Но был он мерзок и вызывал брезгливость даже у законченных синяков. Его стали бить. Били нещадно, ломали кости, разбивали голову, выносили зубы. Он захлёбывался кровью, соплями и слезами и все просил простить. Его сторонились, и вскоре и у него пропала охота получать побои. У Предателя вдруг неизлечимо заболела дочь. Он ходил и просил, чтобы его простили ради дочери. Он пил один, спивался, и все дело шло к открытому и такому же беззубому рту ждущей его могилы. Однажды его путь пересёкся с тропинкой Пьюшкина. Никитка в тот день возвращался домой с работы, когда увидел бегущего в ужасе с выпученными глазами и верещащего как свинья Предателя и преследующего его с перекошенным от ненависти лицом Пьюшкина. В руке у Пьюшкина был армейский штык-нож. Предатель бежал

быстро, какими-то гигантскими скачками, но Пьюшкин стремительно, упрямо сокращал дистанцию. Потом Никита не мог сказать, почему он так поступил. Всё это заняло пару секунд, но он поставил подножку Пьюшкину и тот упал. Упал, вскочил и с налитыми кровью глазами, что-то рыча, схватил Никитку за голову и занес нож, но тут в эту сцену вмешался Фугасик, который до этого почему-то бежал рядом и не догонял Предателя, а теперь повис на руке своего напарника. Пьюшкин обмяк... Отпустил Никитку, ещё раз посмотрел вслед убегающему всё дальше врагу и отвернулся. Фугасик покачал головой и примирительно лизнул Никитке руку. Никитка обиды не таил, улыбнулся, впервые в жизни смело хлопнул по плечу стоявшего к нему спиной Пьюшкина: «Бывает, брат!»

История эта имела трагическое продолжение. В припадке очередного алкогольного

покаянного безумия, через несколько дней Предатель убил свою семью, дочь, жену и родителей. Зарезал и сдался милиции. Больше о нем ничего не слышали. Никитка винил себя, что не дал Пьюшкину догнать...

Мы все реже встречались с Климом и Никиткой. Никитка всё чаще пропадал в деревне и редко появлялся в Москве. Клим все больше озлоблялся, а я, после того, как побыл в гостях у Пьюшкина, со всё большим скепсисом относился к его вырезкам из газет. Я решил взяться за ум и поступал учиться на очередное высшее, готовился к экзаменам, оформлял бумаги. Вскоре я узнал, что произошло вооруженное нападение на «Трындец-Юрт».

Возле вышки какие-то залетные кавказцы поздно вечером начали приставать к девушке. Поддатый Клим спустился из своего командного пункта и пинками прогнал двух молодых, они в свою очередь пообещали вернуться и прикончить обидчика. Клим поднялся к себе, достал из сейфа охотничье ружье и припасенные бутылки с зажигательной смесью, что потом меня несколько не удивляло. На сейф поставил чайник в шапке-ушанке и сверху накинул бушлат, а сам спустился к гаражам, залег за бетонным блоком, открыл флагу с коньяком и начал пить из горлышка. Кавказцы появились через 15 минут на двух машинах. Они резко тормознули у вышки, выскочили и открыли по маячившему в окне

Я часто, все равно, как ни стараюсь забыть, вспоминаю квартиру Пьюшкина, комнату из прошлого, заваленную никому не нужными стихами, и комнату его вечно настоящего...

силуэту огонь из автоматического оружия. Оказавшийся во фланге у них Клим сделал выстрел дробью и кинул первую бутылку с зажигательной смесью. Дробь попала в цель: один из кавказцев взвыл и упал на землю. Бутылка же вместо того, чтобы попасть в машину, угодила дном ровнехонько в лоб другому боевику. Тот свалился от удара как подкошенный сноп, а обозленный неудачей Клим швырнул вторую бутылку, флагу с коньяком и произвел ещё один выстрел. Летящие в боевиков странные предметы, потери среди них и все никак не падающий силуэт на вышке подорвали их моральный дух, и кавказцы дрогнули. Попрыгав в машины, они рванули прочь под матюки Клима. Через 5 минут подъехала милиция, знакомые Клима из местного ОВД и прочие службы. Клим дал скромные показания, «ничего не видел, слышал пальбу, отходил в туалет» и смог, в итоге, избежать судебного преследования. Но от вышки мало что осталось. На изо-

ванной пулями стене от надписи «Трындец-Юрт» остались лишь две буквы «...ы...ц». Клима на этот раз уволили. Наш «ыц» снесли и отстроили вышку нового гаражного товарищества. Иногда я вижу там двух раскаченных охранников в розовых майках с кока-колой в руках.

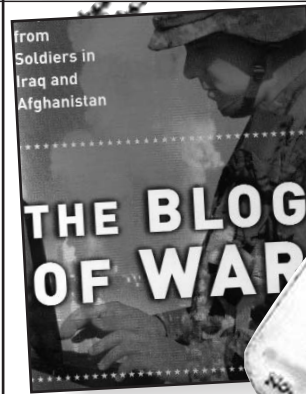
Я увидел его ещё раз через год. Он ехал на дорогом джипе и окликнул меня, опустив стекло. Я не сразу узнал, кто это. На меня смотрели колючие глаза холеного человека. Клим вышел из машины, и мы минут пять поговорили. Никитка ушел учиться в семинарию, в

«Хорошие были времена в «Трындец-Юрте»... но всю жизнь на блокпосту не просидишь, надо рано или поздно начинать действовать самим. Мы опоздали к дележу, но ещё есть шанс побороться». Клим предложил пойти к нему в фирму, я обещал подумать. На том и расстались.

Я часто думал о той осени и той зиме. Я часто удивлялся, как при всей этой катавасии и нашей молодости некоторым из нас удалось остаться в живых и удержаться в своем уме, хотя, есть ощущение, что потеряли мы что-то большее, чем обрели. Это был сезон в жизни, когда одна страница уже закончилась, а другая не началась, и те несколько месяцев как раз были моментом перелистывания, страница не лежала плашмя, а вертикально стояла, превратившись для глаз в узкую черную полосу, в лезвие клинка судьбы. И можно было лишь догадываться, насколько будет повествование на новой странице следовать к сюжету старой, или для кого-то закончится глава или вся книга целиком... Я часто, все равно, как ни стараюсь забыть, вспоминаю квартиру Пьюшкина, комнату из прошлого, заваленную никому не нужными стихами, и комнату его вечно настоящего... Судя по всему, обе комнаты тоже навсегда ушли, выгорели из сюжета новой книги нашей страны... Хорошие были времена в «Трындец-Юрте».

А что же я? ... И если вдруг вы увидите по телевизору, как где-то в очередной горячей точке планеты на цель выходит американская крылатая ракета, съёмка ведётся с носа, как они любят это показывать, и при приближении к объекту прямо перед вами на долю секунды мелькнет на экране смешной силуэт в бушлате, счастливо и пьяно танцующий и кружащийся под «Джипси Кингс» с банкой пива «Факс» в руке, то, скорее всего, это буду я. <ИВ>

Стивен УИЛБЭНКС,
Джей ДЖАЙА

Стивен Уилбэнкс, бывший морской пехотинец, полагал, что в свои тридцать пять он уже слишком стар для того, чтобы вновь примерить военную форму. Однако 11 сентября 2001 года все изменилось: Уилбэнкс многое переоценил в своей жизни и принял решение вновь стать «зеленым».

С. УИЛБЭНКС

Для меня все началось 11 сентября 2001 года — день, когда по радио передали о теракте в Нью-Йорке. Первое, что я сделал — сел за руль и приехал в контору, занимавшуюся набором добровольцев: мне хотелось разузнать о возможности вновь поступить на военную службу. Однако, узнав о том, что два месяца назад я серьезно повредил лодыжку, меня попросту забраковали. Так или иначе, еще через полгода эта травма привела меня на операционный стол, и затем еще целый год я был не в состоянии безболезненно совершать пробежки и, следовательно, поддерживать себя в хорошей физической форме. Потом мы с женой решили, наконец, завести детей и, надо сказать, это внесло в мои планы ряд изменений.

Так как я оказался в стороне от военных операций в Афганистане и Ираке, мне ни минуты не давала покоя мысль, что наши ребята исполняют там свой долг, а я — пригодный к несению службы — попросту прожигаю здесь свое время. Каплей, переполнившей чашу моего терпения, стала фотография, присланная мне по электронной почте моим братом, прослужившим 15 лет в морской пехоте и получившим там травму спины, которая

поставила крест на его дальнейшей службе. Он был сфотографирован как раз в тот момент, когда давал присягу — на этот раз уже в качестве резервиста. Это для меня было уже чересчур...

В конце концов, я оторвал свою задницу от стула, привел себя в порядок и созвонился с рекрутером. Опуская кошмарные детали сбора всевозможных документов, скажу сразу, что через год с небольшим, 10 июля 2005 года, я, тридцатипятилетний капрал-резервист, уже второй раз в своей жизни давал присягу перед лицом 4-й дивизии морской пехоты, ее капитана и моих родных.

Несмотря на то, что я был на гражданке уже около десяти лет, в тот момент, когда мы вышли из штаб-квартиры Военно-морского резервного корпуса, я, одетый в старую добрую военную форму, чувствовал себя так, как будто в ней и родился. А когда нам повстречался старший по званию, я привычным жестом отдал ему честь. Затем выпрямился, выпятил вперед грудь и энергично зашагал вперед. Бог ты мой, как же здорово вновь стать «зеленым»!..

Вообще-то, все вышесказанное призвано ответить на тот самый вопрос, который так и вертится на языке у множества людей, в том числе и у моего близкого друга Ланса: зачем? В конце концов, я ведь уже успел послужить, так сказать, «отдать долг родине» и, наконец, «все хорошо в свое время»...

Поясню, что служба своей стране — это совсем не подписание четырехлетнего контракта. Служба — это обязанность, которую несешь всю свою жизнь и у которой нет ничего общего с неким «долгом», который надо «отдать», будто речь идет о некоем членском взносе. Служба — это еще и глубокая личная ответственность, которая не имеет временных рамок, ведь речь, в конце концов, идет совсем не о тюремном сроке... Лично для меня это честь, это самая высокая награда, которой только я могу быть достоин, и я должен оправдывать это каждый божий день.

Услышав о моих планах, многие недоверчиво — а иные, возможно, и вовсе с презрением — качали головой: зачем записываться в

добровольцы, когда есть семья? Зачем мне это надо, когда, того и гляди начнутся настоящие боевые действия? Как же так — получается, что я совсем не думаю о своих близких?

Бесспорно, для меня самое главное в этой жизни — мои родные. Но достоин ли я — муж и отец — своей собственной семьи? Достоин ли я того, чтобы моя жена посвятила мне всю свою жизнь? Кем я буду для собственных детей, когда они вырастут? Скажу одно: я хочу, чтобы моя любимая жена прожила всю свою жизнь, не испытав и тени сомнения в том, что рядом с ней человек, готовый в случае необходимости принести себя в жертву во имя великих дел, человек слова и чести. Я хочу, чтобы она знала, что в этом мире, полном разочарований, фальши, неверности и зла, она полностью может на меня рассчитывать. Я хочу, чтобы у моих детей был достойный примера отец. Я хочу объяснить им, что далеко не всегда надо говорить «Пусть это сделает кто-нибудь еще...», а вместо этого спрашивать самого себя «Если не я, то кто?» Я хочу, чтобы они выросли ответственными людьми, людьми с чувством долга, а не с ощущением вседозволенности. Я хочу стать самым лучшим отцом для них, и не могу представить себе ничего более важного, чем воспитание на примерах чести, силы духа, стойкости и бескорыстия. Лучшего примера и не найти, если именно таким человеком стану я сам.

Именно это и есть образ жизни наших морских пехотинцев в добавление ко всем существующим клише вроде патриотизма, борьбы за свою страну и т.д. Да, это все для меня не пустой звук — так же, как и для любого, кто помнит об этих понятиях. Однако, в последнее время эти слова звучат настолько часто, что набили оскомину... К этому списку лично от себя я добавляю еще одно слово — месть. Я не чувствую ни малейшего сожаления из-за того, что хочу уничтожить тех ублюдков, которые хотят уничтожить нас.

Я не питаю иллюзий, будто бы я спасаю человечество, не становлюсь в собственных глазах героем и не меняю что-либо к лучшему в этом мире. Просто никогда в своей жизни я не был так горд и доволен, чем когда проходил службу. Вообще, если бы мне выпала возможность попасть в прошлое и снова встать перед выбором увольняться со службы или нет, я принял бы совсем другое решение, и сейчас, пока я еще достаточно молод, я хочу хотя бы частично исправить эту ошибку. Я люблю это дело, мне нравится быть среди своих и делать то, что делают все они: тренироваться, драться, вкалывать до седьмого пота, ругаться, выживать, импровизировать, преодолевать, выполнять поставленные задачи и заботиться друг о друге.

Сейчас для моей страны, а значит и для нас, морских пехотинцев, наступило воистину

историческое время. Для меня это одновременно и время принятия решения: сидеть на задворках и быть простым наблюдателем или встать и принять в этом участие.

Я сделал свой выбор.

Всегда верен - Semper Fidelis
(девиз Корпуса морской пехоты США — прим. переводчика)

Д.ДЖАЙА

Джей Джайа, зарегистрированный на сайте “Макаha surf report” как «Кайлистис», вновь отправляется на войну. Так или иначе, на этот раз у него есть возможность опубликовать в сети прощальное письмо для своих родных и отдельное сообщение для своей сестры, которая категорически против этой войны.

Что ж, пришло время подняться и исполнить свой долг. Сегодня я отправляюсь на войну уже в третий раз и, так или иначе, мне есть, что вам сказать. Возможность сделать все, что в моих силах, для того, чтобы помочь нашим ребятам и девочкам, находящимся там, для меня как глас Божий, как самый настоящий подарок свыше. Я пишу также и своим родным, ибо не все они понимают причину, по которой я — вот уже в третий раз — отправляюсь в Ирак. Итак:

«Дорогая моя сестренка, ты — самая лучшая сестра на свете, какая только может быть. Несмотря на наши перебранки в детстве, ты была рядом всегда, когда я в этом нуждался. Мы с тобой по-разному смотрим на политику, ведь ты выступаешь за вывод наших войск оттуда. Я очень люблю тебя, но должен сказать, что здесь ты ошибаешься. У тебя растут трое ребят, и если мы не разрешим эту проблему сейчас, то в свое время все равно придется возвращаться, чтобы доделать начатое, и — кто знает — может быть там окажется кто-нибудь

из них. Будучи в Ираке, я постоянно думаю о трех моих племянках и, если бы ты только знала, как же мне не хочется увидеть их однажды в военной форме... Я хочу уничтожить нашего врага на его же территории, бить его до тех пор, пока он не сдастся или, на худой конец, будет попросту не в состоянии нам угрожать. Я не хочу, чтобы мои племянники участвовали в войне, которую я не смог закончить; пусть лучше они поступят в колледж, станут футболистами или, в конце концов, будут бездельничать на пляжах. Ну, а если они вдруг надумают пойти в армию, я лишь буду гордиться, что стал звеном той самой цепи, которая связывает все поколения военных в единое целое, и тем самым объединяет между собой всех американцев. Так или иначе, я очень не хотел бы, чтобы они увидели то, очевидцем чего довелось быть мне, я не хотел бы, чтобы они теряли своих друзей, как это было со мной и, наконец, не дай им Бог убить когда-либо человека... Война выжимает из людей всю душу и меняет их самих до неузнаваемости, причем, почти всегда в худшую сторону, а я не хочу, чтобы твои ребята проходили через то, через что прошел я. Надеюсь, что в один прекрасный день ты поймешь, что я делаю это совсем не ради денег, что Буш — совсем не Гитлер, и что иракцы заслуживают права на лучшую жизнь не меньше, чем мы сами. Ты с мужем и мальчишки — я все время буду думать о вас.

Мам, в нашей семье я был самым маленьким, и я знаю, что ты до сих пор видишь во мне того самого малыша, который не хотел есть на завтрак бобы и все время просил дать ему орехового масла. Знаешь, я все еще чувствую себя тем самым мальчишкой, хоть и давно вырос. Я женат, обзавелся собственной семьей, побывал на войне и, в общем-то, считаю себя успешным мужчиной. Но на этот раз я принял решение вернуться в Ирак из-за того, что верю в лучшее. Самое интересное, что в свои тридцать я стал еще большим идеалистом, чем был десять лет назад: я верю, что один человек может сделать очень многое. Знаю, что все мое время пребывания там ты будешь за меня волноваться, однако, даже не намекаешь мне на это. Я всего лишь хотел сказать тебе, что все хорошо, что я выбрал том самый путь, который делает меня счастливым. Я делаю то, что предназначено мне самой судьбой и мне неважно, что будет со мной дальше. В нашей семье было много военных: военные были и в твоей семье, и в семье отца — и они жили и чувствовали точно так же, как и я. Наверное, благодаря их службе на благо нашей страны я и стал именно тем, кем стал. Поверь, мной совсем не движет страсть к приключениям, деньгам или некое стремление к собственной смерти — отнюдь. Я чувствую лишь то, что поступаю правильно.

Почему я пошел на войну

Все иракцы — мужчины, женщины и, самое главное, дети — все они заслуживают того, чтобы за них бороться. Каждый раз, когда я смотрю на них, я понимаю, что готов пойти ради этого на любую жертву. Интересно, каков бы я был, если бы отказал в помощи нуждающемуся? Как бы я жил, зная, что рядом со мной кого-то пытаются, а я стою и попиваю кофе, не шевеля и пальцем? Мам, я и вправду не знаю, сможешь ли ты когда-либо понять то, что движет мной, но ты пойми, что возможность помочь хотя бы одному иракцу уже стоит всей моей жизни. Вообще, люди настолько озверели в своем желании преследовать себе подобных, делать все возможное, чтобы показаться — лишь показаться — сильнее, что стали загонять слабых и беззащитных, как дичь. Мам, понимаешь, раньше иракцы и были теми самыми беззащитными, фактически уничтоженными этим своим гитлеровским клоном людьми, а теперь там, где была сплошная чернота, перед ними блеснул лучик надежды. Вся эта заваруха в Ираке и вправду сплошная неразбериха, однако, свобода требует жертв: чего стоит одна наша Гражданская война, забравшая больше шестисот тысяч жизней. А ведь это та цена, которую принесли мы сами ради того, чтобы стать свободными. Что касается Ирака, то ради того, чтобы найти свой путь, эта страна уже начала борьбу фактически сама с собой. Как же мы можем бросить этих людей в таком хаосе? Я не оставлю это дело вплоть до нашей победы, поражения либо моего выхода из этой игры. Я попросту не смогу считать себя мужчиной, если вдруг оставлю этих людей на произвол обезумевших мясников. Мама, я сделал свой выбор. И знай, что ты будешь в моем сердце каждый день.

Пап, знаешь, я хочу сказать тебе, что ты — мой герой. Не знаю, говорил ли я тебе когда-либо об этом, но это так. Ты прошел Вьетнам и, вернувшись, смог наладить жизнь себе и своей семье: ты делал для нас с сестрой все, ты пропалал на сверхурочных, никогда не брал больничных — лишь бы мы ни в чем не нуждались. В моих глазах ты пример того, каким должен быть настоящий мужчина, и я очень надеюсь, что когда-нибудь стану хотя бы половиной похожим на тебя. Думаю, что ты понимаешь, что движет мной, и почему я делаю то, что делаю. Я никогда не забуду тот день, когда ты приехал сюда, чтобы проведать меня и сказал, что ты мной гордишься. Я не могу бездействовать, оставив иракцев без помощи. Я прекрасно понимаю, что я — всего лишь отдельно взятый человек, который не может радикально повлиять на что-либо, но и ты был один, однако, сделал в своей жизни столько всего хорошего. Вот и я хочу быть таким, как ты, и сделать даже еще больше, чем ты успел сделать. Знаю, что не «спасу человечество», однако

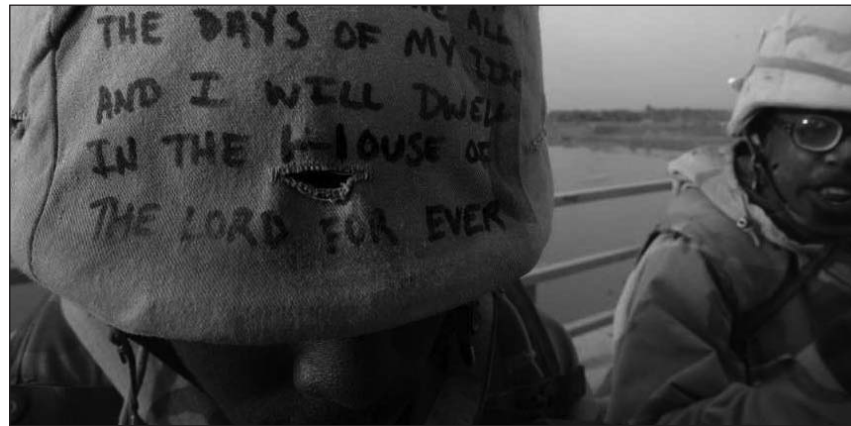
каждый день, когда я могу совершить что-нибудь хорошее, неважно где — в Ираке ли, на Гавайях — это тот самый день, когда я чувствую себя мужчиной и американцем. Пап, я знаю, что ты меня понимаешь!

Джен, моя любимая, жизнь моя, я знаю, что тебе сейчас сложнее всего, ведь уже в третий раз я попросил тебя набраться веры и надежды на то, что в Ираке со мной не случится ничего плохого. Я покидал тебя и наших малышей уже трижды, одержимый просто какой-то донкихотской верой в то, что могу хоть чуточку изменить мир в лучшую сторону. Трижды я оставлял тебя один на один со всеми этими повседневными проблемами — оплатами счетов, домашним хозяйством — в общем, с той самой ерундой, которой ни один человек не будет заниматься добровольно. Три из семи наших с тобой годовщин я был вынужден провести вдаль от тебя из-за того, что выполнял свой долг. Спасибо — вот все, что я могу сказать тебе! Я всегда буду любить тебя за твоё терпение и поддержку. Знаю, что этими командировками я лишь усложняю твою жизнь, и прошу у тебя за это прощения. Мне очень сложно быть вдалеке от тебя, однако иначе быть не может. Знаешь, с каждой новой командировкой мне все сложнее говорить тебе «до свидания». Сейчас мне приходится оставлять здесь и друзей, но я не могу бросить то, что я делаю, и ты — больше, чем кто-либо еще — понимаешь, почему. Ведь мы вместе с тобой верим в то, что наша с тобой судьба — делать все, что в наших силах ради того, чтобы сделать этот мир лучше. Ты и я — как две крошечных рыбешки в огромном вселенском океане, однако мы оба знаем, что от одного человека уже зависит очень многое. Когда я в Ираке, я непрестанно думаю о тебе, и твоя любовь для меня самая лучшая защита. Я свято верю, что у Провидения есть еще планы на наше с тобой будущее, ну а мы — всего лишь инструменты для того, чтобы улучшить этот мир. Я делаю то, для чего я предназначен, и, поверь, никогда в жизни я не был более счастлив, чем сейчас. Так что ты не волнуйся, ну а на прощанье пощечки от меня дочку за ушками.

Всем, кто это читает: да, в свои тридцать я самый настоящий идеалист. Когда мне было двадцать, я был циником, однако теперь в моей жизни есть цель. Я пришел к Богу, мягко говоря, не будучи помешанным на религии. Я нашел Его, вдохновляющего меня на добрые поступки просто ради добрых поступков, я чувствую Его присутствие во всем вокруг меня: в закате солнца, в волнах, разбивающихся о гавайский берег, и даже в дуновении вечернего бриза, пахнущего плюмерией... Я бы назвал себя воином света, но совсем не из-за того, что это сулит мне благоволение свыше или удачу, а попросту потому, что я выбрал служение добру в этом мире. Добро — это не только, когда твоя дверь всегда открыта для странника, или когда ты помогаешь соседям выносить мусор, это также и когда ты отправляешься в Ирак, движимый желанием помочь людям говорить в полный голос и чувствовать себя свободными. Самый главный вопрос, которым я задаюсь ежедневно, таков: если у меня есть шанс сделать что-то хорошее, даже если за это придется заплатить самую высокую цену, почему бы не сделать этого? Жаль, что не все американцы спрашивают себя об этом. Наконец, если ты хочешь творить добро, то что в этом мире может тебе помешать?

Наконец, мне бы хотелось констатировать еще раз, что Ирак — это самая настоящая страна чудес. Если наши идеи все-таки возьмут там верх, то ислам начнет сходить на нет и, в конце концов, вовсе исчезнет. Ну а если мы проиграем, то мир станет намного темнее, и в нем обретут реальную силу такие призраки прошлого, как рабство и священные войны. Мы — последняя надежда этой планеты, и именно от нас зависит, будет ли реализован ее потенциал или нет. Европа слишком слаба для этой роли, и я спрашиваю всех американцев: каким же мы хотим видеть этот мир, мир, в котором будут жить наши дети? Я сделал свой выбор, и сейчас я уезжаю исполнять то, что считаю своим долгом. Да благословит Бог мою семью, наших ребят и девочек, всех американцев и саму Америку».

Кай.истис

Раян
ФАРУКШИН

<http://www.navoine.ru/authors/farukshin-ryan>

ПИКНИК В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

С Вячеславом познакомились случайно. Когда на День чекиста я дарил свою книгу хорошему знакомому, ветерану контрразведки, он заметил, что ему сегодня уже презентовали одну хорошую книгу, и покрутил в руках небольшой томик в красной обложке.

— А кто автор? — полюбопытствовал я.

— Подполковник Яковенко! — из смежного кабинета шагнул мне навстречу крупный мужчина в строгом костюме.

Честно говоря, я всегда рад новым интересным знакомствам, а тут, кроме того, что человек «родом из спецназа», он оказался еще и собратом по перу, человеком творческим и интеллигентным. Отрадно, что десять лет участия в боевых действиях не сломали его изнутри, не ожесточили на весь мир, не сделали разрушителем, неспособным думать и созидать.

Его роман написан в лучших традициях современной отечественной литературы, но, одновременно, простым и понятным большинству читателей языком. Сюжеты удивительно похожи на некоторые события нашей сегодняшней реальности, но не все так просто, как кажется... «За народ всегда будет кому заступиться и совершить подвиг, пусть даже для этого необходимо шагнуть в другое измерение. И ребята, которые совершают подвиг, не думают о собственной славе, они заботятся о будущем всего народа...» — написано в рецензии на книгу Вячеслава. Не правда ли, очень похоже на характеристику современных офицеров спецназа?!

Читая книгу Вячеслава «Пикник в Зазеркалье», я только утвердился в мысли, что если человек изначально жизнелюб, то никакие испытания не сделают его «железным дровосеком», скорее наоборот, утверждают его крепкие жизненные позиции. И это — по-настоящему здорово!

**Вячеслав
ЯКОВЕНКО:**

— Родился 17 апреля 1966 года в Ростове-на-Дону. В школе учился хорошо, всегда активно занимался спортом, мечтал о карьере военного. Получилось.

Окончил факультет кинологии алма-атинского пограничного училища.

В 1987-1994 годах служил командиром взвода, заместителем командира роты в учебной роте Внутренних войск МВД на севере страны, в республике Коми. Все это время повышал квалификацию, много времени уделял самообразованию, не оставляя надежд перевестись в знаменитую «Альфу», отдел которой работал в Казахстане. Уже и тесты сдал, и медкомиссию прошел, но с

распадом Союза и передрыгами в силовых структурах переход задерживался.

Казахстан стал суверенным государством, и часть сотрудников алма-атинского отдела переехали в Краснодар, где, согласно приказу КГБ СССР от 3 марта 1990 года №31, был открыт 13 отдел группы «А». Командир группы полковник Волосников Александр Викторович, чтобы не потерять меня из виду, для начала посоветовал переехать служить поближе к ним, на Северный Кавказ. Несколько попыток уехать из Коми оказались тщетными: кинологов с профильным образованием не хватало, и меня просто не отпустили из части.

Помог случай. Когда охрану колоний передавали от внутренних войск к УИН (Управление исполнения наказания — прим. ред.), к нам с инспекцией приехал командующий ВВ

Анатолий Куликов. Я набрался наглости и подошел к нему с просьбой о переводе на Кавказ. Хорошо мы тогда поговорили, Куликов оставил о себе приятное впечатление как человек и профессионал.

Всего через две недели после разговора с командующим в часть пришел приказ о моем переводе в Ростов, где мне предложили должность начальника службы собак в Краснодаре. Я согласился.

Зимой-весной 1995 года в составе оперативной части полка внутренних войск побывал в трехмесячной командировке в Чечне. Веселая вышла командировочка: занимались мы патрулированием отведенной нам территории и стояли в караулах на блок-постах в Старопромысловском районе Грозного. Еще мои бойцы со служебными собаками ходили на разминирования, а я контролировал их работу.

Нередко наши блок-посты подвергались нападениям. В основном, ночным. Тактику боевики использовали нехитрую. Днем к офицерам толпами подходили женщины и старики с просьбой снять минные заграждения вокруг блок-постов и без остановки зудели: «Дети играют, на растяжках ваших подрываются! Коровы ходят, на мины наступают! Уберите все! Рядом с вами только мы, мирное население!» В основном, им отказывали. А как заграждения снимать? Если мы оголимся, то противник сможет незаметно подойти вплотную и легко уничтожить всех! Тем более, реальных подрывов «играющих детей и блуждающих коров» не случалось ни разу! Но

иногда, когда появлялся один из руководителей войскового оперативного резерва и в резкой форме требовал «идти навстречу гражданским», приходилось его приказ выполнять, и с наступлением темноты боевики, как по команде, шли в атаку.

В одну из таких ночей дудаевцы спокойно перешли реку Сунжу по разминированному мосту, вышли в тыл блок-поста и, укрывшись в разрушенном здании, метров с сорока открыли ураганный огонь. Но мы (16 человек) к такому повороту событий подготовились заранее, еще днем незаметно укрепились, подготовили позиции, взяли на помощь отделение краснодарского ОМОНа и без потерь отбили от нападавших, как минимум тяжело ранив троих из них. Не могу утверждать, что боевики погибли, ибо утром, осмотрев здание, мы обнаружили многочисленные следы крови, обрывки бинтов и одежды, но тел не было.

Возвращаясь из «расчудесной земли Чучундрии», тут и Волосников звонит, предлагает попробовать силы в новом спецподразделении пограничных войск «Сигма». И, до перевода личного состава «Сигмы» в Москву в 1997 году, я служил там. Затем — краснодарское отделение группы «А», с осени 1997 года называемое РОСО (региональный отдел специальных операций). Вскоре РОСО переименовали в РСЧН (региональная служба специального назначения).

Осенью 1994 года из ФСК выделилась Федеральная пограничная служба — главное командование Пограничных войск РФ. 30 декабря 1994 года новую структуру возглавил генерал армии Николаев Андрей Иванович. Спецназ ФПС «Сигма» был создан по приказу Николаева 17 мая 1995 года и состоял из трех отделов — в Москве, Краснодаре и Хабаровске. Отбор кандидатов велся предельно жестко и, в итоге, ребята в «Сигму» подобралась отменные: с высшим профессиональным образованием, опытом службы в подразделениях специального назначения и участия в боевых действиях. Подчинялась «Сигма» напрямую командующему погранвойск и его заместителю по разведке.

Основных причин для создания такого рода подразделения в ФПС, на мой взгляд, было две: напряженная обстановка на протяженности всей государственной границы Российской Федерации на Кавказе и отсутствие у пограничников сил, которые ничем не уступали бы брательникам из успешно действовавших тогда, в первую чеченскую кампанию, групп специального назначения ФСБ, МВД, ГРУ и ВДВ.

Первым командиром «Сигмы» в Москве стал полковник Митрофанов Игорь Феликсович — выходец из группы «А». В Краснодаре начальником группы назначили Морозова Сергея Митрофановича, тоже из «Альфы».

Работали в Чечне, Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии. Иногда сами, иногда вместе со

службой собственной безопасности ФПС.

Разведывали местность и планировали постройку погранзаставы в труднодоступном месте урочища Таргим в Джейрахском районе республики Ингушетия, на пересечении трех границ: Грузии, на тот момент независимой Ичкерии и РФ. Эта застава была открыта намного позже и стала первой заставой Назрановского погранотряда. Вообще, Джейрахский район является заповедной зоной, охраняемой республикой, там расположен красивейший исторический комплекс — крепостные сооружения XII века, памятники христианской культуры IX века, храм Хаба-Ерды, построенный по личному распоряжению царицы Тамары.

Провели серию удачных операций на границе с Грузией, где пресекли действия преступников, в большом объеме завозивших в нашу страну контрабанду через несколько застав, на которых за определенную мзду им помогали некоторые пограничники. Задержания прошли быстро, тихо и без жертв, а однажды был разыгран поистине киношный сюжет с переодеваниями и погоней.

Когда в 1997 году краснодарский отдел «Сигмы» расформировывали, нам предложили переехать в Москву, где шло расширение штатов. Но переезжать в столицу многие не решились, отпугнул пресловутый «квартирный вопрос», решать который нам никто не собирался помогать. Да, с московской пропиской было туго, и я, как и большинство моих коллег, остался в Краснодаре, перейдя на службу в местный отдел «Альфы».

В связи с необходимостью защиты летней резиденции правительства России и обеспечения безопасности жителей и отдыхающих главного черноморского курорта страны — города Сочи, краснодарский отдел расширили: создали подразделение в Сочи. А 11 сентября 1999 года новый отдел заработал и в Новороссийске — крупнейшем портовом городе побережья, издревле называемом «Южными воротами России». Так, с 1999 по 2005 год я служил там начальником группы специального назначения. Сейчас на

отдыхе, подполковник запаса, с женой воспитываем двух дочерей.

— Можете что-то рассказать из чеченского опыта?

— В Чечне группа работала постоянно, у нас был широкий спектр деятельности: и в городах Грозный, Гудермес, Аргун, и в станице Шелковской, и в поселке Заречном. Награжден медалями, именными часами, почетной грамотой от президента РФ. Вообще, в нашем ведомстве награждают нечасто. Пишешь на ребят наградную, а «сверху» присылают вместо ордена ответ: «Это не подвиг, это ваша повседневная работа».

Запомнился мне вот какой случай. Сидим тихо на базе, двое суток носу на свет не кажем, никого не трогаем. Обедаем, заодно телевизор смотрим, как раз новости. Вдруг показывают сюжет «о проведении крупной операции в городе Аргуне» и комментируют: «Сегодня офицеры из группы «А» и спецназа МВД задержали нескольких известных террористов из числа руководителей банд-групп». Я чуть не поперхнулся. Откуда у телевизионщиков эта старая запись? Тут уже на связь выходят руководители разных уровней из разных штабов: мол, как так, операцию вы провели, да еще и без нашего приказа, а нам даже не доложили? Долго потом объяснял, что не делали мы в тот день никаких телодвижений.

Говорить о большинстве специальных операций еще не пришло время, пока расскажу несколько интересных случаев из своих чеченских будней.

Вот однажды метрах в пятидесяти от нашей базы в Аргуне в близлежащей пятиэтажке объявился снайпер, время от времени постреливавший в сторону «кяфиров». Ранить он никого не ранил, но настроение портит постоянно. А поймать мы его никак не могли. Дом разрушен, входов-выходов масса, между квартирами, подъездами и этажами легко можно передвигаться через дыры в стенах и перекрытиях.

Пришлось применить старую хитрость: сделали чуело, одели в «афганку», засунули в рот

сигарету и выставили на открытое место. Сами укрылись, наблюдаем. Снайпер стрельнул раз, другой, да «ранил» чучело. Мы вычислили позицию боевика, попытались накрыть, но снова неудачно. Однако, снайпер больше не появлялся. Видимо, решил, что одного «убитого» русского ему достаточно, отпартовал своим эмирам о победе, «срубил бабки» и исчез.

Как-то в Шелковском районе поехали на освобождение заложника. По поступившей к нам информации, вооруженный мужчина удерживает односельчанина, выдвигает различные сумбурные требования и грозитя в случае их невыполнения человека расстрелять.

Приезжаем. Вокруг дома стоят в оцеплении местные милиционеры, криками на родном языке общаются с закрывшимися внутри людьми. Спрашиваем, о чем речь. Отвечают: «Все нормально, там соседи немного повздорили, но это не страшно, что у них оружие, они сами разберутся и разойдутся...» А что значит «разберутся и разойдутся?» Пока милиционеры думали, что ответить, нам дают команду на штурм. Влетаем в дом. Там двое мужиков напротив друг друга стоят и, переходя с русского на чеченский и обратно, яростно спорят, размахивая конечностями и используя общедоступные для всех национальностей обороты: «Ты — козел!», «Нет, сам ты козел!». У одного в качестве главного аргумента в руках автомат холуном ходит, того и глядя выстрелит в пылу ссоры. Мы аккуратно оружие отбираем, людей в стороны разводим, никакого кровопролития. Вот так, «Альфа» теперь решает и бытовые конфликты, докатились, ребята! (улыбается)

О «крылатых» фразах. В одной из первых командировок в Чечню мы чуть не довели до инфаркта своего руководителя. Когда он позвонил и поинтересовался: «Ну, как ваши дела?», а в ответ услышал радостное: «Пока все живы!», то схватился за сердце: «Что значит «пока???» От такой шутки человек едва здоровье не потерял. Но! Из командировки мы вернулись без потерь, и с тех пор всегда на вопрос «Как дела?» мы, чтобы не злить фортуна, неизменно отвечали своей коронной фразой, зато и домой приезжали так же — все живы-здоровы.

Кроме регулярных командировок в районы боевых действий контртеррористической операции дважды участвовал в мероприятиях по освобождению заложников там, где на первый взгляд ничего не предвещало беды: в мае 1997 года в Майкопе (столица республики Адыгея) после предварительной разработки крупных криминальных «авторитетов», подозреваемых в тяжких преступлениях с применением огнестрельного оружия, и в апреле 2002 года в городе-курорте Анапе (Краснодарский край), где вооруженный обрезом ранее неоднократно судимый наркоман взял в заложники водителя и пассажиров маршрутного такси.

— А подробнее о произошедшем в Адыгее

можно услышать?

— Ранним утром 29 мая 1997 года нас привлекли к задержанию торговца оружием в Майкопе. Захват длился считанные секунды. Бандит даже не понял, как он оказался лицом вниз на асфальте у подъезда собственного дома. Вроде все хорошо, и на вопрос: «Где хранится оружие?», задержанный ответил, что в квартире, и даже добровольно отдал местным оперативникам ключ от входной двери. Но о том, что дома есть люди и за первой, мощной железной дверью, стоит вторая, деревянная, отворяемая «от себя», он умолчал.

Я остался с Волосниковым внизу, а ребята поднялись на седьмой этаж девяэтажки и открыли внешнюю дверь. Неожиданно в этот момент вооруженный преступник, прятанный в квартире, распахнул внутреннюю дверь и встретил спецназовцев ураганным огнем из автомата и ручной осколочной гранатой. Шесть пулевых и многочисленные осколочные ранения унесли жизнь нашего товарища — прапорщика Александра Демина, стоявшего первым в дверном проеме. Позже, в московском госпита-

Как-то в Шелковском районе поехали на освобождение заложника. По поступившей к нам информации, вооруженный мужчина удерживает односельчанина, выдвигает различные сумбурные требования и грозитя в случае их невыполнения человека расстрелять.

ле, скончался от полученных ран оперативник майкопского УФСБ.

Штурм квартиры был затруднен: осажденный, оказавшийся не только подельником, но и близким родственником задержанного, громко кричал, что у него заложники — женщина и двое ее маленьких детей. Взамен на их свободу он требовал денег и машину для беспрепятственного выезда в только ему известном направлении.

Переговоры длились с 9 часов утра до 18 часов вечера. За это время были эвакуированы жители многоэтажки и соседних зданий, а мы подготовили несколько вариантов штурма. К счастью, применять оружие не пришлось: наши переговорщики уговорили бандита покинуть помещение, и мы бескровно его обезвредили. Женщина с детьми не пострадала.

Посмертно Александра Владимировича Демина наградили орденом Мужества, а в Краснодаре назвали его именем одну из улиц, что действительно правильно, ведь память о павших при защите интересов Родины должна жить вечно.

— А как развивались события в Анапе?

— Первого апреля прилетели домой из Чечни. Усталые и злые. Не успели выспаться — опять тревога! В полдень 3 апреля 2002 года Иван Спиридонов, 40-летний житель курортного поселка Витязево, что под Анапой, под видом обычного пассажира сел в микроавтобус

«Газель», а затем, к ужасу сидевших там людей, вытащил из-под одежды обрез двуствольного охотничьего ружья 12-го калибра и объявил окружающих заложниками. Он приказал водителю остановиться напротив остановки «Сельхозтехника», что на окраине Анапы, и вызвать милицию для предъявления своих требований. Вместе с милицией прибыли на место происшествия и мы. Руководил операцией заместитель начальника ГУВД Краснодарского края генерал-майор В.А. Бурлаченко.

В ходе проведения переговоров Спиридонов, ранее судимый за хранение огнестрельного оружия, наркотиков и причинение телесных повреждений, сбываясь на нецензурную брань и угрозы, выдвигал противоречивые требования, казалось, он сам не знает, чего хочет. На требование сдаться добровольно, он ответил отказом и угрозой расправиться с заложниками.

Через некоторое время удалось договориться, что в обмен на заложниц Спиридонов переседает в «Волгу» анапского межрайонного прокурора. В роли прокурора и его водителя выступали наши

сотрудники — подполковник и прапорщик. Подъехав к остановке, подполковник вышел из машины. Спиридонов покинул микроавтобус и, нацеливая на офицера обрез своего ружья, пошел ему навстречу. Сделав всего пять-шесть шагов, преступник не выдержал психологической нагрузки и выстрелил. К счастью, кроме фары автомобиля, ничто и никто не пострадало. Ждать повторных выстрелов не стали, дали команду на штурм. В результате нашего вмешательства террорист не успел предпринять ничего нового, и был обезврежен. Заложники же отделались стрессом от общения с вооруженным преступником и были приятно удивлены профессионализмом работы спецназа...

— Знаю, что сейчас вы завершаете работу над вторым романом. Как и почему вы взялись за перо? О чем вы пишете?

— По натуре я человек не очень общительный, наверное, даже закрытый, и свои мысли, переживания не выплескивал вслух, оставлял в себе и для себя. Когда вышел на пенсию, появилась возможность перенести витавшие в голове задумки на бумагу. А если учесть, что всегда любил историю, изучил массу тематической литературы, то и получился у меня боевик. Исторический. С элементами фэнтези. Не хочу и не буду писать о современных войнах: слишком свежи раны, поэтому и вторая рукопись, «Гроза», будет в похожем жанре. <ИВ>

Ирина ТАНАНАЙКО

В 1983-1984 г. работала дежурной медсестрой в инфекционном госпитале города Термеза.

http://artofwar.ru/t/tananaiko_i_a/

Киев — город церквей, но главной достопримечательностью является Киево-Печерская лавра. С горы открывается изумительный вид на Днепр, чуден он при любой погоде. При входе в лавру, в нижние пещеры, справа есть незаметная церковь — мало кто знает про нее, а уж заходят только те, кто пришел помолиться именно здесь. Это, наверное, единственная церковь на территории СНГ, посвященная памяти погибшим в Афганистане, хотя точно утверждать этого не берусь. Напротив через дорогу стоит символически сломанная береза, назло всем врагам она зеленеет и грустно потряхивает своими сережками. От нее начинается булыжная, как в горах, дорожка к постаменту, на котором находятся три молодых парня в полевой форме с полным боекомплектом.

Мне очень нравится этот памятник: тот, кто его делал, видимо, сам имел близкое отношение к событиям той войны, а может, ему смогли передать свои чувства и боль люди, которые заказывали монумент. Вокруг него лежат мраморные плиты с именами ребят из всех областей Украины, навсегда оставшихся в афганской земле.

После фото-сессии очередной туристической группы площадь перед памятником опустела, и на ней откуда-то появился пьяный бомж. Он ходил кругами вокруг монумента, всматривался в него, что-то хмыкал и комментировал себе под нос. Затем он подошел к булыжной дорожке, сел на землю и стал снимать обувь. К тому времени меня весьма заинтересовали его действия, и я стала следить за развитием событий. Мужчина отставил свои сандалии на асфальте и босиком стал подниматься по булыжнику. Шел он осторожно, странно выворачивая ступню, так обычно

ходят в горах, где надо поставить ногу таким образом, чтобы не покатылся даже маленький камушек. Дойдя до памятника, он упал на колени и стал биться головой о постамент, непрерывно что-то говоря. Затем мужчина поднялся, стянул через голову майку и принялся ей вытирать памятник.

Потом он принял позу одного из стоящих на постаменте ребят и гордо посмотрел на меня:

— Похож?..

— Нет, пьяный, старый и не в полевой форме.

Сначала он собрался возмутиться, а потом его мозг включился и зацепился за фразу «полевая форма»:

— А ты-то откуда знаешь про полевую форму, небось, и в глаза не видела...

— Видела, и не один раз.

— Что, из наших?

— Как сказать, я наших в Союзе выхаживала.

— Сестренка, значит. Давай помянем всех, я сейчас достану, у меня в пакете есть.

Он подбежал к оставленному у начала булыжной дорожки пакету.

— Не надо, я уже помянула, — кивнула головой в сторону афганской церквушки.

Он понимающе покачал головой:

— Я тоже туда хожу, но не помогает... Мне Афган, как миной, шандарахнул по всей жизни — только осколки в разные стороны полетели. Мы ведь там выжить хотели, самое заветное желание. Казалось, нас в Союзе цветами встречать будут, все девушки наши, все желания по волшебной палочке исполнятся будут. Ведь они, все оставшиеся в Союзе, в неоплатном долгу перед нами, отдающими свою жизнь, здоровье ради их спокойствия... У меня весь взвод погиб, я чудом жив остался, думал, ради братанов такую жизнь про-

Осколок

живу, чтобы им там на небесах радостно стало. Сестричка, ведь они, правда, на небесах?

— Конечно, бача, конечно... — я успокаивающе погладила его по руке.

— А на деле я только старикам своим нужен был. Родине на меня наплевать, сверстники не оценили подарка, сделанного мне Богом, жизни мне подаренной не оценили. Девушкам я, инвалид, контуженный на всю голову, тоже не нужен. Нет, одна умная нашлась: льготы мои понадобились. Как все, что можно было с меня получить, получила, так и вышвырнула меня на улицу. Старики раньше умерли, успел им только кресты на могилки поставить. А меня, как помру, на свалке закопают, из всех цветов полынь да ковыль мне достанутся. Одна у меня радость: к ребятам прийти да выпить. И сижу я, Вася Помидор из ВДВ, думаю, что зря мне Бог тогда жизнь сохранил. Умер бы я вместе с земляками, как человек, и похоронили бы меня с почестями. А так живу я, как собака, и друзей своих — героев позорю, осколок я от той мины, никому не нужный...

Наш разговор прервал приезд туристического автобуса, он забыл свои терзания и пьяные слезы, побежал зарабатывать себе на выпивку. За мной тоже пришла машина, мне было пора в аэропорт. Я сидела в такси и редела.

Когда гончар лепит кувшин и он у него случайно разбивается, то есть, не получается то, что задумал, там тоже много осколков. Правда, они мягкие, как пластилин. Мелкие он выбрасывает, а большие куски гончар снова запускает в работу, лепит новый кувшин. Да, это не то, что он задумал сначала, но в нем тоже можно переносить воду. Вода — это источник информации, она помнит, что было с нами за много тысячелетий. Афган разорвал поколение шестидесятых на осколки. Один большой осколок пришелся на все обелиски, поставленные в память погибшим там ребятам. Мелкие осколки — это наркота, бандформирования и прочее, о чем не хочется писать, потому что пресса мусолила все годы именно эти негативные осколки. Но остался большой осколок из мужественных людей, которых не сломили ни болезни, ни ранения, ни распад Союза, ни дефолты, ни инфляция. Именно этот осколок лег в основу нового кувшина, в котором надо донести информацию до наших детей, чтобы в них выросла гордость за своих отцов, дядей, дедов. Пусть Господь услышит мою нижайшую молитву и озарит нам путь пониманием, и дарует нам силы в этом квесте...

Ташкент. Август-2007 г.

Владислав ИСМАГИЛОВ

Майор
Участвовал:
Чечня,
Афганистан,
Таджикистан, Дагестан

Родился в 1968 году в г.Казань.
Срочную службу проходил в 86-88 гг. на территории ДРА, с 87 в составе ООСпН 22 бригады спецназначения (3-й батальон).
Кандагар. После вывода дослуживал в Азербайджане. В дальнейшем продолжал службу в составе спецподразделений.
Принимал участие в спецоперациях на территориях Таджикистана, Дагестана, во время обеих Чеченских кампаний.

Прошу тебя, ты вспомни обо мне.
Уже поташен свет в твоём окне.
И в самом сладком, романтическом сне,
Прошу тебя, ты вспомни обо мне.

Лишь только солнышка покажется алмаз,
И жизнь ночная улетит в небывтие,
С теплом лучей, касающихся глаз,
Прошу тебя, ты вспомни обо мне.

Когда уложишь малыша в кроватку спать
И вновь останешься с собой наедине,
Пусть будет музыка тихонечко играть,
Прошу тебя, ты вспомни обо мне.

А если праздник в твои двери постучал,
Веселье шумное разбавится в вине,
То в тот момент, подняв с вином бокал,
Прошу тебя, ты вспомни обо мне.

Прошу тебя, ты вспомни обо мне.
Я то почувствую и в стуже, и в огне,
В печали, радости и, не дай Бог, в беде,
Прошу тебя, ты помни обо мне.

Передай мне весточку с дождем,
Обними меня шумом листьев,
Поцелуй мне прищипы с ручейком
И коснись меня ветра кистью.

Михаил КОШКОШ

Рядовой
Участвовал:
Афганистан

<http://www.navoine.ru/authors/koshkosh-mikhail>

ТОСКА

Здесь ничего не происходит.
Здесь никому до нас нет дела.
Мулла в который раз проходит
В замочной скважине прицела.

Прямоугольные строенья.
Жарой раздавленные крыши
И, брат, такое настроенье,
Что в двух словах и не опишешь.

День — от вершины до вершины.
Ночь — от заката до рассвета.
Одноитожные картины,
Одноитожные сюжеты...

Тоска съедает человека
До тошноты, до смертной дрожи.
Когда жара слепляет веки
И пот, как вошь, бежит по коже.

Пылает каска самоваром.
Курнешь индийского гашиша
И прямо чувствуешь, как паром
Срывает собственную крышу.

Здесь ничего
не происходит.
Здесь никому
до нас нет дела.
Мулла
в который раз проходит
В замочной скважине
прицела.

Александр АНАПКИН

Милиционер, участвовал
в контртеррористической операции в Чечне
в составе временного отдела
внутренних дел г. Гудермес.

Горы задевают облака.
Снова будет Новый год без снега.
Шум мотора, на цевье рука,
Как прыжок над пропастью с разбега.

Никого никто сюда не звал
И никто не спрашивал особо.
Мост, дорог развилка, перевал
Чьей-то жизни будут стоять снова.

Чтоб войны пожар здесь не затих,
Кому нужно, вечно сыщут повод.
Мы уедем — привезут других
Затыкать телами нефтепровод.

Ярослав КРОК

Лейтенант. Участвовал: Чечня.
Род войск — артиллерия.

ФОТКИ СО ВТОРОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ

ВВ МВД
Проверяем аккумуляторы,
Половчей на броне усесться бы...
...Не законами — координатами
Обозначены зоны ответственности.

ВДВ
Раз нас сняли с предохранителей.
Мы в любую пойдем переделку...
...Артиллерия осветительными
По ночам повторяет пристрелку.

3D3
Раз нас сняли
с предохранителей,
Мы в любую
пойдем переделку...
...Артиллерия
осветительными
По ночам
повторяет пристрелку.

ГРУ

По ночам для волчат раздолье.
Да и днем иногда бывает...
...Трое наших — на промедоле.
Этих сколько-то — остывают.

СОБР

Заскучал, вроде, он, братишки.
Часто смотрит на фотку дочки...
...И принес с предпоследней зачистки
С полдесятка ушей на цепочке.

ОМОН

Два хлопка, полчаса до рассвета.
Улыбнулись Серега и Сашка...
...Они вечером на семь метров
Переставили их растяжки.

Пехота

В рай стучаться им не придется.
Просто очередь пусть занимают...
...Через час взвод в квартал ворвется.
Нас почти батальон прикрывает.

Саперы

Отработав, потасла ракета.
У дороги нашли два фугаса...
...Нам долги б отдать с прошлого века,
На ничью мы уже не согласны.

Павел САЕНКО

http://artofwar.ru/s/saenko_p_p/

Автор данной инструкции неизвестен и я заранее приношу тысячу извинений перед ним/ними за данную публикацию. Надеюсь, что никому не нанесу невосполнимого ущерба.

ИНСТРУКЦИЯ ВОИНУ-МИРОТВОРЦУ ПО ПОРЯДКУ ПОВЕДЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ДВЕ НЕДЕЛИ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ

1. Выходя за пределы двора, надевать бронежилет и каску не нужно.
2. Постоянно ходить с личным оружием обязательно.
3. Выходя в туалет, не нужно предупреждать жену, что, если я не вернусь через 5 минут, ей необходимо поднять по тревоге резервную группу и освещать местность минометными минами.
4. Заходя на кухню, не нужно искать, где расписаться и куда выбрасывать посуду.
5. Ложась спать, не нужно пистолет класть под подушку.
6. Купив личный автомобиль, не нужно искать и устанавливать на него РП-375 и вешать на боковые стекла бронежилеты.
7. Узнав о происшествиях в городе за ночь, не нужно объявлять степень угрозы «Дельта» и ходить в бронежилете и каске, особенно на кухню.
8. Хлопок за окном означает неисправный карбюратор проезжающего мимо автомобиля, а не минометный обстрел (пьяный начальник инженерной службы решил подорвать пару электродетонаторов); не нужно бежать в «черепаху».
9. Утренний брифинг и прием докладов о происшествиях за ночь от жены и детей можно проводить лежа в постели, а не тащиться в центр психологической реабилитации персонала.
10. Не проверять, разряжено ли оружие перед входом на кухню и в спальню.
11. Не нужно докладывать дважды в сутки о происшествиях в семье в Генеральный штаб и Главкомат Сухопутных Войск.
12. Собираясь сходить в магазин (на рыбалку, в кино и т.д.) не нужно готовить карту, презентацию и проводить брифинг по принятию решения.
13. Собираясь лететь на вертолете, не нужно поить летчиков перед вылетом.
14. Если в магазине вам не понравилась цена, не нужно говорить продавцу что он Али-Баба и завтра его не пустят на базу.
15. Тормозя тачку, не нужно укладывать водителя на капот и проводить обыск, а нужно просто сесть и поехать, при этом помнить, что проезд 100 км стоит не 2 доллара.
16. Остановившись у магазина на своей машине, не нужно натягивать вокруг нее «концентрину» и назначать детям и жене сектора наблюдения и ведения огня.
17. Не нужно писать черной краской на борту машины «запрещено приближаться к машине ближе, чем на 50 метров, иначе будет открыт огонь».
18. Не нужно на борта машины вешать мешки с песком и противоккумулятивные решетки.
19. Перед приездом тещи в гости обязательно готовить брифинг.
20. Сбравшись на рынок, обязательно вызывать взвод для сопровождения и оставлять детей в резерве у дверей квартиры в десятиминутной готовности.
21. Закрывая гараж, обязательно его минировать.
22. Вокруг дома не нужно устанавливать сигнальные мины и электрозаграждения.
23. Не нужно учить собаку выть, как местные шакалы.
24. Сразу нужно запомнить, что рабочая неделя состоит не из одних понедельников.
25. Получая аванс в финслужбе не спрашивать: «А почему не доллары?»
26. Со всеми встречными на улице можно разговаривать на родном языке, а не на смеси русско-английско-польско-арабского.
27. Следует помнить, что живые женщины водятся не только в медицинском учреждении.
28. Улыбнувшись женщине, можно не бояться заплатить 6 тысяч долларов за сексуальные домогательства.
29. За еду в столовой все-таки нужно платить.
30. Не обнаружив на ужин курицу и сосиски, не нужно говорить, что опять есть нечего — жена может обидеться.
31. Выходя на улицу, обязательно брать с собой запас воды и сухой паек на трое суток.
32. Если вас останавливают ночью на посту ГАИ и говорят «двадцать», то это сумма штрафа, а не пароль.
33. Решения в вышестоящий штаб подавать на украинском языке, а не на английском.
34. Поговорив с местной женщиной днем, можно не бояться, что ночью ее голову принесут в мешке.
35. Услышав вой сирены на улице, не нужно бежать в подвал.
36. Собираясь проснуться пораньше, не нужно просить солдата, чтобы он тебя разбудил, а просто заведи будильник.
37. Просыпаясь утром, не нужно будить своего начальника.
38. Телевизор можно смотреть без спутниковой тарелки и тюнера.
39. Следует помнить, что за мобильную связь нужно платить и набирать номер телефона, а не вызывать ноль-первого.
40. Не нужно накрывать собой бутылку шампанского, вскрытую за столом с хлопком, и кричать «Ложись!»
41. Нужно сразу запомнить, что водка стоит не 20 долларов.
42. Увидев в 100 м от дороги человека, говорящего по мобильнику, не нужно его расстреливать из КПВТ и думать, что он хочет подорвать фугас.
43. Из холодильника можете взять больше двух банок пива или сока.
44. Собираясь выйти на улицу в 8 часов, не нужно ребенка выгонять в 6 часов на разведку маршрута.
45. Нужно помнить, что дома командиры ездят на «уазиках», а не на «Шевроле».
46. Проезжая мимо скопления детей, не нужно бросать им бутылки с водой.
47. Сдавая жене белье в стирку, не нужно требовать от нее квитанцию.
48. Рыбу в реке можно ловить удочкой, а не на гранату или минометную мину.
49. Встретив на улице американца, обязательно, здороваясь, говорить: «Привет, пиндос!»
50. Идя на охоту, не брать с собой АГС и СВД.
51. Выезжая на автомобиле в город, не нужно заставлять ребенка высовываться по пояс через стекло справа и называть его филином.
52. Для разговора с женой и друзьями по мобильному телефону не нужно использовать переговорную таблицу.
53. Называя адрес таксисту, не нужно указывать координаты по американской карте.
54. Собираясь на рынок, не нужно заказывать авиационную разведку маршрута.
55. Реки вброд нужно преодолевать поперек, а не вдоль.
56. Не отправляйте своему начальнику по электронной почте вместо донесения отрывок из порнофильма.
57. Теперь для вас Центрикс и Сторчик — ругательные слова.
58. И запомните: Али-Баба теперь для вас — это сказочный герой, а не мужик с гранатометом.
59. Выходя из кухни не нужно брать с собой пакетики с кофе, чаем и сахаром.
60. Помните, что в сети 220 В.
61. Скорая помощь — не вертолет-медэвак, в Багдад за 2 бутылки водки не повезет.
62. Помни, что Киевский мост находится в Киеве.
63. Включая свет, светомаскировку опускать не нужно.
64. Пальма перед окном теперь для нас экзотика.